

ПУТЬ III. ЗЕРКАЛО ДУШИ

АМОРЕ Д'ЛИССЕН

Путь

Аморе Д'Лиссен

Путь III. Зеркало души

«Accent Graphics communications»

2014

Д'Лиссен А.

Путь III. Зеркало души / А. Д'Лиссен — «Accent Graphics communications», 2014 — (Путь)

Данная книга представляет собой третий том трилогии «Путь», которая повествует о непоколебимой воле, холодном разуме и трепете пылких сердец людей, стремящихся следовать своим идеалам даже в темное время несправедливости и отчаяния. Людей, которые, несмотря ни на что, не утратили веры в себя, в своих сограждан, в свою страну и в свою судьбу. В третьем томе трилогии неимоверный накал политических страстей и самых обычных человеческих эмоций, заметно обострившихся с очередным витком борьбы международной преступной организации за свои далеко идущие цели, вновь и вновь взывает к разуму людей. Виртуозная и смертельно опасная игра, разворачивающаяся по обе стороны Атлантики, близится к своему логическому финалу, предоставляя каждому из героев шанс определиться с тем, ради чего стоит жить, а за что не жалко и умереть...

© Д'Лиссен А., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

О книге	6
Порт	7
Инцидент	9
Слово	14
Дежавю	17
Следствие	20
Доклад	24
Контакт	27
Контрагент	30
Больница	34
Аэропорт	37
Разговор	40
Свидетель	47
Пациент	60
Небесная высь	62
Цель	73
Посланники	76
Выбор	83
Договор	87
План	94
Посетитель	97
Партия	98
Сны	102
Семья	106
Черёд	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Аморе Д'Лиссен

Путь III. Зеркало души

© Аморе Д'Лиссен.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

О книге

Путь III. ЗЕРКАЛО ДУШИ

Все имена, персонажи, наименования, факты, действия и события, описанные в данной книге, являются вымыслом. Любые совпадения и возможные ассоциации с конкретными людьми, компаниями, учреждениями, событиями или местами, совершенно случайны и непреднамеренны.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная трилогия повествует о непоколебимой воле, холодном разуме и трепете пылких сердец людей, стремящихся следовать своим идеалам даже в тёмное время несправедливости и отчаяния. Людей, которые, несмотря ни на что, не утратили веры в себя, в своих сограждан, в свою страну и в свою судьбу. В третьем томе трилогии неимоверный накал политических страстей и самых обычных человеческих эмоций, заметно обострившихся с очередным витком борьбы международной преступной организации за свои далеко идущие цели, вновь и вновь взывает к разуму людей. Виртуозная и смертельно опасная игра, разворачивающаяся по обе стороны Атлантики, близится к своему логическому финалу, предоставляя каждому из героев шанс определиться с тем, ради чего стоит жить, а за что не жалко и умереть...

КНИГИ ТРИЛОГИИ

– ПУТЬ I. РУКА СУДЬБЫ

– ПУТЬ II. ТЬМА СЕРДЕЦ

– ПУТЬ III. ЗЕРКАЛО ДУШИ

РЕКОМЕНДАЦИИ

Данное произведение не рекомендуется для прочтения детям до 18 лет, лицам с несформировавшейся системой морально-этических ценностей, а также глубоко религиозным людям.

ПРАВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

Любое копирование, передача и распространение данной книги или отдельных её частей, а также какое-либо иное её использование в коммерческих целях без письменного согласия автора не допускается. Данный экземпляр предназначен исключительно для персонального прочтения.

Порт

(19.04.2013, Владивосток, 18–30)

«Распечатайте мне детальную сводку по факту отгрузки и производственный план перевалки в разбивке по контрагентам на предстоящую неделю. И, поживее, там! Некогда мне вас тут сидеть и ждать! Через десять минут я уезжаю и все эти материалы обязательно должны быть у меня...» – властно распорядился по телефону Александр Александрович Воротилов, недавно назначенный на должность директора администрации государственного порта во Владивостоке. Сделав небольшую паузу, упитанный человек в возрасте около 55 лет, сидевший за столом, окинул взглядом интерьер бывшего кабинета Игоря Всеволодовича Славского, после чего со вздохом, обращаясь к своему заместителю, подытожил – «Всё здесь надо менять, Аркаша. Всё подряд – начиная от этого дешёвого старомодного госкабминного интерьера и заканчивая всеми этими местными кадрами. И до чего же народ тут избалованный-то в администрации порта! Пятница им, понимаешь! Домой все собрались уже, даже с руководством не согласовав! А работать, кто будет?! Ничего мы и этих знатоков трудового кодекса научим жить по правилам – пару раз останутся без премий, начнут головой думать...».

«Да, чего говорить, совсем их тут Игорь Всеволодович Славский распустил...» – одобрительно кивнул, сидевший в кресле напротив него худощавый молодой человек в возрасте около 30 лет, осторожно уточнив – «Едем или подождём материалы?». Аркадий Игоревич Маслов, занявший в свои молодые годы ответственный пост первого заместителя директора порта по коммерции и производству, активно изучал контракты и материалы, всецело вникая в суть портового бизнеса, понимая, что именно этот бизнес, под чутким руководством его дяди, станет основой благополучия и его собственной семьи на долгие годы вперёд.

«Вот ещё – ждать их...» – недовольно буркнул Воротилов, добавив – «Ладно, пошли в машину грузиться, материалы пусть туда принесут...».

Через несколько минут оба руководителя вышли из здания порта и, переговорив о чём-то с начальником охраны, предусмотрительно ожидавшим их внизу, сели в новенькую Тойоту.

«Шеф, я тут, кстати, вчера встречался с Витей Вороновым, который был замом по коммерции у Славского. Были вопросы, которые надо было порешать, так вот он мне много чего интересного порассказал и про порт и про тот странный наезд на Игоря Всеволодовича...» – медленно барабанил пальцами по рулю в ожидании материалов, произнёс Аркадий, продолжив – «Проблемы, он говорит, у них были, и не слабые...».

«Да пустое всё это, Аркаша – даже в голову не бери...» – недовольно отмахнулся Александр Александрович, пояснив – «Всё и так ясно – сдали они свой порт, вот и вся тут история. Могли бы спокойно ещё работать и работать и деньги зарабатывать и себе и другим. Подумаешь, наехали на них – эка невидаль в России, право! Ну, денег отобрали у них, честно заработанных в порту. Всё понимаю – неприятная оказия. Впрочем, чего не бывает – упал, так вставай и иди дальше! Бьют – так держи удар! А Славский, слюняй – струхнул и всё... А что, скажи на милость, людям из агентства по управлению государственным имуществом, которые его туда поставили, с его пустого сидения в порту на должности? Им от его толерантности ни холодно, ни жарко. В конце концов, не можешь денег заработать, ну так не сиди – уступи место тому, кто сможет! Вот поэтому по итогам прошедшего ежегодного собрания акционеров, его и не утвердили на должности на новый срок по каким-то незначительным формальным нарушениям, выявленным в ходе ревизионной проверки...».

В этот момент к машине подбежал запыхавшийся сотрудник бухгалтерии и, несколько раз извинившись, передал через окно машины папку с только что распечатанными документами, после чего спустя мгновение автомобиль медленно выехал из ворот порта и в кампании

джипа сопровождения с личной охраной Александра Александровича направился в сторону области.

«Да, там не всё так просто, было...» – продолжил обсуждение Маслов, поглядывая на дорогу, уточнив – «Судя по словам Воронова, их ведь тогда не просто «кинули» на деньги, а ещё и поставили перед фактом – или они полностью прекращают все свои чёрные схемы в порту, или их пустят в расход. Принимая во внимание такой расклад, Славский решил работать в порту просто, прозрачно и без всякого личного интереса, полагая, что когда-нибудь он сможет снова возобновить свою нормальную коммерческую деятельность в порту. А, самое занятное, что в тот раз на них наехали не какие-нибудь авторитеты или зарвавшиеся силовики, а экзорцисты – те самые, информация о которых периодически появляется в новостях...».

«Да зараза этот ваш Славский...» – в сердцах выругался Воротилов, эмоционально добавив – «Зла у меня на таких людей не хватает. Ладно бы просто ушёл в тень и сидел себе тихо, а то ведь взял и снял все технические ограничения по отгрузке, нарастил грузооборот порта за год почти на двадцать процентов! Герой тоже мне нашёлся! А нам теперь тут расхлёбывай, выдумывай под каким предлогом, отказывать в приёмке груза к перевалке, чтобы наладить каналы коммерческого взаимодействия с грузоотправителями. Вот, к примеру, удалось тебе тему перевалки с сибирскими лесозаготовителями дожать? Второй месяц мы им грузиться не даём, а где результат? Вот и скажи спасибо за это своему Славскому...».

«Лесников мы дождём – им с их грузом и такой дальностью перевозки просто некуда деваться, подёргаются и вернутся...» – с горечью кивнул Аркадий, опасливо поинтересовавшись – «Сан Саныч, а нам самим точно ничего не угрожает? Всё-таки экзорцисты, как ни как... А с такими ребятами не шутят...».

«Всё в порядке...» – успокаивающе произнёс директор порта, после чего задумчиво добавил – «Позиции наши в самом порту не вызывают вопросов. Принимая во внимание, что моё назначение в порт согласовано в агентстве по управлению госимуществом на самом высоком уровне, мы вообще можем делать тут всё, что сочтём нужным. Что же до этих беспредельных ребят, экзорцистов или как их там, то мне тоже кое-чего порассказали, пока я согласовывал назначение там, в Москве. Дело в том, что, во-первых, они не размениваются по мелочам, предпочитая работать по крупным коррупционерам и чиновникам, а, во-вторых, они проводят зачистку по списку, публикуемому прямо в сети Интернет, тем самым предупреждая тех, кого судят о своих намерениях. Вот теперь и прикинь – есть у тебя лишняя сотня другая миллионов долларов на счетах?».

Аркадий отрицательно покачал головой, не отрываясь от дороги.

«Вот и у меня нет. И пока мы с тобой их не накопим, то и волноваться нам, соответственно, об этих самых экзорцистах ровным счётом не зачем. Это пусть они там, в Москве, состоятельных чиновников обрабатывают, а мы пока тут себе хлебушка на пенсию зарабатываем...» – раскатисто рассмеялся Воротилов, успокаивающе добавив – «Да и чего там далеко ходить – смотрел я сегодня этот список из тысячи потенциально коррумпированных российских чиновников на их веб-сайте в сети Интернет. И, разумеется, уже кого-кого, а нас с тобой в нём нет – поэтому спокойно закрепляемся в порту и работаем дальше...».

«Это хорошо, а то разговор с Вороновым заставил меня изрядно понервничать...» – улыбнулся Аркадий, после чего, заметив, наконец, назойливое мигание фар в зеркале заднего вида, с удивлением произнёс – «Странно, чего они там сигналият... Лень по сотовому телефону набрать, что ли?».

«Чёрт, да это и не наши вовсе!» – быстро обернувшись, с дрожью в голосе выпалил Александр Александрович, после чего, выхватив сотовый телефон, со всей силы крикнул на ухо Аркадию – «Гони! Гони быстрее! Это пришли по нашу душу!». Спустя секунду с неистовым рёвом мощного двигателя, спрятанного под капотом, машина сорвалась с места, унося обоих вдаль прочь от неминуемой гибели...

Инцидент

(20.04.2013, Владивосток, 06–00)

В эту ночь Сергей спал беспокойно и нервно, периодически просыпаясь от невыносимой духоты в квартире, создаваемой батареями центрального отопления, регулирование которых явно запаздывало по отношению к резкому потеплению погоды, малейших шорохов и посторонних звуков, доносившихся из распахнутого настежь окна.

В предзвездный утренний час, эклектичный сон майора, в ярких красках и образах повествовавший о какой-то сумбурной и сюрреалистичной ситуации на работе, медленно и плавно перешёл в давний ночной кошмар полутораговой давности. Лицо Мазаева изрядно побледнело, по всему телу прошла судорога, в то время как по лбу начал струиться холодный пот... Сергей снова был в комнате отеля в Нью-Йорке, залитой лунным светом, стоя в спасительном круге, очерченном едва различимой тонкой линией на полу. И снова, как и в тот раз, он увидел наводящие ужас горящие зелёные глаза потустороннего существа... Огромный пушистый белый кот с улыбкой многочисленных рядов острых зубов, медленно нарезал круги вокруг майора...

«Этого просто не может быть...» – перекрестившись, прошептал Сергей – «Это сон, всего лишь очередной ночной кошмар...».

Котыра, ничего не ответив, издал протяжное – «Мяяу!», после чего сильно уменьшившись в размерах, спокойно прошёл через защитный круг на полу, принявшись тереться о ноги майора.

Едва не завопив от ужаса во весь голос Мазаев резко проснулся, сел на кровать, после чего, вытерев рукой обильно лившийся со лба пот, встал и осторожно подошёл к окну. Остатки ночного кошмара постепенно таяли в сознании майора, чего нельзя было сказать о надоедливом «Мяяу!», которое предательски повторилось ещё, по меньшей мере, раза три.

Посмотрев в окно и увидев, сидевших на ближайшем дереве двух мартовских котов, громко оспаривавших между собой права собственности за прилегающую к дому территорию, Сергей с заметным облегчением захлопнул форточку и выругался – «Да чтоб вас всех!».

После чего, увидев мигавший на тумбочке в тихом режиме сотовый телефон, сигнализовавший о входящем звонке, стараясь не разбудить, беззаботно спавшую жену, Ксению, Сергей, взяв трубку, тихо вышел из комнаты и, пройдя на кухню, закрыл за собой дверь.

«Мазаев слушает...» – всё ещё сонным голосом произнёс майор, ответив на звонок.

«Шеф, это я, Денис...» – раздался на удивление бодрый и звонкий голос Выходцева.

«Разумеется, Денис, это ты... А кому же ещё в голову придёт позвонить мне в 6 часов утра, зная, что я в отпуске?» – с долей сарказма в голосе ответил Мазаев, явно не оценив служебное рвение своего коллеги, заинтересовавшись – «Ладно, раз уж разбудил, давай выкладывай, чего там у нас стряслось...».

«Если кратко, то случилось небольшое чрезвычайное происшествие, которое грозит стать громким и резонансным уголовным делом. Печоров приказал в срочном порядке мобилизовать всех сотрудников главного следственного управления. Генерал уже подписал по тебе отзыв из отпуска – нам с тобой приказано оперативно выехать на место происшествия и пообщаться с коллегами. Я уже подъезжаю к твоему дому...».

«Отзыв из отпуска?! Вот же, блин! Ну что за дела?» – в сердцах выругался майор, после чего нехотя буркнул – «Ладно, жди внизу, скоро буду...».

Спустя пять минут, спешно одевшись и собравшись, Сергей медленно подошёл к спавшей жене и, нежно поцеловав её, тихо произнёс – «Ксюш, мне тут отъехать надо по делам – по работе. Постараюсь вернуться поскорее, но там уж как пойдёт – сама знаешь...».

«Опять у вас там что-то случилось?» – нехотя, приоткрыв глаза, понимающе произнесла Ксения, с укоризной добавив – «И снова ты готов сломя голову лететь на работу, оставив свою бедную жену коротать это прекрасное утро в полном одиночестве... Ведь так?».

«Сама же знаешь – служба зовёт. Да и если не мы то, кто сделает за нас нашу работу?» – несколько извиняющимся тоном ответил Сергей.

«Да, да, как всегда... Ладно уж, иди...» – с улыбкой прошептала Ксения, медленно закрывая глаза...

* * *

Выйдя из подъезда своего дома Мазаев, потянулся и нехотя сел в ожидавшую его служебную машину.

«Оперативно же ты, шеф, собрался...» – рассмеялся Выходцев, окинув взглядом, хмурого и помятого выглядевшего майора, после чего завёл машину и медленно тронулся с места.

«Денис, не тяни – давай рассказывай, что у вас там за небольшое чрезвычайное происшествие...» – несколько оживившись, сразу перешёл к делу Сергей, мимоходом рассматривая проплывавший за окном автомашины городской пейзаж Владивостока.

«Видел вчера вечером в новостях репортаж о необычном дорожно-транспортном инциденте, произошедшем на областной трассе?» – поинтересовался капитан.

«Что-то слышал – если не ошибаюсь, сообщали, что какие-то чудики на новенькой тойоте на полной скорости въехали в какой-то мусоровоз» – одобрительно кивнул головой Мазаев, припоминая детали надоедливой репортажа, добавив – «Впрочем, это ведь не наша компетенция – мы то тут причём? Вот пусть дорожно-транспортная полиция и расследует это дело...».

«Да, всё оно, конечно, так, если бы не одно обстоятельство» – загадочно произнёс Денис, уточнив – «Вот лучше посмотри свежееотпечатанный выпуск газеты, которая сегодня выйдет в тираж – лежит в бардачке».

Сергей достал экземпляр, всё ещё пахнувший свежей типографской краской, и, развернув газету в руках, быстро прочёл заголовок на первой странице издания – «Экзорцисты провели «зачистку» порта...». Лицо майора предательски передёрнулось в шоке от увиденного, после чего, он медленно выдохнул и, внимательно посмотрев на подчинённого, требовательно переспросил – «В смысле? Причём тут вообще экзорцисты? Кто вообще погиб в том дорожно-транспортном происшествии?».

«По последним данным в той новенькой иномарке, на полном ходу встретившей этот непонятный мусоровоз, находились вновь назначенный директор администрации порта Владивостока, Александр Александрович Воротилов и его заместитель по коммерции и производству, Аркадий Игоревич Маслов. Он же, кстати, приходился Воротилову родным племянником, что, впрочем, зная нашу российскую действительность, вовсе неудивительно» – быстро отчитался Выходцев, добавив – «Личности обоих удалось установить по косвенным признакам. Прямое опознание тел затруднено, поскольку, машина шла на большой скорости. Впрочем, это пока всё, что нам известно на данный момент. Сейчас едем на место происшествия, где коллеги из дорожно-транспортной полиции, введут нас в курс произошедшего во всех подробностях...».

«Порт... порт...» – медленно повторил Мазаев, после чего, наконец, вспомнив, когда и при каких обстоятельствах ему раньше доводилось слышать о порте, быстро переспросил – «А это, случаем, не тот самый порт, директором которого был в своё время Игорь Всеволодович Славский?».

«Вроде тот же. Слышал, что Славского недавно не утвердили на должности на новый срок, вот таким образом месяца три тому назад Воротилов, подсутился и стал новым директором администрации порта...» – пожал плечами Денис, после чего, хлопнув себя ладонью по

лбу, воскликнул – «Чёрт возьми, шеф, а ведь точно! Славского ведь экзорцисты тоже обрабатывали по полной программе! Видимо, всё-таки у них имеется какой-то интерес к этому нашему порту!».

«Ладно, на дорогу смотри, давай – рано ещё выводы делать ...» – отмахнулся майор.

«Шеф, я тут всё спросить хотел, но как-то всё случая не было...» – непривычно робко несколько интригующим голосом произнёс Выходцев.

«Чего ещё?» – хмуро переспросил Мазаев, с головой погружившийся к тому моменту в тягостные мысли о событиях полуторагодовой давности в далёком Нью-Йорке, о смерти Легасова, о межведомственной оперативно-следственной группе, о безнадёжно канувшем в лета отпуске из-за начала очередного масштабного дела и о Ксении, которую явно не обрадует подобный поворот событий.

«Зачем ты вернулся к нам? В смысле ты же мог остаться там, в США – после завершения судебного процесса? Думаю, кому-кому, а тебе бы охотно дали политическое убежище, принимая во внимание, разгоревшийся скандал вокруг гибели Легасова. Дочь у тебя, опять же, там, в местном университете учиться, да и жить вроде вам всем там было где...» – нетерпеливо поинтересовался капитан, сочтя небрежно брошенную майором фразу приглашением к дальнейшему разговору по интересующей его теме, поспешно добавив – «Не пойми меня неправильно – просто интересно почему. Если не ошибаюсь, ты же вроде и английский язык учить начал?».

«Денис, ты и вправду думаешь, что я мог бы опуститься до того, чтобы попросить политического убежища в другом государстве, опасаясь вернуться на собственную родину?» – с некоторым раздражением в голосе ответил Сергей, после чего увидев, искреннее смущение на лице подчинённого и активное покачивание головой, спокойно продолжил – «Да и, подумай сам. Что мне вообще было там делать? Здесь я точно знаю кто я – я майор, следователь главного следственного управления по особо важным делам, да и, в конце концов, обычный россиянин, день за днём служащий интересам своей отчизны, ежедневно делящий радости и трудности с миллионами своих сограждан. А кем бы я был там? Эмигрантом без прошлого, настоящего и будущего? Человеком без родины? Вот я и решил, что мне лучше вернуться домой, а там уж, как кривая судьбы выведет – или простят или, на худой конец, буду инновационные нанотехнологии где-нибудь на лесоповале в Сибири внедрять. Всё одно – на родине, а что до языка – то я и сейчас активно учу английский, но вовсе не для того, чтобы уехать, а для того, чтобы не лопухнуться как в тот раз с Логиновой...».

«Шеф, а ты разве не москвич?» – с удивлением округлил глаза Денис.

«Родина, Выходцев, не ограничивается пределами московской кольцевой автодороги, если ты вообще об этом...» – недовольно проворчал Мазаев, язвительно добавив – «Да вообще, привык я уже к нашему Владивостоку – вот думаю, не осесть ли тут насовсем. Это тебе не душная, многолюдная Москва со всеми её сложностями и интригами...».

«Да, уж... Знал бы ты, как мы все были удивлены твоему возвращению...» – несколько виноватым голосом продолжил Денис, добавив – «Генерал наш, Печоров, с руководством ведомства из-за тебя чуть не переругался...».

«Да, Севастьян Михайлович наш, генерал что надо...» – одобрительно кивнул Сергей, добавив – «Если бы они с Пуховым на пару за меня лично не поручились, меня бы ни за что не восстановили... Бери правее – кажется приехали».

С последними словами машина сбавила ход и медленно припарковалась возле автомашины дорожной полиции с проблесковыми маячками, стоявшей на обочине возле места вчерашнего дорожно-транспортного происшествия.

* * *

Разглядев в зеркале заднего вида подъезжавший автомобиль, двое упитанных сотрудников дорожной полиции, отложили свою обычную утреннюю трапезу, состоявшую из бутербродов с горячим кофе, и, быстро надев фуражки, вышли из машины, направившись навстречу долгожданным гостям.

Сергей, весьма озадаченный публикацией в местной газете и, потому, пребывавший в изрядно хмуром настроении, вышел из машины и вместе с Денисом подошёл к ожидавшим их коллегам.

Высокий незнакомец в форме протянул руку, со словами – «Ярослав Баров. С пяти часов утра вас тут дожидаемся, могли бы и побыстрее, что ли... Всё-таки не лето – холодно же ведь!».

Мазаев молча кивнул обоим и, сухо пожав каждому руку, мельком взглянул на погоны незнакомца, после чего быстро перешёл к делу – «Капитан, ты тут в ранний час хотя бы на работе, а меня так вообще из отпуска вытащили, что меня совсем не радует. Поэтому давай не тяни кота за хвост – выкладывай быстро и по форме, что у вас тут вчера произошло».

Высокий, сперва опешив от подобного обращения, быстро вошёл в рабочий ритм, рассказывая обстоятельства дорожно-транспортного инцидента и дорожную обстановку, сложившуюся на момент происшествия, наглядно демонстрируя местоположение машин, следы тренов и фотографии с места.

«Это та сама иномарка?» – недоверчиво поинтересовался Выходцев, с любопытством рассматривая груды искорёженного металла, стоявшую на обочине в нескольких метрах от здорового оранжевого мусоровоза получившего несоразмерно меньшие повреждения.

«Да, она самая – удар был в стоящее препятствие на скорости около ста семидесяти километров...» – кивнул второй сотрудник дорожной полиции, пояснив – «Машина буквально въехала под мусоровоз – оба пассажира, мужчины, скончались на месте. Потом специалисты ещё часа полтора резали стойки и раздвигали смятую конструкцию гидравликой, чтобы их оттуда извлечь. Зрелище было жуткое...».

«А почему тормозной путь у них был такой короткий?» – поинтересовался Мазаев, добавив – «Понятно, что раз попытались затормозить, то с техникой, видимо, всё было в порядке, но чего раньше-то не отреагировали?».

«Машина на скорости под двести километров летела в гору, при этом обзор составлял оценочно не более ста метров, а само препятствие, в виде стоявшего на полосе мусоровоза, располагалось за холмом в «слепой зоне». Соответственно у них просто не было шансов отреагировать, поэтому и тормозного пути почти нет...» – услужливо пояснил Ярослав, стараясь отчасти сгладить своё первоначальное недружелюбное поведение.

«А чей мусоровоз? Личность водителя установить удалось?» – продолжил расспрос Сергей, осматривая повреждения специализированного транспортного средства.

«Вчера вечером его заявили в угон наши городские коммунальщики – недосчитались машины на стоянке вот сразу и подняли шум...» – уточнил капитан, добавив – «Данных о водителе автотранспортного средства не имеется. Вроде бы даже из проезжавших в тот вечер по дороге автомобилистов кто-то видел на этом холме человека махавшего руками, сигнализируя об опасности, но куда тот потом делся неизвестно».

«Понятно. Значит, ждали они именно эту машину, а остальных просто отваживали, чтобы никто случайно не влетел в заранее заботливо поставленный ими на трассе в этом месте мусоровоз...» – понимающе кивнул Мазаев.

«Полагаете, это подстава?» – с интересом переспросил Ярослав.

«Шли на скорости, их ждали с мусоровозом в виде стоящего препятствия, при этом пропускали другие машины. Это не подстава – это чистой воды убийство...» – сухо ответил майор,

добавив – «Вот только никак не пойму – что это директор порта, Воротилов, и его заместитель, Маслов, или как его там, в такое беспокойное время, делали на дороге одни и совсем без охраны. Полагаю, что они были хорошо осведомлены о том, что случилось с предыдущим директором порта, чтобы не делать подобных глупостей. Капитан, а не было ли других каких инцидентов на трассе?».

«Вчера ещё джип с несколькими коренастыми ребятами сошёл с дороги – отсюда километра два в сторону города, двигались тоже в область...» – быстро припомнил капитан, пояснив – «Шли они быстро, но обошлось без жертв – машина слетела в кювет на повороте и несколько раз перевернулась. Всех, разумеется, госпитализировали – у каждого переломы, ушибы и сотрясения, но это, как у нас говорится, мелочи жизни. Сами пострадавшие говорят, что просто слетели с трассы, хотя по джипу было видно, что их кто-то конкретно так бортанул. Впрочем, нам, сами понимаете, без разницы – сами так сами, нам же проще...».

«Понятно теперь куда делась их охрана...» – процедил сквозь зубы Сергей, добавив – «Все материалы по тому инциденту также откопируйте нам в срочном порядке...».

«Сделаем» – охотно кивнул Ярослав, берясь за рацию.

«Шеф, а с чего бы им вообще было так гнать по трассе?» – поинтересовался Выходцев, принимая от второго коллеги под роспись папку с фотографиями и копиями документов по делу.

«Вряд ли в этот пятничный вечер они куда-то насколько торопились... Вероятнее всего, они пытались скрыться – скрыться от погони. По всей видимости, те ребята, что аккуратно бортанули джип с их охраной двумя километрами ранее, инсценировали преследование их машины с тем, чтобы Воротилов с Масловым выжали всё из своей иномарки, летя навстречу собственной гибели» – рассудительно произнёс майор, добавив – «Ладно, всё посмотрели – пора и в управление на доклад...».

С последними словами Мазаев пожал руки коллегам из транспортной полиции и с прежним хмурым видом направился в машину.

«Вот это я понимаю, следователь!» – восхищённо произнёс Ярослав, кивнув в сторону уже сидевшего в машине майора, и, крепко пожав руку Выходцеву, добавил – «За пять минут определил, что это было не какое-то там дорожно-транспортное происшествие, а настоящее заказное убийство! Да ещё и всю их схему как на духу изложил! Бьюсь об заклад – ещё пару дней, он и на след заказчиков выйдет!».

«А чего там выходить-то?» – с недоумением переспросил Денис, протянув мятый экземпляр утреннего издания – «Капитан, ты газету сегодняшнюю глянь, вот всё сам и поймёшь...».

Спустя минуту Выходцев сел за руль машины, с язвительной улыбкой подмигнув майору – «Шеф, а ты, со своей логикой, просто фурор на коллег произвёл!».

«Давай в управление...» – устало проворчал Сергей, устраиваясь удобнее, чтобы прикорнуть ещё полчаса по дороге на работу...

Слово

(21.04.2013, Владивосток, 06–00)

«Да иду, иду же! Сколько можно, ну право же слово!» – протирая глаза и одеваясь на скорую руку, пробормотал худощавый молодой человек тридцати лет, в ответ на продолжительный звонок в дверь, после чего нацепив на нос аккуратные очки, побрёл по коридору квартиры к входной двери.

Подобные ранние визиты уже давно не удивляли Бориса, который рассматривал их в качестве неотъемлемой и весьма важной части своей работы.

«В конце концов, что есть работа журналиста, если не общение с людьми – потенциальными источниками бесценной кладези информации? Да, кто-то может зайти к нему в его небольшую каморку в редакции местной газеты, а кому-то удобно вот так вот – явиться прямо домой под утро чтобы, перебудив половину спящего дома, рассказать о новых сенсациях минувшего дня...» – рассуждал про себя Козьмин – «Впрочем, какая разница – главное, чтобы им было, что рассказать».

«Кто там?» – предусмотрительно поинтересовался журналист, понимая, что связи, конечно, связями, но и вопросами собственной безопасности, принимая во внимание российскую действительность, также нельзя пренебрегать.

«Борис Козьмин?» – раздался мужской голос из-за двери, после чего, получив утвердительный ответ, голос продолжил – «Откройте – полиция...».

Разглядев в глазок двери служебное удостоверение, журналист, пробормотав что-то не особо приветливое, открыл дверь со словами – «Чем обязан?».

«Есть разговор, относительно Вашей вчерашней публикации...» – кивнул коренастый мужчина, решительно входя в квартиру, вслед за ним вошёл ещё один рослый мужчина и молодая девушка среднего роста с черными волосами, добрую половину лица которой, скрывали широкие солнцезащитные очки.

«Видимо, вы имеете в виду статью о гибели директора порта?» – догадливо поинтересовался Борис, уточнив – «Чем именно я могу вам помочь?».

«Мы бы хотели узнать, кто именно предоставил Вам информацию для данной статьи...» – произнесла девушка, осматривая аскетичный интерьер небольшой квартиры Козьмина, по всей видимости, не видевший ремонт самой постройки дома.

«Вы же понимаете – я не сдаю своих информаторов...» – улыбнулся молодой человек, пояснив – «Это правило профессиональной этики журналиста – в противном случае, кто придёт ко мне в следующий раз?».

«Данная информация очень нужна нам в интересах следствия, поэтому мы просим Вас, отойти от строгости вашей профессиональной этики в пользу нашего общего дела...» – мило улыбнулась девушка, добавив – «Разумеется, всё сказанное останется строго между нами...».

«Господа, вы просите меня о невозможном, впрочем, если вам так хочется это узнать, то вы можете прислать мне официальную повестку на допрос, о чём, разумеется, незамедлительно узнают все наши читатели из очередного выпуска новостной газеты...» – с самодовольной улыбкой произнёс журналист.

Девушка, более не проронив ни слова, слегка кивнула одному из сопровождавших её здоровяков, после чего в глазах молодого человека появились круги и он потерял сознание от полученного удара...

* * *

Набрав полное ведро воды в ванной комнате, коренастый медленно прошёл в большую комнату и, получив ещё один кивок девушки, одним взмахом вылил содержимое ведра на привязанного к деревянному стулу журналиста, всё ещё пребывавшего без сознания...

«А соседи не затопим? А то ещё прибегут...» – резонно поинтересовался второй мужчина.

«Это же первый этаж, какие там внизу соседи? Во всём есть свои преимущества, так сказать...» – с улыбкой пожал плечами коренастый.

Промокший до нитки Борис, чувствуя острую боль в затылке, медленно открыл глаза, безуспешно попытавшись что-то пробормотать, сквозь торчавший во рту кляп.

Девушка улыбнулась, после чего мягко склонившись над его ухом и медленно акцентируя внимание на важных аспектах их дальнейшего сотрудничества, произнесла – «Борис, знаешь, нам очень нужна эта информация, поэтому либо ты расскажешь нам всё, что знаешь добровольно, и больше никто не пострадает. Либо ты пострадаешь ещё сильнее, но при этом всё равно ты нам всё расскажешь. Видишь, ремень, перетягивающий твою правую ногу? Знаешь, зачем он?».

Молодой человек с ужасом в глазах отрицательно помотал головой.

«Затем, чтобы ты не умер от потери крови, когда я прострелю тебе колено из пистолета с глушителем. Потому, что ты нам ещё очень и очень нужен...» – с улыбкой произнесла девушка, добавив – «Полагаю, теперь, тебе ясно, что у тебя нет выбора?».

Журналист, зажмурив от страха глаза, несколько раз кивнул головой в знак согласия.

«Сейчас я выну кляп, и ты тихо и без глупостей расскажешь нам всё что знаешь – абсолютно всё...» – проинструктировала девушка и, вынимая кляп, с улыбкой уточнила – «Если тебе дорого твоё правое колено и остальные части тела, разумеется...».

«Я всё расскажу...» – тихо произнёс Борис, сломленный подобным излишне близким контактом с грубой российской действительностью, понимая, что ни карьера, ни его связи не стоят того, чтобы отдавать за них свою жизнь...

«Позавчера под вечер ко мне пришёл мужик, здоровый такой шкаф...» – быстро и несколько сбивчиво Козьмин начал излагать историю газетной публикации, продолжив – «Пришёл и, представившись, полковником федеральной службы безопасности, без указания имени и фамилии, сказал, что у него есть сенсационная информация о произошедшем дорожно-транспортном происшествии на дороге из Владивостока. Он мне рассказал о том, что на самом деле произошло с предыдущим директором порта, Игорем Славским. После этого он поведал, что экзорцисты имеют весьма далеко идущие интересы в данном порту – что-то связанное с перевалкой нелегальных грузов и оружия, шедших в страну из-за рубежа.

Он попросил написать об этом статью, объяснив, что в настоящее время они занимаются разработкой нескольких подозрительных иностранцев, по всей видимости, причастных к данному террористическому движению, на достоверное установление вины которых им попросту не хватает собранных материалов. Вместе с тем, появление статьи заставит их дёргаться, неизбежно совершив какую-нибудь ошибку.

Сказал, также, что его ведомство готово даже профинансировать данную работу в умеренных масштабах, но я, понятное дело, отказался – поскольку, с такими людьми нужно налаживать личный контакт, а не пытаться извлечь выгоду из каждой подвернувшейся возможности. Да и что могло быть лучшим вознаграждением за труды, чем возможность сделать сенсационную статью? А ещё он просил никому о данном разговоре не распространяться, чтобы не подставить ни себя, ни его под удар...

В тот же вечер я набросал статью и, заверив редактора, что это настоящая «бомба» убедил его незамедлительно дать её в почти готовый в печать номер газеты. Вот собственно и вся история...».

Девушка внимательно посмотрела журналисту в глаза, после чего, по всей видимости, убедившись в достоверности рассказа, снисходительно добавила – «Опиши подробно, как выглядел приходивший к тебе человек...».

Ещё через пять минут, весь этот допрос с пристрастием закончился к неимоверному облегчению Козьмина, после чего с правой ноги исчез сдавливавший её ремень, но злополучный кляп снова вернулся на своё место.

«А может его всё-таки в расход?» – поинтересовался один из здоровяков вслух, пояснив свою мысль – «Журналисты народ болтливый – язык за зубами вообще держать не умеют...».

Борис, привязанный к стулу, замер на месте, едва дыша, с мольбой в глазах глядя на незнакомцев, столь небрежно и буднично решавших его собственную судьбу.

«Этот наш умный – никому не расскажет...» – улыбнулась девушка, фамильярно похлопав журналиста по щеке, поинтересовавшись – «Ведь так?».

Молодой человек несколько раз энергично кивнул головой.

«Вот и отлично!» – произнесла девушка, после чего все трое покинули квартиру, оставив Козьмина, сидеть привязанным к деревянному стулу, наедине со своими собственными мыслями о категориях добра, зла и российской действительности...

Дежавю

(21.04.2013, Владивосток, 13–00)

С большим трудом, развязавшись и протирая затёкшие руки и ноги, Козьмин прошёл на кухню, где выпил валерьянки и таблетку от головной боли. После этого, тихо проклиная про себя совсем распоясавшихся оборотней в погонах, тщательно собрал тряпкой разлитую посередине комнаты воду. Далее скатав и положив в прихожей, до нитки вымокший ковёр и вымыв руки, он вытер пот со лба, и, заварил себе чашку горячего чая...

В этот момент раздался звонок в дверь...

Журналист быстро вскочил и, дойдя по двери, не открывая, с дрожью в голосе нервно поинтересовался – «Кто там?».

«Капитан, Эльвира Седова, оперативно-следственная группа, главное следственное управление Приморского края...» – чётко произнесла молодая девушка в аккуратных очках, как положено предъявив служебное удостоверение, где вполне чётко была различима фамилия сотрудника, фотография и, заходившая на неё, синяя печать управления.

«Могли бы и раньше отреагировать, меня тут вообще чуть не убили!» – в целом удовлетворённый увиденным, гневно произнёс Козьмин, раздражённо распахнув дверь, добавив – «А где же группа?».

В тот же момент два электрода карманного электрошокера нежно коснулись его рубашки и, не произнеся более ни слова, получив удар током, тело молодого человека, словно бревно, с гулом рухнуло на паркетный пол.

В следующий момент, почувствовав всем телом прилив живительной прохлады, он с трудом открыл глаза и с ужасом понял, что он снова сидел привязанным на том же самом стуле с кляпом во рту, что и несколько часов тому назад...

Девушка с тёмно каштановыми волосами и голубыми глазами, в аккуратных атласных перчатках, поставила в сторону ведро с остатками воды, после чего подошла к нему и, подбадривающе похлопав его по щеке, с улыбкой произнесла – «Козьмин, мне нужно задать Вам несколько вопросов. Вопросы, касающиеся Вашей вчерашней статьи о дорожно-транспортном происшествии, повлёкшем гибель Александра Александровича Воротилова, недавно назначенного директором администрации порта. Статьи, в которой Вы упомянули, что убийство директора порта является делом рук движения, именующего себя экзорцистами. Понимаю, что то о чём я попрошу, вероятно, может не вполне соответствовать Вашей профессиональной этике, как журналиста, но меня, тем не менее, очень интересует ваш источник информации для данной статьи. Со своей стороны могу гарантировать Вам полную конфиденциальность».

Глаза Козьмина наполнились тоской и печалью, после чего он отчаянно покачал головой, показывая всем своим видом, что честь и репутация журналиста для него не пустые слова, чтобы так просто от них отмахнуться...

«Вот знала, ведь, что так и будет...» – улыбнулась девушка и, пододвинув ближе к нему второй стул, села рядом, аккуратно достав из-за пазухи небольшой пластиковый пакет со шприцом и ампулу с прозрачной жидкостью.

Прямо перед глазами перепуганного до смерти молодого человека, девушка осторожно извлекла шприц, по всему виду далеко не первой свежести, после чего аккуратно отломив стекло ампулы, наполнив его содержимым. После данной церемонии она широко улыбнулась и, ещё раз приветливо похлопав журналиста по щеке, дружелюбно произнесла – «Признаться честно, Борис, я не очень люблю, безответные беседы и не сторонница насилия, по крайней мере, до некоторого разумного предела. Поэтому сделаем так – я осторожно выну кляп у Вас изо рта, а Вы будете вести себя тихо. Стоит Вам закричать – мне придётся ещё раз вырубить Вас шокером. Полагаю, это Вам понятно, так ведь?».

Козьмин иступлённо кивнул, в знак полного согласия с обозначенными незнакомкой условиями, очередной игры с его собственной жизнью.

Девушка, как и обещала, вынула кляп и, улыбнувшись, продолжила – «В этом шприце сыворотка правды – стоит мне ввести её Вам в кровь и через пятнадцать минут несколько спутанно и сумбурно, но, тем не менее, Вы расскажете мне всё что знаете. В целом можете быть вполне спокойны, поскольку, разумеется, ввод препарата Вас не убьёт, хотя от воздействия этой дряни для Вашей печени наступят весьма нежелательные и долго играющие последствия. Принимая во внимание данный факт, полагаю, что у Вас есть следующий выбор – следовать этическим нормам журналистики прикрывая Вашего информатора до конца, а точнее до последней капли разума при вводе препарата, с последующим длительным лечением в стационаре какой-нибудь больницы или сразу рассказать мне всё, что я прошу. Ваш выбор?».

«Шприц...» – нервно произнёс молодой человек, поспешно добавив в ответ на удивлённое подобным ответом выражение лица девушки – «Шприц одноразовый?».

«Да, разумеется...» – утвердительно кивнула девушка, понимая добавив – «В смысле был им когда-то...».

Сильно побелев в лице Борис, дрожащим голосом тихо продолжил – «Что значит был? Значит, его уже использовали?».

«Да приходилось порой – бывали иногда упёртые собеседники...» – с улыбкой пожала плечами девушка.

«Он же может быть заразным!» – как нечто само собой очевидное, стараясь, не повышая голоса, с ужасом выпалил Козьмин, продолжив – «Мало ли на нём гепатит какой, или иммунодефицит или ещё какая-нибудь там зараза!».

«Всё возможно...» – как ни в чем ни бывало, с улыбкой пожала плечами девушка, после чего поднесла тонкими пальцами шприц ближе к вене на руке ещё более побледневшего юноши, невинно поинтересовалась – «Ваш ответ?».

В этот момент перед глазами Бориса закружились цветные круги, после чего он потерял сознание.

Спустя несколько мгновений, почувствовав бодрящий запах нашатырного спирта заботливо припасённого девушкой на этот случай, он пришёл в себя и, с облегчением увидев, что проклятая жидкость, всё ещё находится в шприце, лежавшем на соседнем стуле, медленно произнёс – «Я согласен. Я расскажу всё, как было с этой статьёй, будь она неладна...».

Через десять минут с ответами на уточняющие вопросы журналист закончил повторение утреннего повествования о событиях позавчерашнего дня.

«Вот, видите как всё просто и быстро...» – довольно улыбнулась девушка, голубые глубокие глаза которой внимательно пробежались по интерьеру комнаты, после чего она произнесла – «Борис, а теперь, расскажите о том, что здесь произошло – помнится в начале нашего знакомства, Вы упомянули, что Вас сегодня чуть не убили...».

«Я не могу...» – отчаянно замотал головой, привязанный к стулу молодой человек, опасливо пояснив – «Они обещали меня убить, если я расскажу кому-либо об их визите...».

Девушка звонко рассмеялась, после чего вновь взяла в руки шприц, со словами – «В этом случае, Борис, боюсь, Вы не оставляете мне иного выбора, кроме как всё-таки использовать эту дрянь. Да и средство опять же жалко – пропадёт ведь...».

«Нет!» – быстро взмолился побледневший Козьмин, после чего, закрыв глаза и с ужасом припоминая утренние события, молодой человек медленно рассказал о том, что же именно с ним произошло.

Девушка с заметным интересом выслушала его повествование, после чего столь же требовательно произнесла – «Я понимаю, что это непросто, но прошу Вас максимально подробно описать, то, как именно выглядела молодая особа и её двое спутников, навещавшие Вас сегоднешним утром...».

Ошарашенный подобным вопросом, журналист с удивлением взглянул на незнакомку, после чего сконцентрировавшись на поставленной задаче, продолжил свой рассказ.

Спустя ещё пять минут, вернув кляп на положенное ему место, незнакомка покинула измождённого тяжёлым днём журналиста, аккуратно прикрыв за собой входную дверь квартиры...

Следствие

(21.04.2013, Владивосток, 17–00)

Прямая видеоконференцсвязь с членами межведомственной оперативно-следственной группы, работавшей в Москве по делу экзорцистов, организованная в срочном порядке из просторного конференц-зала главного следственного управления по Приморскому краю для обсуждения деталей скандальной гибели директора порта и его заместителя подходила к концу. Денис Выходцев, как и все остальные коллеги Мазаева, по струнке сидевшие вокруг вытянутого стола, внимательно следили как за словами элиты органов следствия, работавшей при общем курировании дела со стороны генерала Александра Владимировича Пухова, так и за риторикой их собственного начальства в лице руководителя главного следственного управления, генерал-лейтенанта Севастьяна Михайловича Печорова. Сергей же, доклад которого по ситуации был уже давно позади, почувствовав прилив сил и лёгкую ностальгию по прошлому, расслабился, позволив себе не обращать внимания на подобные формальности. Майор с явным упоением наблюдал по видеосвязи за людьми, с которыми его связывали общие далёкие воспоминания – за своим бывшим руководителем, генералом Пуховым. За некогда подчинённым ему Антоном Александровым. За Велисаровой Людмилой, с которой его связывали многолетние дружеские отношения. За Александром Трошиным, Артёмом Косатиным и за остальными коллегами, с которыми около двух лет тому назад ему довелось плотно работать в ходе расследования некогда громкого московского дела.

После небольшого заключительного монолога Александра Владимировича Пухова о наличии политической воли и, соответственно, необходимости скорейшего и полного расследования всех аспектов данного инцидента, слово снова взяла непосредственный руководитель оперативно-следственной группы, Велисарова Людмила, которая прямо и без дополнительных жестов политеса, произнесла – «Сергей, что ты... В смысле майор Мазаев, что Вы думаете по поводу данного инцидента? Ваши любые соображения, помимо официального доклада?».

«В целом, очевидно, что имела место расправа над Воротиловым и его заместителем Масловым, занимавшими руководящие должности в порту Владивостока. Исполнение с одной стороны весьма незамысловатое с попыткой замаскировать инцидент под дорожно-транспортное происшествие, с другой стороны, инцидент вполне в духе экзорцистов – без лишних жертв и ненужного шума» – откровенно пожал плечами Сергей, озадаченно продолжив – «С другой стороны совершенно непонятно, с чего бы экзорцистам могло потребоваться устранение этих двоих. В настоящее время сложно судить, но предварительно пообщавшись с людьми, знавшими их по предыдущему стивидорному бизнесу, можно утверждать, что речь в данном случае вряд ли может идти о каких-либо существенных накоплениях и баснословных счетах на их фамилии за рубежом. Опять же на госслужбе до этого они не состояли, в связи с чем у экзорцистов, по идее, не могло быть к ним достаточно претензий для решения об их устранении. Да и, Людмила, если как Вы говорите, их имён вообще не значилось в опубликованных чёрных списках экзорцистов, ни до, ни после инцидента, то, честно говоря, закрадываются сомнения в том, что это вообще были экзорцисты. Впрочем, вполне возможно, что в этот раз наша независимая пресса может быть в чём-то права и у экзорцистов в нашем порту, действительно, есть какой-то свой интерес...».

«Сергей, версию о возможном интересе экзорцистов к данному порту, тоже необходимо проверить – если они используют порт для скрытой перевалки своих грузов, полагаю, ты понимаешь, что это может означать...» – распорядилась Велисарова, дополнительно предложив – «И поговорите с журналистом, написавшим статью. Вряд ли он сам смог в столь сжатые сроки собрать информацию по инциденту с директором порта – по всей видимости, это был слив материала со стороны кого-то из системы. Вполне, возможно, что его информатор знает что-

то ещё, что могло бы пригодиться нам в ходе расследования. Разумеется, нужна деликатность и осторожность – поскольку, нам не нужны никакие скандалы с притеснением независимой прессы во Владивостоке...».

«Да, Люда, мы как раз собирались познакомиться с ним поближе...» – понимающе улыбнулся Мазаев, после чего заметив весьма неодобрительный взгляд Печорова, поспешно добавил – «Всё будет сделано, коллеги, в лучшем виде...».

«Рассчитываем на тебя, Сергей...» – с добродушной улыбкой добавил генерал Пухов, после чего взглянув на часы на руке, извиняющимся тоном произнёс – «Всё, коллеги, на сегодня заканчиваем – у нас уже вообще половина первого ночи...».

Прощавшись с коллегами, Москва быстро отключилась от видеоконференцсвязи.

* * *

«Севастьян Михайлович, мы с Денисом навестим нашего brave журналиста, если Вы не возражаете?» – в целях соблюдения политкорректности поинтересовался Мазаев у своего нынешнего руководства в лице генерала Печорова.

Генерал одобрительно кивнул, ещё раз дополнительно акцентировав внимание на последних словах Людмилы – «Разумеется, поговорите, но только очень деликатно и мягко – чтобы никаких скандалов там! Это дело уже и так, благодаря этой глупой статье, привлекло слишком большое внимание общественности в нашем регионе».

Через несколько минут, взяв распечатку с интересовавшим их адресом, оба быстро спустились вниз, сев в служебную машину Выходцева. Спустя пятнадцать минут они уже вышли возле небольшой потрёпанной временем панельной пятиэтажки, войдя в интересующий их подъезд.

«Эта дверь?» – недоверчиво переспросил Мазаев, стоя на первом этаже и смотря на неказистую деревянную дверь с двумя замками и старой кожаной обивкой снаружи...

«Судя по всему, да – именно здесь...» – подтвердил Денис, сверившись с распечаткой, добавив – «Он живёт на съёмной квартире, своей жилплощади в городе не имеет, поскольку, сам из области, а доход журналиста шиковать, известное дело не позволяет...».

Сергей несколько раз позвонил в дверь.

Спустя несколько минут из-за двери раздался перепуганный до смерти голос молодого человека – «Кто там?».

«Майор Мазаев, следователь по особо важным делам, главное следственное управление по Приморскому краю» – бодро представился Сергей и, поднеся служебное удостоверение к глазку двери, добавил – «Мы бы хотели поговорить с Борисом Козьминым...».

«Да, да, сейчас я его позову...» – жалобным голосом произнёс молодой человек из-за двери, не считая возможным представиться, после чего, его шаги удалились, и через несколько секунд раздался скрип открывавшегося окна – из-под двери, резко повеяло холодом.

«Чёрт, по ходу дела, там кто-то линяет в окно!» – отрывисто произнёс Мазаев.

«Может это киллер? Сам нашего журналиста хлопнул, а теперь делает ноги?» – моментально предположил Выходцев и, с ошарашенными глазами глядя на майора, переспросил – «Делать то, что будем, шеф?».

«Ломаем дверь! Живо!» – выкрикнул Мазаев, после чего, вдвоём, разбежавшись, они навалились на дверь, которая, не выдержав удара, слетела с петель и с грохотом рухнула на пол прихожей. Через несколько секунд, пробежав десяток метров до раскрытого окна, оба сиганули с первого этажа вслед за убежавшим наспех одетым молодым человеком.

Рослый Выходцев, пребывавший в отличной физической форме, быстро сократил расстояние до беглеца, успевшего к этому моменту миновать весь двор и прилегающую к дому территорию, до считанных метров. В этот момент молодой человек, задыхавшийся от темпа бега,

увидев спасительную фигуру, ринулся к проходившему мимо участковому в форме, громко крикнув – «Кириллыч, спасай, убивают! Они вооружены!».

Признав в молодом человеке Бориса Козьмина, участковый моментально выхватил табельное оружие, крикнув незнакомцу – «Стоять!».

«Спокойно, сержант – свои... Майор Мазаев, следователь по особо важным делам, главное следственное управление по краю» – быстро поспешил разрядить ситуацию, как нельзя кстати подоспевший Сергей и, протягивая служебное удостоверение, переводя дух произнёс – «И опусти ствол, это тоже наш – капитан, Денис Выходцев...».

Участковый внимательно посмотрел удостоверение, после чего опустив, но, ещё не убрав ствол, возвращая удостоверение, поинтересовался – «Зачем вам наш Козьмин, что произошло?».

«А значит, это всё-таки сам, Козьмин?» – глубокомысленно переспросил Выходцев.

«Видимо, вышла какая-то накладка...» – спокойно пояснил Мазаев, не обращая внимания на опущенный, но ещё не убранный в кобуру ствол, продолжив – «В рамках расследования дела о гибели директора порта мы пришли поговорить с журналистом, Борисом Козьминым, проживающим вон в том доме, написавшим подробную статью по данному инциденту. Постучали в дверь квартиры, с той стороны кто-то ответил, что Козьмин сейчас подойдёт, а сам незнакомец взял да и сиганул в окно – еле догнали».

«Думали, мало ли это киллер – журналиста завалил и пытается скрыться с места преступления...» – охотно повторил свою первоначальную версию Выходцев, добродушно поинтересовавшись, глядя молодого человека, переводившего дух за спиной участкового – «А ты то, Козьмин, чего бежал-то?».

«А откуда мне было вообще знать, что вы, действительно, следователи, а не какие-нибудь там, оборотни в погонах...» – пожав плечами, ответил журналист.

«Ну, мог бы, к примеру, в управление позвонить – попросить уточнить по номеру удостоверения...» – резонно предложил Сергей.

«Да пока бы я звонил, вы бы уже выломали дверь и грохнули меня...» – охотно поделился своими опасениями молодой человек и, заметив обиду на лице Выходцева, поспешно пояснил – «В смысле не вы, а если бы это были какие-нибудь оборты в погонах...».

«Может, поговорим у Вас дома за кружкой чая?» – предложил майор, понимая, что обсуждать на всю улицу детали этого резонансного дела было крайне нежелательно, добродушно добавив – «Можем и участкового взять – для кампании, так сказать...».

«Да мне бы домой надо...» – нехотя пролепетал участковый.

«Служба, сержант, служба...» – директивно, как старший по званию, произнёс Мазаев, при этом дружелюбно похлопав его по плечу, понимая, что присутствие знакомого человека, возможно, будет намного лучшим успокоением не в меру разыгравшимся нервам журналиста, чем любые их корочки и заверения.

«Раз надо, значит надо...» – тяжело вздохнув, произнёс участковый, направившись в сторону дома журналиста.

«А что Вам так часто попадаются оборотни в погонах?» – с деловитым видом по пути поинтересовался Выходцев у журналиста.

«В последнее время случается...» – прискорбно ответил молодой человек, понимая, что вся его геройская выходка с побегом со стороны выглядела весьма глупо и нелепо.

Через пять минут, осторожно переступая через валявшуюся в коридоре квартиры дверь, майор с сожалением пожал плечами, произнеся – «Борис Александрович, Вы уж извините за дверь... Сами понимаете, Вас же, собственно говоря, и спасали – думали убивают...».

Мельком взглянув на деревянное полотно, представлявшее собой жалкое зрелище, Козьмин, со вздохом пожав плечами, ответил – «Да ладно, чего уж там...».

Вскипятив чайник, Борис налил горячего чая обоим гостям и участковому, после чего завязался небольшой разговор по интересовавшей следователей теме.

«Господа, я прекрасно понимаю, Ваше профессиональное любопытство, но ничем не могу Вам помочь в данном вопросе – это вопрос журналистской этики...» – произнёс Козьмин, припоминая, что нечто подобное за сегодняшний день он говорил уже не в первый раз. После чего добавил свою стандартную фразу – «Если же Вам потребуются мои показания официальным порядком, то Вы, разумеется, можете вызвать меня на допрос».

«Что ж нет, так нет. В любом случае, спасибо за чай...» – несколько разочарованно произнёс Мазаев, поднимаясь из-за стола...

Спустя мгновение оба вышли из подъезда и сели в машину.

«Шеф, а у нас все журналисты такие нервные или это только данный экземпляр такой особенный?» – заводя автомобиль, раздражённо поинтересовался Выходцев, добавив – «А если бы он, к примеру, жил не на первом, а этаже, эдак, на пятом, он тоже бы сиганул в окно?».

«Он о чём-то точно знает, но, почему-то, молчит...» – с досадой ответил майор, уточнив – «Да и в квартире у него повсюду беспорядок какой-то, будто у него уже были гости до нас. Интересно кто бы это мог быть?».

«Братки местные могли приходить, чтобы, так сказать, по понятиям, то бишь, по сути, разобраться, кто же именно Воротилова завалил. Всё-таки у него и связи, да и люди свои в регионе были...» – предположил Денис, с улыбкой добавив – «В этом ключе понятно, теперь чего он так трясётся...».

«Может, конечно, и так, но всё равно с этим нужно разобраться...» – кивнул Мазаев, командовав – «Давай в управление к Печорову – надо его морально подготовить, на случай если вдруг сегодняшний инцидент с нашим журналистом всплывёт в нашей свободной прессе...».

Доклад

(22.04.2013, Нью-Йорк, 11–00)

Перелистнув, наконец, последний слайд своей объёмной и содержательной тридцати-страничной презентации, изобиловавшей сложными англоязычными юридическими терминами, юноша двадцати семи лет с взъерошенными рыжими волосами в галстук и костюме, с важным видом стоявший у трибуны для выступлений конференц-зала Школы права Нью-Йоркского университета, с облегчением вздохнул, и с сильным акцентом произнёс заветное – «Спасибо за внимание. Прошу вас задавать свои вопросы...».

«Павел, не могли бы Вы вкратце дать своё видение о том, как обстоят дела со свободой слова в России, в настоящее время?» – живо заинтересовался один из студентов, сидевших в почти полном зале.

Кузовлев, доклад которого на этот раз был посвящён исключительно проблемам борьбы с коррупцией и противодействию различного рода террористическим проявлениям в России, а не абстрактным проблемам свободы слова, устало вздохнул, понимая, что этот вопрос будет преследовать его вечно... Этот вопрос ему задавали уже множество раз и интервью, которое этим утром Павлу посчастливилось дать в студии одного из американских новостных телеканалов, тоже не стало в этом ряду исключением.

«Мне кажется, что лучшее подтверждение состояния свободы слова в России сейчас стоит прямо на этой трибуне перед вами. В конце концов, я высказываю своё личное мнение по любому интересующему меня вопросу, представляя при этом отнюдь, не российские власти, а широкие слои российской молодёжи, заинтересованной в стабильном поступательном развитии страны и, что особенно важно для каждого из них, в создании новых рабочих мест. В этом отношении могу вас заверить, что всё совсем не так уж и плохо...» – дипломатично развёл руками Павел, с улыбкой в том же духе продолжив – «Разумеется, у свободы слова в России есть свои насущные проблемы. Впрочем, по большей части они носят финансовый характер, поскольку, порой сложно найти необходимое финансирование для реализации задумок и общественных проектов».

«Павел, Вы столь рьяно публично выступаете за борьбу с бюрократией и коррупцией в России, а что Вы сами думаете о нашумевшем движении, именуемом себя экзорцистами? По Вашему мнению, кто они – террористы или борцы с коррупцией?» – задал вопрос один из пожилых преподавателей института, сидевший в зале, уточнив – «Со своей стороны Вы не пытались выйти с ними на контакт с тем, чтобы стать посредником между ними и российскими властями, по примеру, погибшего Алика Легасова?».

«В данный момент я бы не стал утверждать, что экзорцисты, в действительности, являются террористическим движением, скорее это попытка отдельных людей создать некую форму общественного контроля над коррупционными процессами в стране. Впрочем, далеко не все методы их работы в действительности можно назвать приемлемыми...» – уклончиво ответил Кузовлев, с улыбкой добавив – «Что же до возможности выполнения посреднической функции, то со своей стороны, полагаю, что это было бы полезно обеим сторонам – и экзорцистам и российской общественности за счёт снижения фактора взаимного недоверия и недопонимания. И, надо отдать должное, в своё время Алику Легасову, действительно, удавалось успешно выполнять данную задачу, балансируя интересы и сдерживая проявления крайностей с обеих сторон. Понимая, что, к сожалению, его больше нет с нами, я готов взять эту непростую и ответственную роль на себя, если, конечно, экзорцисты сделают мне это предложение...».

Через ещё пятнадцать минут ответив на многочисленные вопросы слушателей своей публичной лекции, Павел вышел из аудитории и, взяв трубку телефона, набрал номер своего помощника.

Сонный голос на том конце трубки, лениво ответил – «Да, босс?».

«Вот освободился, наконец – интервью и публичная лекция заняли почти всё утро. Даже не ожидал, что так затянется...» – устало произнёс Кузовлев, поинтересовавшись – «Ладно, давай, рассказывай, как там у вас обстановка?».

«Везёт же тебе, босс – Нью-Йорк с его ночной жизнью... Публичные выступления перед красивыми студентками и всё такое. А у нас тут всё по порядку – транспаранты для очередной акции в Москве уже готовы, листовки, раздаточные и агитматериалы тоже на подходе. Да, кстати, сегодня получили согласие мэрии на проведение марша в следующую субботу» – быстро отчитался парень на том конце трубки, жалостливо добавив – «Работаем с активистами движения для того чтобы обеспечить явку на мероприятие, но, сложно, конечно, идёт – в преддверии майских праздников, многие разъедутся по дачам, деревням и студенческим тусовкам. Вот перенести бы наше мероприятие на первое мая...».

«Сам знаешь, Саня – это нереально... Мир, труд, май и всё такое. Властям будет не до нас и, надо быть реалистами, никакой акции нам мэрия на первое мая не согласует...» – отмахнулся Павел, одевая куртку и упаковывая материалы выступления в небольшой кожаный портфель, про себя мысленно добавив – «Нью-Йорк, клубная жизнь, студентки... Эх, Саня, знал бы ты, чем мне приходится тут заниматься на самом деле...».

«Досадно...» – раздался погрузневший голос помощника, испытывавшего проблемы с обеспечением явки на очередную акцию молодёжного движения «За чистоту рук», после чего, оживившись, он предложил – «А может, организуем бесплатную раздачу пива, как мы делали на акции в Твери года два тому назад?».

«Это, Саня, совсем не вариант – нам нужно не повторение того нашумевшего скандала с пьяными потасовками и массовыми задержаниями, а небольшая акция для того, чтобы оставаться в центре внимания общественной жизни, только и всего-то...» – отрицательно покачал головой, Павел, подходя к дверям, предложив – «Организуйте раздачу клубных флайеров и пригласительных билетов куда-нибудь. Придумайте ещё чего-нибудь из серии «интересно, привлекательно, но бюджетно». Развивайте фантазию – денег мало, а акцию провести надо, да и сроки опять же поджимают...».

Получив, наконец, заветное немногословное «постараемся», Кузовлев положил трубку в карман и, открыв дверь, вышел из здания, спускаясь вниз по небольшой лестнице с каменными ступенями. В этот момент он почувствовал сильный толчок в левое плечо и тяжесть, предательски наполнявшую всё тело... Вокруг с непонятными криками и возгласами суетливо забегали студенты и преподаватели. Он, шатаясь, медленно опустился на колени, чувствуя как чьи-то руки, подхватили его и аккуратно уложили на холодные ступени. Едва ощущая свои ладони и не в силах даже пошевелить своей левой рукой, Павел кончиками пальцев правой руки осторожно потрогал необычно и странно нывшее левое плечо, после чего, почувствовав тёплую вязкую жидкость, быстро одёрнул руку, с ужасом увидев алую кровь на своей ладони...

Спустя пять минут раздалась громкая сирена машины скорой помощи, после чего осторожно водрузив на носилки, его перенесли в машину, сорвавшуюся с места в направлении ближайшей больницы...

«Чёрт возьми... Господи, да за что? За что меня-то? Я ведь ничего плохого никому не сделал! Да чего там, я же в своей жизни ещё вообще толком ничего не сделал – ни хорошего, ни плохого... Ровным счётом ничего! Я же, по сути, только начал жить! Неужели и вправду мне предстоит сегодня умереть? Почему я? Я ведь ещё так молод! Одним суждено счастливо прожить до старости, а остальным – а что же остаётся всем нам, остальным? Где вообще справедливость в этой жизни?» – думал про себя Кузовлев, вдыхая кислород через маску и, чувствуя как стремительно летевший автомобиль, делает очередной поворот, продолжив пространные размышления – «Странная же штука эта судьба. Ещё полтора года тому назад в этом самом городе, Легасов, получил две пули в награду за свою непримиримую гражданскую позицию в

деле борьбы с российской коррупцией. А теперь, теперь, видимо, настал и мой черёд пойти по его стопам... Чёрт побери, но, Господи, это ведь несправедливо! Он в отличие от меня знал – знал, за что умирает! Ему вообще повезло – повезло погибнуть на пике своей славы за свои собственные идеалы, какими бы странными они ни были! А я? А за что должен сегодня умирать я? За организацию безобидного, никому не мешавшего молодёжного движения? За свои ранние анархические прегрешения и мысли? За желание стать чуть более публичным и узнаваемым людьми? Знал ведь я, что не стоило мне во все это ввязываться...».

Машина резко остановилась, после чего несколько санитаров быстро подхватили и внесли носилки в здание госпиталя, следуя напрямик в заранее подготовленную операционную, где бригада врачей, ожидала своего пациента для проведения неотложной операции...

«Господи, я грешен! Грешен и в своих многочисленных заблуждениях совсем забыл дорогу в дом твой, но прошу тебя, дай мне ещё шанс – всего один последний шанс! Я обещаю, что проведу остаток жизни с большей пользой, служа людям и не совершая подобных глупостей!» – взмолился про себя Павел, смотря на лампы, ярко светившие над операционным столом...

Спустя несколько мгновений, под действием, введённой инъекции снотворного, его глаза медленно закрылись...

Контакт

(23.04.2013, Москва, 07–00)

Несмотря на ранний утренний час, члены оперативно-следственной группы в полном составе уже сидели за длинным столом конференц-зала главного следственного управления.

Владислав Аркадиевич Ширко, курировавший деятельность группы со стороны администрации президента, вошедший в зал в привычной кампании директора центра стратегических исследований, Руслана Игнатьевича Беляева, занял место во главе стола и, мельком посмотрев на часы, сразу перешёл к делу – «Понимаю, что рано, но время, коллеги, не терпит – произошёл ещё один инцидент. Лев Николаевич, прошу Вас изложить всем нам детали произошедшего – всё, чем мы располагаем на данный момент...».

Сидевший за столом среднего роста седоволосый генерал, представлявший интересы службы внешней разведки, вытянулся по струнке и, взяв в руки несколько листов бумаги, проинформировал собравшихся – «Инцидент произошёл вчера около двенадцати часов дня в Нью-Йорке. При выходе из здания Школы права Университета Нью-Йорка был ранен Павел Кузовлев, деятельность которого за рубежом курировало наше ведомство в рамках проводимой операции по установлению возможного контакта с экзорцистами. Сам Павел был незамедлительно доставлен, подоспевшей машиной скорой помощи, в ближайшую специализированную клинику – подразделение одного из крупнейших медицинских центров города. По последней информации, Кузовлеву уже проведена необходимая операция, его жизни и здоровью ничего не угрожает – пуля пробила левое плечо, пройдя в десяти сантиметрах от сердца. Это пока всё, что нам известно...».

«Павла Кузовлева подстрелили?!» – ещё раз, словно не веря услышанному, переспросила Велисарова, уточнив – «Прямо возле университета, где он давал свою публичную лекцию?».

Седой генерал утвердительно кивнул головой.

«Полагаю, коллеги, всем вам предельно ясно, что ситуация вновь обострилась...» – задумчиво произнёс Владислав Аркадиевич, продолжив – «Проект с Кузовлевым, который как мы полагали, весьма неплохо развивался и имел определённые шансы на успех, полностью провален и, думаю, ни у кого из вас нет иллюзий о возможности продолжении работы в данном направлении...».

Окинув взглядом, молчаливо опустивших головы присутствующих членов группы, чиновник продолжил – «Все наши усилия, направленные на установление контакта и поиск посредника ни к чему не привели. Они не сочли нужным и целесообразным выйти ни на Павла Кузовлева, открыто предлагавшего свои услуги и декларировавшего в целом толерантные взгляды, ни на нашего уважаемого Руслана Игнатьевича, также предлагавшего помощь в налаживании отношений в качестве независимого посредника. Иными словами все наши попытки найти замену Легасову оказались несостоятельны – вот уже полтора года экзорцисты, не выходя ни с кем на контакт, проводят свои дерзкие акции по ликвидации неугодных коррумпированных чиновников, не особо утруждая себя объяснениями логики и причин отдельных своих действий. Ситуация близка к полному хаосу и, признаться честно, я уже не раз пожалел о тех днях, когда у нас был Алик Легасов, который, держа руку у них на пульсе, периодически направлял нас в правильном направлении, а хотя бы и в своей особой экзотической эксцентричной манере...».

Ещё раз, окинув всех взглядом, Владислав Аркадиевич продолжил – «Особенно пугает тот факт, что мы сейчас не в состоянии понять, что именно происходит. Ещё вчера вы мне докладывали по странному инциденту во Владивостоке с гибелью вновь назначенного директора порта и его зама, которых даже не было в чёрных списках экзорцистов. Сегодня мы с вами обсуждаем столь же нелогичное и непонятное покушение на Павла Кузовлева, да, причём, где

– в самом центре Нью-Йорка! Коллеги, прошу каждого, у кого есть любые соображения на этот счёт, высказать свой взгляд на возможные причины этого инцидента...».

«Сложно себе представить, что могло заставить их пойти на подобный шаг – выгоды неочевидны, да и высоки риски начала полномасштабного расследования...» – пожал плечами Александр Трошин, представлявший интересы федеральной службы безопасности, добавив – «Возможно, конечно, что он там, в утреннем эфире новостного телеканала, ляпнул, какую-нибудь глупость или может когда-то до этого. Впрочем, в любом случае, зная их методы, они бы его убрали здесь – в России, а не там в Штатах. Здесь и резонанс был бы меньше, да и проще было бы замаскировать, к примеру, под то же дорожно-транспортное происшествие, как они это сделали во Владивостоке... Действительно, нелогично».

«А может у него появился какой-то компромат на них, поэтому потребовалась столь срочная его ликвидация?» – в след за своим шефом предложил, сидевший рядом, Артём Косатин, пояснив – «Всё-таки Павел стал хотя и не сильно, но всё публичной персоной – поэтому ему вполне могли слить какую-нибудь информацию на экзорцистов...».

«Или же вполне возможно, что этим утром всё-таки имел место явный или неявный контакт Кузовлева с экзорцистами, которого мы все ждали в течение долгого времени. Сам же Павел либо не понял, что на него выходили экзорцисты, либо не успел доложить нам о состоявшемся контакте...» – пожал плечами Александров Антон, добавив – «В этом случае, возможно, что неудовлетворённые результатами контакта, они решили замести следы, пустив его в «расход».

«Людмила, Ваше мнение?» – поинтересовался Широко, взглянув на старшего следователя по особо важным делам главного следственного управления в Екатеринбурге, ныне возглавлявшего оперативно-следственную группу.

«Странно, и то, что они решили его ликвидировать, и то, что Кузовлеву вообще удалось выжить в результате этого покушения...» – рассудительно пожал плечами Велисарова, добавив – «Если не ошибаюсь – это вообще первый случай, когда экзорцистам не удалось достичь своей цели. Было бы неплохо обеспечить ему дополнительную охрану в больнице – если он, действительно, знал что-то, чего не должен был знать, то ему вполне возможно угрожает опасность...».

«Весьма логично...» – охотно согласился чиновник администрации.

«Постараемся обеспечить ему дополнительную охрану по линии посольства...» – поспешно кивнул Лев Николаевич Пеняев, правильно восприняв полученный сигнал руководства.

«Думаю, что рассказ Кузовлева по его возвращении в Россию позволит сразу отбросить часть озвученных версий...» – продолжила Людмила, добавив – «Впрочем, честно говоря, я не думаю, что то, что произошло хоть как-то связано с его возможным контактом, какой-либо информацией или его неудачными высказываниями. В конце концов, экзорцистам трудно отказать в рациональности – не будучи заранее уверенными в посреднике, они бы просто не вышли на контакт. Действенного компромата на них нет ни у нас, ни, надо полагать, ни у кого другого. Впрочем, если бы он и был, сомневаюсь, что кто-то стал бы использовать Павла для его слива, если подобной информацией можно было бы распорядиться куда более эффективным способом – продав её нам или какой-нибудь другой заинтересованной стороне. Что же до высказываний Кузовлева, то так ли вообще им важно, кто и что о них говорит? Вряд ли – в противном случае они бы уже давно высказали своё явное неудовлетворение отдельным нашим политикам, обильно поливающим их движение грязью всё это время. Здесь, очевидно, был какой-то совершенно иной мотив, который нам ещё только предстоит установить...».

«Возможно и так...» – согласился Владислав Аркадиевич, переключив своё внимание на сидевшего по правую руку от него директора центра стратегических исследований – «Руслан Игнатьевич, каковы, по Вашему мнению, возможные информационные последствия произо-

шедшего? Ваши предложения по реагированию на сложившуюся ситуацию? Стоит ли нам как-то попытаться использовать данный инцидент?».

«В целом, мы позиционировали Кузовлева в качестве лидера умеренно оппозиционного молодёжного движения, инцидент, произошёл и вовсе в Нью-Йорке, да и сам Кузовлев жив, поэтому, в настоящее время никаких негативных последствий для нас не предвидится...» – рассудительно пояснил Беляев, с удовлетворением продолжив – «В отношении инцидента предлагается отреагировать пассивно и сдержанно. Вполне достаточно будет классического обращения со стороны министерства иностранных дел с выражением озабоченности состоянием безопасности граждан России, пребывающих на территории США и требованием провести всестороннее объективное расследование данного инцидента. Полагаю, что использовать данный инцидент в полной мере мы не сможем, поскольку, кроме предположений, у нас нет ни фактов, ни доказательств, ни какого-нибудь Легасова, умеющего виртуозно блефовать – с таким раскладом за игровой стол нам лучше даже не садиться...».

«С покушением ясно...» – устало произнёс Ширко, переходя, наконец, к заключительной части совещания, которая в последние месяцы расследования не преподносила чиновнику сюрпризов, за исключением головной боли от неутешительной картины состояния дел – «Александр Владимирович, отвлекаясь от последних инцидентов, что у нас в целом с расследованием дела экзорцистов? Есть ли подвижки? Есть ли проблемы в координации работы с другими службами?».

Генерал Пухов, искренне желавший ответить высокому руководителю что-нибудь позитивное, потупил взгляд, произнеся дежурную фразу – «Владислав Аркадиевич, работаем в тесном контакте с коллегами из других ведомств и региональными управлениями – проблем по взаимодействию не имеется. Организационно-технических и людских ресурсов достаточно, но пока, к сожалению, особых подвижек по делу нет».

«В этом случае завершаем совещание, коллеги, и за работу...» – произнёс чиновник, после чего, сухо кивнув присутствующим, быстро покинул зал...

Контрагент

(23.04.2013, Иркутск, 17–30)

«Заканчивайте погрузку вагонов! Да мне плевать – хоть третью смену там, на участке сегодня организуйте, но завтра состав должен быть готов к отправке!» – проорал в трубку директор крупного лесозаготовительного треста, после чего выслушав жалкие оправдания на том конце, ещё раз выругавшись, лаконично подвёл итог – «Да ты хоть знаешь, сколько стоят сутки простоя целого поезда?! Что хочешь там давай делай, а обеспечь мне завтра отправку!».

Бросив трубку, Севастьянов, расслабился в кресле, с победоносным выражением произнес – «Погрузят – всё погрузят, никуда не денутся...».

«Савелий Федорович, а чего торопиться-то? Всё равно состав зависнет где-нибудь на подходе к порту, как и предыдущий, тот лес, кстати, ещё до сих пор не погрузили на борт судна из-за отсутствия технической возможности...» – поинтересовался молодой парень, сидевший с бухгалтерскими бумагами за приставным столом, глядя на излишне разгорячённого шефа.

Директор треста улыбнулся и, встав с кресла, прошёлся по кабинету и, взглянув на часы, достал из небольшого шкафчика коньяк с двумя стаканами, после чего с улыбкой медленно произнёс – «Вот ты, Паша, вроде бухгалтер, а ведь простых вещей не понимаешь. Ведь пока поезд стоит у меня под погрузкой – за простой вагонов плачу я из своего кармана, а вот если этот поезд будет стоять где-нибудь на подъезде к порту, то за его простой заплатит перевозчик или владелец вагона – да кто угодно, главное что не я. Вот и тороплю их, нерадивых...».

«В этом плане, конечно, правильно...» – понимающе кивнул парень и, взяв в руку стакан, быстро добавил – «Впрочем, Савелий Федорович, если отгрузка по порту в ближайшее время не возобновится, нам в следующем месяце будет нечем выплачивать заработную плату – все наши денежные средства заморожены в нереализованном лесе, а действующие кредитные лимиты банков закончились...».

«Разрулим вопрос...» – нехотя кивнул директор треста и, сделав небольшой глоток коньяка, с улыбкой продолжил – «Всё не так уж и плохо – меня знающие люди во Владивостоке заверили, что обстановка нормализуется и в ближайшее время перевалка нашего леса по порту возобновится в полном объёме. Соответственно и платежи от покупателей пойдут, как только лес ляжет на борт судна. Вообще непонятно чего они в порт нового человека завели, этого Воротилова или как его там. Ведь был же там вполне адекватный директор – Славский. Вот как наладили с ним контакт, так в последние полтора года у нас лес через порт проходил в рекордные сроки, да и объёмы отгрузки-то как выросли!».

«Да-то бог...» – опасливо произнёс парень.

В этот момент дверь в кабинет директора распахнулась и, в сопровождении перепуганной секретарши, пытавшейся что-то спутанно произнести, в кабинет вошли двое рослых мужчин и молодая девушка среднего роста с черными волосами, в солнцезащитных очках.

«Вы кто и чем, собственно говоря, обязаны?» – поставив стакан с коньяком на стол, с недоумением спросил Савелий Федорович.

«Севастьянов?» – холодно переспросила девушка и, получив одобрительный кивок, протянула удостоверение со словами – «Иркутское управление федеральной службы безопасности, майор Михайлова. Просим Вас проехать с нами для дачи показаний...».

«А в чём меня, собственно говоря, обвиняют и, причём тут вообще федеральная служба безопасности?» – спокойно поинтересовался директор треста, медленно приподнимаясь со стула.

«В настоящее время нами проводится расследование факта убийства директора порта Владивостока, Александра Александровича Воротилова и его зама, предположительно, совершенного террористической группой, именующей себя экзорцистами. В рамках расследования

мы проводим опрос всех основных грузоотправителей, работавших с данным портом...» – быстро ответила девушка, властно добавив – «Собирайтесь – Вы едете с нами в управление».

«А мне не полагается адвокат?» – деловито поинтересовался Савелий Федорович, спешно надевая пиджак.

«А Вы, считаете, что он Вам уже нужен?» – переспросил высокий мужчина, справа от девушки, пояснив – «В данный момент речь идёт всего лишь об уточнении отдельных обстоятельств работы Вашей компании с портом. Срочность нашего вызова обусловлена потенциальным участием в данном инциденте иностранной террористической организации...».

«Если Вы посчитаете, что он Вам потребуется, Вы сможете вызвать его в управление...» – спокойно добавила майор федерально службы безопасности.

Через несколько минут Севастьянов, в сопровождении троих, под пристальным вниманием всех сотрудников офиса проследовал на выход и покорно сел в джип чёрного цвета.

Машина быстро отъехала от офиса, располагавшегося в пригороде Иркутска.

«А куда мы едем?» – едва успел поинтересоваться Севастьянов, прежде чем от полученного удара по голове он потерял сознание...

* * *

«А может, не стоило – может он и сам бы нам всё рассказал? Всё-таки почти три часа с ним уже потеряли...» – раздался мужской голос откуда-то справа.

«Да нет, этот сразу видно – прожжённый тип, пока не сломаешь, ничего не расскажет. Будем ломать...» – безучастно и холодно ответила девушка.

Директор треста медленно открыл глаза...

Представшая перед ним картина была крайне неутешительной – он, почувствовал, что сидел привязанным на складном стуле, на пустынной набережной под длинным автомобильным мостом, соединявшим обе стороны реки. В нескольких метрах от него бурлили холодные воды Иркуты, в то время как рядом с ним мирно разговаривали всё те же трое федералов.

«Вот, гады...» – выдавил из себя Севастьянов, добавив – «Да, вы хоть знаете какие у меня связи в Иркутске?! Я вам не какой-нибудь там пацан! Да за подобное вы все свои погony сложите!».

«Эльдар, введи нашего клиента в курс дела...» – с холодной улыбкой кивнула девушка.

Стоявший возле неё коренастый мужчина подошёл к директору треста и, развязав ему руки, тихо произнёс – «Вставай, давай...».

Савелий Федорович, не раз, бывавший на различных бандитских разборках, не выдав ни страха, ни паники, попытался распрямиться во весь рост, но, не удержав равновесия, распластался по бетонной набережной. С ужасом посмотрев на непослушные ноги, он увидел, что его обе стопы по щиколотку были надёжно забетонированы в небольшом эмалированном тазу, в лучших традициях далёких девяностых годов...

Он с ужасом посмотрел поочерёдно на всех троих, осознав, что перед ним были не какие-то там федеральные службисты, а вполне реальные конкретные ребята, готовые пойти на всё, ради того, что им было нужно. Его сердце похолодело от одной только мысли, что это может быть чьей-то мстью... «Если так, то они меня живым отсюда не отпустят...» – быстро промелькнуло в голове у директора треста.

«Севастьянов, нам всё равно умрёшь ты здесь или нет. Сегодня твоя жизнь в твоих руках – скажешь, всё, что нам нужно знать – будешь жить, если же нет, то...» – медленно произнёс незнакомец, взяв в руки складной стул, после чего небрежно бросил ненужный более предмет в тёмные воды реки, спокойно добавив – «Честно говоря, гибель Воротилова и Маслова нас тоже мало интересует...».

Потрясённый до глубины души, столь простой, но в то же время весьма наглядной и хладнокровной демонстрацией возможных последствий, Савелий Федорович, с облегчением воспринявший информацию об отсутствии к нему у незнакомцев претензий в гибели руководителей далёкого порта, довольно шустро отполз подальше от кромки набережной и, приняв сидячее положение, дрожащим голосом переспросил – «Что вам от меня нужно?».

«Севастьянов, в данный момент нас интересует всё, что ты рассказал Борису Козьмину, журналисту, во Владивостоке о возможной причастности экзорцистов к данному убийству...» – спокойно произнесла девушка и, достав листок с распечаткой фоторобота лица директора треста, сделанного со слов журналиста, добавила – «Выкладывай всё, что ты знаешь об экзорцистах...».

В повисшей пустоте было слышно, как по мосту проехали две или три одиночных легковые машины...

«Я всё расскажу...» – сдавшись, кивнул Савелий Федорович, прекрасно понимая, что в данный момент единственной возможностью выжить было убедительно выложить всё, что он знал о произошедшем...

«Главное выжить, а там будет видно – может всё и обойдётся. По крайней мере, очевидно, что у этих ребят какой-то свой интерес к этой теме...» – поразмыслил Севастьянов, после чего склонив голову, медленно произнёс – «Да не было там никаких экзорцистов во Владивостоке – эта вновь назначенная сволочь, Воротилов, остановил перевалку всех наших грузов в порту, пустив весь наш бизнес под откос, а у меня людей пять сотен – и всем семьи кормить надо! Вот и пришлось выкручиваться как-то...».

«Вот же фигня-то...» – хлопнул себя по лбу коренастый незнакомец.

Другой высокий мужчина также присвистнул от удивления.

«А зачем вообще была вся эта история с экзорцистами в прессе?» – недоверчиво поинтересовалась девушка.

«Да года полтора или два тому назад ходили слухи о наезде экзорцистов на Славского, тогдашнего директора порта, после которого, получив их предупреждение его будто бы подменили – и грузы порт стал принимать безо всяких ограничений и поборов не стало, работа наладилась. А тут на тебе – взяли из Москвы и поменяли директора порта на Воротилова. Вот мы с ребятами и прикинули, что с этим Воротиловым дела точно не будет и менять его надо. Вот только как? Поди его тронь – так проблем потом не оберёшься, да ещё и расследование по полной программе будет...» – жалостливо произнёс Севастьянов, продолжив – «Вот и возникла у нас идея под экзорцистов закосить. Мол, снова взяли эти экзорцисты и зачистили прогнившую администрацию порта. О них же никто особо ничего не ведаёт, посему им от нашего дела худо не будет, а нам – так вообще сплошная польза. Вот и родилась идея в статье тему эту оформить, для убедительности...».

«Столько времени из-за вас, идиотов, потеряли!» – с раздражением глядя на Севастьянова, произнёс коренастый незнакомец.

В это время высокий направился к стоявшей вдали на обочине возле моста машине со словами – «Пойду, погрею двигатель...».

«А может, всё-таки пустим его поплавать?» – поинтересовался коренастый, язвительно добавив – «Видно, же – не бизнесмен, а самый настоящий маньяк в натуре. Видишь ли, не договорились они с администрацией порта по перевалке груза. И ладно бы заявили куда-нибудь, а то сразу так взяли и завалили людей. Закосили под экзорцистов, понимаешь...».

«Да и чёрт с ним...» – презрительно произнесла девушка, рассудительно добавив – «Он, поди, и сам не дурак – язык будет держать за зубами, а то сядет ведь лет на двадцать за организацию убийства двух и более лиц, а нам лишние трупы, привлекающие ненужное внимание, тоже ни к чему. Пошли за Глебом...».

С последними словами, к большому облегчению Севастьянова, оба двинулась в сторону стоявшего вдалеке автомобиля.

Дойдя до машины, высокий мужчина, неспешно закурил сигарету и, приветственно махнув своим коллегам, показавшимся из-под моста на дороге, сел в джип и завёл двигатель... В тот же момент раздался оглушительный взрыв, оставивший на месте автомобиля куски пылающего искорёженного металла.

«Мать твою!» – выругался коренастый незнакомец, синхронно с девушкой вытащив ствол с глушителем и осматриваясь по сторонам.

«Чисто – никого...» – быстро и отчётливо произнесла девушка.

«Чисто...» – повторил коренастый, смотря на пылающий каркас транспортного средства, едва веря своим глазам, яростно прошептал – «Шеф, чего делать то будем? Видать, блин, эти проклятые лесники тут у себя в глуши все с ума вообще посходили! Надо валить его, однозначно!».

Девушка, быстро посмотрела в направлении моста, с удивлением для себя обнаружив, что уже где-то вдали на приличном расстоянии от них высокий рослый человек с ногами в эмалированном тазу энергично прыгал в направлении весеннего леса, до которого уже оставались считанные метры...

«Чёрта с два мы его теперь догоним. Пора сваливать – скоро здесь будет полиция, а нам это знакомство явно ни к чему...» – быстро отреагировала девушка и, указывая на показавшуюся вдалеке легковушку, распорядилась – «Эльдар, давай, доставай удостоверение и лови машину...».

Больница

(24.04.2013, Нью-Йорк, 10–00)

Потрявоженный лучами утреннего Солнца, предательски бившими в глаза, проходя сквозь щель между шторами, Павел медленно открыл глаза и осмотрелся. Он лежал в белоснежной одиночной больничной палате, оснащённой жидкокристаллическим телевизором, небольшим холодильником и собственным отдельным санузлом. Забинтованное плечо всё ещё ныло, напоминая о недавних событиях возле злополучного здания университета. Собравшись, наконец, с мыслями Кузовлев припомнил отдельные фрагменты вчерашнего дня, большую часть которого, равно как и весь предыдущий день, он проспал, восстанавливая потерянные силы и нервы, прерываясь лишь для поглощения завтрака, обеда и ужина, заботливо принёсённых медсестрой.

Осторожно сев на краю кровати, он медленно одел халат одной рукой и, поправив бандаж, фиксирующий положение левой руки, попытался самостоятельно подняться на ноги.

В этот момент в палату вошла медсестра, совершавшая очередной обход вверенных ей пациентов. Девушка с индийской внешностью с улыбкой на беглом английском с каким-то замысловатым акцентом пролепетала что-то приветственное, после чего, несколько раз показав на кровать, старательно произнесла – «Вам сейчас лучше лежать. Подождите – я скоро принесу вам завтрак в палату...».

Павел, изрядно уставший от простого лежания на кровати за последние сутки, распрямился и, встав на ноги, бодро на схожем ломаном английском ответил – «Да ладно тебе... Я же не инвалид какой – или серьёзно думаешь, что я до вашей столовой сам не дойду? Да ты просто нас русских ещё плохо знаешь! Подумаешь там, плечо подстрелили, тоже мне велика потеря... Главное ведь, что живой!».

Девушка, не поняв даже половины сказанного молодым человеком, отрицательно покачала головой, наблюдая за тем, как Кузовлев, взяв с прикроватной тумбочки свой сотовый телефон и бумажник с кредитными картами и небольшой суммой денег, осторожно придерживаясь за стену, бодро двинулся в коридор.

Выйдя в холл Павел, не вполне доверяя своей памяти в подобных жизненных обстоятельствах, сфотографировал номер своей палаты, гласивший «3043» на сотовый телефон, после чего развернувшись к медсестре, обомлевшей от увиденного зрелища, с улыбкой спросил – «Столовая-то у вас, где? Или кафе какое-нибудь там?».

После чего, получив ценные указания о местонахождении интересовавшего его объекта общепита, двинулся в путь. Дойдя до лифта, он самодовольно улыбнулся, отметив про себя – «Седьмая комната от лифта по коридору – можно было и не фотографировать, такой пустяк уж точно не забуду...».

Вдоволь позавтракав, Павел, сидя в столовой медицинского центра, сделал несколько звонков своим знакомым и друзьям, в ответ на шквал не отвеченных вызовов едва ли не раскаливших его телефон минувшим днём, как только информация о неудачном покушении на его собственную персону достигла родины, наделав шума даже в федеральных новостях. Пересказав вкратце пять раз, по сути, одну и ту же историю своего героического ранения, включавшего краткий экскурс в область физиологии с обязательным упоминанием того факта, что злополучная пуля прошла всего в десяти сантиметрах от сердца, Павел, сочтя долг по отношению к ним всем выполненным, наконец, положил телефон в карман. Допив последний глоток категорически противопоказанного врачами чёрного кофе, он встал и медленно двинулся обратно к лифту.

Выйдя из лифта, он добрёл до седьмой по счёту палаты, из которой прямо перед ним деловито вышла женщина врач в белоснежном халате, не обратившая на него никакого вни-

мания. Павел, поймавший закрывавшуюся в палату дверь, хотел было крикнуть ей в след, что он уже вернулся, но после, вспомнив про болезненные уколы и различные медицинские процедуры, которые можно было ожидать от подобного визита врача, быстро отказался от этой идеи, логично предположив, что это вполне может подождать. Спустя мгновение он вошёл в палату, закрыв за собой дверь.

Менее чем через минуту Кузовлев, задыхаясь и дрожа всем телом, выбежал из палаты в направлении лифта, быстро набирая знакомый номер телефона, после чего едва услышав голос на том конце, молодой человек выпалил – «Дмитрий Николаевич, это Кузовлев, Павел Кузовлев... Спасите! Мне нужно срочно выбраться из больницы – меня хотят убить!».

После чего услышав заверения сотрудника российского консульства в Нью-Йорке, номер которого ему любезно дали в Москве для связи в экстренных случаях, дрожащим голосом Павел продиктовал наименование госпиталя, после чего произнёс – «Да какая к чёрту палата – я буду ждать Вас в столовой на первом этаже, оставаясь у всех на виду. Прошу Вас, поспешите – всё очень серьёзно!».

* * *

В течение последующих двадцати минут, нервно оглядываясь по сторонам, молодой человек, сидел в столовой больницы, продолжая пить запрещённый врачами кофе и отчаянно пытаясь унять нервную дрожь в руках...

В этот момент столовую вошли высокий упитанный человек в форме, в сопровождении миловидной девушки, и двух человек в штатском. Найдя глазами интересовавшего их пациента, все четверо подошли к Кузовлеву, замершему от ужаса, после чего незнакомец в форме, приветливо улыбнувшись, протянул руку со словами – «Хью Палмер, следователь по особым делам, полиция Нью-Йорка. Вместе со мной коллеги из федерального бюро расследований. Вы надо полагать Павел Кузовлев?». Стоявшая рядом девушка быстро перевела фразу, хотя в этом и не было никакой необходимости.

Павел, с трудом пытаясь определиться с тем, хорошо или плохо для него присутствие полиции в данной ситуации, пожал протянутую руку, неуверенно кивнув и добавив на английском – «Вроде того...».

«Вы говорите по-английски? Отлично!» – одобрительно кивнул Палмер, продолжив – «Мы бы очень хотели поговорить с Вами о произошедшем покушении. Возможно, здесь не совсем удобно разговаривать, поэтому...».

«Я никуда отсюда не уйду!» – моментально отрезал Павел, безапелляционно добавив – «Если хотите поговорить со мной – то только здесь...».

«Может лучше, поговорим в Вашей палате?» – предложил Хью, уточнив – «Здесь довольно многолюдно, а нам не хотелось бы обсуждать детали расследования при посторонних...».

«Нет!» – столь же резко оборвал его Кузовлев, после чего, поняв, что недоумевавшие полицейские, нуждаются хотя бы в некотором пояснении относительно причин подобного поведения, при этом, явно не желая раскрывать карты, Павел поспешно добавил – «Вы знаете, хуже палаты я ещё в жизни не видел – ноги моей там не будет!».

Палмер, как и оба его коллеги из федерального бюро расследований, раскрыл рот от удивления, после чего с некоторой обидой и горечью в голосе произнёс – «Помилуйте, это же один из лучших медицинских центров во всём нашем городе! Я, конечно, не знаю, как обстоят дела с медицинским обеспечением у Вас там, в Москве, но всё же...».

«Поговорим здесь...» – ещё раз утвердительно произнёс Павел.

«Вы не могли бы рассказать поподробнее события накануне покушения?» – попросил Хью, всё ещё удивлённый высокомерием и заносчивостью руководителя небольшого российского молодёжного движения.

Кузовлев, понимая, что у него ещё есть время до появления людей из посольства, сделал глоток кофе, и медленно начал изложение событий того злосчастного дня.

«Разумеется, я понятия не имею, кто, откуда и зачем в меня стрелял...» – с возмущением ответил Павел на очередной, и на его взгляд откровенно идиотский вопрос, добавив – «Я почти сразу же потерял сознание, поэтому о деталях самого покушения вам лучше расспросить студентов университета, которые вполне могли что-то заметить...».

«Павел, у Вас были враги, которые могли бы желать Вашей смерти?» – буднично поинтересовался Палмер.

Молодой человек отрицательно покачал головой...

«По Вашему мнению, не могло ли покушение на Вас быть связано с деятельностью движения, члены которого именуют себя экзорцистами?» – с интересом продолжил Хью, уточнив – «Если не ошибаюсь, в своём интервью Вы давали понять, что со своей стороны готовы стать посредником между ними и российскими властями, заняв место Легасова...».

«Да понятия не имею! Да и откуда мне вообще знать?» – вспыхнул Кузовлев, эмоционально дрожащим голосом добавив – «Вот сами бы их и спросили! Что же до меня – меня всё это больше не касается! И я не собираюсь занимать его место! Я жить хочу!».

В этот момент трое молодых людей российской внешности, в штатском, вошли в столовую и, найдя глазами Павла Кузовлева, подошли к их столику...

«Вы кто?» – нахмутив брови, переспросил Палмер, явно не желая, на самом интересном месте прерывать интервью с пострадавшим по делу.

«Дмитрий Часов, консульство России...» – с улыбкой ответил высокий молодой человек, протягивая дипломатический паспорт, уточнив – «А кто, собственно говоря, Вы?».

«Хью Палмер, полиция Нью-Йорка» – кратко с явным неудовольствием представился полицейский.

«Павел, эти люди Вам угрожают?» – с улыбкой поинтересовался Часов.

«Пока нет...» – неуверенным голосом ответил Кузовлев и, посмотрев на сильно нахмурившегося Палмера, добавил – «Впрочем, кто их знает – они же американцы, ведь...».

«Вы, надо полагать, завершили разговор и готовы собираться?» – деликатно поинтересовался Дмитрий.

«Да, я полностью готов...» – быстро ответил Павел, вскочив со стула.

«В смысле собираться?» – привставая со стула, переспросил Хью.

«Ближайшим рейсом Павел Кузовлев вылетает в Москву для получения квалифицированной и качественной медицинской помощи...» – оперативно пояснил Часов. После чего, видя странное и шокированное выражение лица Палмера, второй раз за день услышавшего, что лучшая клиника их города и та не обеспечивает той квалифицированной и качественной медицинской помощи, которую можно получить в далёкой Москве, лаконично добавил – «Полагаю, у Вас нет оснований для ограничения Павла в возвращении на родину?».

«Нет, но нам могут потребоваться его показания и уточнения по данному делу...» – озадаченно произнёс Хью.

«В этом случае, добро пожаловать в Россию для их получения...» – дипломатично улыбнулся Дмитрий.

Спустя пятнадцать минут, оформив бумаги на досрочную выписку пациента под его собственную ответственность, Кузовлев в сопровождении сотрудников консульства сел в служебную машину, направившись сразу в аэропорт...

Аэропорт

(26.04.2013, Владивосток, 05–30)

«А ты точно не сможешь к нам приехать, Серж?» – с улыбкой разглядывая лицо супруга, перед предстоящим, хотя и временным, но всё же расставанием, ещё раз с небольшой надеждой в голосе поинтересовалась Ксения, уточнив – «Я ведь пробуду у Лизы почти месяц, а то и больше – вдруг всё-таки выдастся возможность?».

«Ксюш, ты же знаешь, что у нас в регионе очередное громкое дело с убийством вновь назначенного директора порта. Да его ещё и по всем федеральным средствам массовой информации раструбили. В общем, пока дело не закроем, генерал Печоров не то что плановый отпуск на две недели, а даже увольнительного на день никому не подпишет...» – уже далеко не в первый раз повторил Мазаев, с некоторой долей сожаления добавив – «Да и, сама понимаешь – если бы не Печоров с Пуховым, то, после всего того что было в Нью-Йорке, меня бы на работе ни за что не восстановили. Вот и мне со своей стороны грех было бы подвести его в сложной ситуации...».

«Да знаю, знаю... Ладно уж, не грусти тут без нас, трудоголик ты наш!» – весело рассмеялась женщина и, поцеловав мужа, взялась за телескопическую ручку компактного чемодана на колёсиках, с улыбкой добавив – «Пора. Смотри, береги себя и ни во что не ввязывайся! Обещаешь?».

«Обещаю, обещаю! Лизе привет передавай!» – громко произнёс Сергей, наблюдая за тем, как его милая Ксения, быстро миновав линию паспортного контроля международного аэропорта Владивостока, махнув ему на прощание рукой, бодрым шагом направилась в зону беспощинной торговли.

Мазаев, с грустью помахал рукой ей вслед, понимая, что ради своей работы, ему вновь и вновь приходится отказывать и себе и своим близким в возможности провести вместе минуты, часы и дни своей жизни, отмеренный век которой не дано знать никому...

«А сколько же глупостей в своё время я совершил во имя этой своей работы, столь мало думая о благополучии и будущем своей собственной семьи...» – пронеслось в голове майора. После чего вспомнив действительно рискованные и неординарные события давно минувших дней возле психиатрической лечебницы Новосибирска, на далёком посту дорожно-постовой службы и в офисе небольшой юридической консалтинговой компании в небоскрёбе Нью-Йорка, Сергей ещё раз машинально махнул рукой, тихо вслух добавив – «Вот уж никогда больше! Никогда!».

«Майор Мазаев?» – раздался чей-то отдалённо знакомый голос откуда-то позади.

Левый глаз майора предательски передёрнулся, после чего, с лёгким шоком от внезапно нахлынувшего ощущения полнейшего дежавю, Сергей, медленно повернулся, увидев перед собой двух мужчин среднего возраста, с интересом наблюдавших за ним, очевидно, в течение некоторого времени.

«Василий Следов, федеральная служба безопасности...» – в своей привычной манере, произнёс один из незнакомцев, с улыбкой уточнив – «Впрочем, полагаю, представляться не было особой необходимости – мы ведь уже встречались, причём при весьма схожих обстоятельствах...».

«Что на этот раз?» – несколько совладав с нервным тиком глаза, переспросил майор, припоминая последние события, в связи с которыми коллегам данного уважаемого ведомства столь срочно могла потребоваться его скромная, забытая всеми персона.

«Майор, у нас есть приказ – Вы должны отбыть в Москву первым же бортом» – быстро и бесцеремонно, объявил Василий, с улыбкой добавив – «Вообще, очень хорошо, что и в этот

раз Вы уже самостоятельно смогли добраться до аэропорта – через сорок минут вылетает очередная самолёт на Москву».

«Я ценю ваш юмор, коллеги...» – с улыбкой кивнул Сергей, язвительно добавив – «Впрочем, полагаю, вы не совсем в курсе ситуации с расследованием громкого дела нашим управлением и ещё успели не согласовать свои весьма странные желания с генерал-лейтенантом Печоровым, поэтому желаю удачи...».

«Майор, а Вы давно проверяли свой сотовый телефон?» – с улыбкой переспросил Следов, сделав многозначительную паузу...

Сергей, ошарашенный подобной постановкой вопроса, быстро сунул руку в карман куртки и достал сотовый телефон, переключённый в бесшумный режим ещё со вчерашнего вечера, на экране которого отобразились по меньшей мере десять не отвеченных входящих вызовов от Дениса Выходцева, генерала Печорова и ещё нескольких неизвестных абонентов.

В этот момент телефон предательски завибрировал, показывая идущий входящий вызов от руководства...

«Севастьян Михайлович, доброе утро...» – проглотив комок, вставший в горле, произнёс майор, осторожно приложив трубку телефона к уху.

«Мазаев, да где тебя вообще черти носят?!» – раздался на том конце раздражённый голос генерала, по всей видимости, не обращавшего внимания на часы, показывавшие только шесть часов утра...

«Да вот тут...» – извиняющимся тоном растерянно ответил майор, поспешно добавив – «Делами семейными занимался...».

«Сергей, не знаю, куда там этот твой проклятый журналист на тебя умудрился пожаловаться, но, видимо, дело приняло очень серьёзный оборот...» – заметно смягчившись, в заботливом тоне быстро произнёс Печоров, продолжив – «В общем, на тебя пришёл приказ, да и не просто приказ, а с грифом. Согласно документу, мне приказано в срочном порядке направить тебя в Москву, передав в распоряжение коллегам из федеральной службы безопасности...».

«Вот же, блин... А что там с Выходцевым?» – медленно и безрадостно произнёс Мазаев и, вспоминая недавние события на квартире журналиста, с горечью про себя добавил – «Да и ладно бы за дело, а то ведь придумали же – за журналиста какого-то, которого мы с Денисом, собственно говоря, даже и пальцем-то не тронули. Знать не простили мне всё-таки там, в Москве, события в далёком Нью-Йорке...».

«Приказ пришёл только на тебя, к Денису вопросов вроде бы пока нет. Да и сам приказ несколько странный, чего только стоит формулировка – «До уточнения сроков возвращения и формата пребывания сотрудника в Москве, считать его находящимся в служебной командировке». Вот такие дела. Я, кстати, уже подписал приказ на твою командировку в столицу с сегодняшнего дня на неопределённый срок...» – с сожалением ответил Печоров, продолжив – «Поинтересовался, кстати, и у твоего генерала Пухова, думал, что может он там, в Москве, чего-то слышал и знает. Разумеется, так, в общих чертах, поскольку, приказ под грифом и, ясное дело, не подлежит обсуждению. В общем, по всей видимости, он не в курсе что происходит и это дело в исключительной компетенции федеральной службы безопасности».

«Спасибо, Севастьян Михайлович за всё...» – с грустью в голосе от осознания перспектив своего предстоящего пребывания столице в «распоряжении» федеральной службы безопасности, произнёс Мазаев.

«Ни пуха, Сергей! И не вешай там нос – мы за тебя ещё поборемся!» – ободряюще добавил генерал.

«К чёрту. И ещё раз спасибо...» – медленно произнёс Мазаев и положил трубку.

«Майор, теперь, полагаю, Вы готовы лететь?» – с весьма неуместной в данной ситуации добродушной улыбкой на лице ещё раз поинтересовался Василий.

Сергей, всё ещё шокированный новостями о пришедшем на него индивидуальном приказе из Москвы, поднял взгляд на ожидавших его федералов, с надеждой в голосе попросив – «Коллеги, мне бы домой сперва – вещи собрать, а то, кто же его знает, сколько мне там придётся...»

«Майор, у нас приказ – сразу на борт...» – холодно ответил Следов, добавив – «Да и чемодан с вещами Вам могут выслать коллеги из управления, так ведь? Идём?».

«Идём...» – тяжело вздохнул Мазаев, медленно направившись в сопровождении заботливых коллег в зал внутренних вылетов...

Разговор

(26.04.2013, Москва, 08–45)

Очередная утренняя планёрка, в ежедневном режиме проводимая под руководством куратора группы в лице генерала Александра Владимировича Пухова в конференц-зале главного следственного управления по Москве, не предвещала неожиданностей и проходила в обычном режиме с коротким докладом по состоянию дел со стороны руководителя межведомственной оперативно-следственной группы, Велисаровой Людмилы.

«В целом значительных изменений и сдвигов в расследовании дела по-прежнему не имеется...» – буднично и спокойно констатировала руководитель группы, пояснив – «Расследование дела в значительной степени осложняется, мягко выражаясь, отсутствием должного уровня взаимопонимания и внимания к деятельности данного террористического движения со стороны наших европейских и американских коллег. В то время как без их деятельного участия мы не в состоянии ни собрать необходимую доказательную базу в рамках расследования, ни задержать подозреваемых, предположительно находящихся за пределами территории страны, ни отследить финансово-информационные потоки данного террористического движения, ни предпринять какие-либо иные оперативно-технические меры для прекращения их деятельности...».

«Да, да – проблемы взаимодействия с нашими зарубежными коллегами есть...» – одобительно кивнул Александр Владимирович, поспешно добавив – «Вместе с тем, мы все прекрасно понимаем, что это не снимает с нас ответственности за раскрытие данного дела и пресечение деятельности данной преступной группировки на территории страны. В конце концов, всё это является внутренним делом страны, поэтому, хотя и надеясь на определённое содействие по линии Интерпола и международных двухсторонних соглашений в сфере обмена информацией, мы вправе рассчитывать только на свои организационно-технические возможности...».

В этот момент Виталий Семёнов, не следивший за привычным докладом руководителя группы, и внимательно читавший почту на экране своего планшетника, с которым он предпочитал не расставаться даже на совещаниях, прочистил горло и громко произнёс – «Коллеги, могу ли я отвлечь Ваше внимание на минуту? Появилась информация, которая, как мне представляется, будет весьма интересной всем здесь присутствующим...».

«Виталий, что за новость?» – быстро с интересом переспросила Людмила.

«В сети на сайте движения экзорцистов два часа тому назад наконец-то появилась информация по погибшему Александру Александровичу Воротилову, относительно недавно назначенному директором порта во Владивостоке...» – прочитал текст полученного электронного сообщения Семёнов. После чего, пробежавшись глазами по экрану планшетника, продолжил – «Его фамилия была добавлена во второй список, список из тысячи, потенциально коррумпированных российских чиновников, с формулировкой «в связи с повторным инициированием введения недопустимых бизнес-практик и схем, нацеленных на личное обогащение, в сфере ответственности чиновника». Далее обнародована информация об его исключении из данного перечня со столь же обтекаемой формулировкой «в связи с окончательным прекращением использования недопустимых бизнес-практик и серых схем».

Все присутствующие молча переглянулись, ожидая реакции руководства.

«Иными словами, с запозданием и в типично обтекаемом виде, но они всё-таки признали свою ответственность за последний инцидент во Владивостоке...» – медленно произнесла Велисарова, рассудительно добавив – «Это, на мой взгляд, уже принципиально меняет ситуацию по расследованию гибели Воротилова, в отношении которой у наших коллег во Владивостоке до последнего времени были вполне обоснованные сомнения в причастности к делу экзорцистов. Сейчас же, в условиях когда экзорцисты, дважды провели зачистку одного и того

же порта, можно предположить, что интересы экзорцистов к порту могут не ограничиваться недопустимыми бизнес-практиками и схемами, применяемыми руководством порта в целях личного обогащения. Вероятно, здесь есть что-то ещё. Александр Владимирович, предлагаю немедленно сбросить информацию коллегам во Владивосток и организовать видеоконференц-связь с генералом Печоровым...».

«Поддерживаю...» – охотно кивнул Пухов.

«А вообще интересно...» – глядя на то, как сотрудники местной службы технической поддержки в срочном режиме настраивали связь с Владивостоком, медленно произнёс Артём Косатин, продолжив свою мысль – «Ведь получается, что экзорцисты в очередной раз сменили тактику. Ранее они никогда не устранили чиновников, не вошедших в список, а теперь получается, что они расширили свой горизонт, словно говоря, что любой коррумпированный чиновник вне зависимости от списка может стать их следующей целью. Зачем им это могло потребоваться?».

«Может именно ради этого – для усиления информационного эффекта?» – быстро подхватил Антон Александров, пояснив – «До этого момента, если чиновник не входил ни в первый, ни во второй список – он мог спать спокойно, даже если он в действительности украл миллиарды, что, честно говоря, выглядело несколько странно и нелогично. Сейчас же – похоже, они решили этот вопрос закрыть, добавив ещё один непубликуемый список целей...».

«Если это так, то всё это имеет далеко идущие последствия...» – согласилась Людмила, добавив – «Принимая во внимание возможный информационный эффект данного шага, об этом надо срочно поставить в известность Владислава Аркадиевича Широ и директора центра стратегических исследований, Руслана Беляева...».

В этот момент мониторы видеоконференцсвязи включились, показав на том конце, нескольких коллег из Владивостока, среди которых Людмила быстро узнала генерал-лейтенанта Печорова, возглавлявшего следственное управление, Дениса Выходцева и ещё нескольких коллег, с удивлением про себя отметив, отсутствие среди них майора Мазаева...

«Севастьян Михайлович, доброе утро, а точнее, наверное, для Вас уже, вечер. Вам удалось просмотреть материалы, которые мы Вам перенаправили?» – с улыбкой, приветственно кивнув, дипломатично поинтересовался Пухов.

«Да, Александр Владимирович...» – энергично кивнул генерал в ответ, быстро подхватив тему – «Судя по всему, это, действительно, дело рук данного террористического движения и необходимо усилить работу по расследованию дела...».

«Да, но не просто усилить...» – быстро продолжил генерал Пухов, пояснив – «Необходимо изменить акценты и пересмотреть отдельные ориентиры расследования дела, о чём сейчас более подробно расскажет руководитель группы, Велисарова Людмила...»

«Севастьян Михайлович, мы полагаем, что повторный интерес экзорцистов к лицу, занимающему должность директора порта, вполне может быть неслучаен. В этом отношении, напрашивается версия о том, что террористическое движение вполне может каким-то образом использовать данный порт для своих целей – к примеру, для перевалки нелегальных грузов и оружия или для отмыwania нелегально полученных денежных средств. В пользу этой версии также свидетельствует и тот факт, что Воротилов едва успел занять должность, как экзорцисты узнали о нововведениях и чёрных схемах очередного директора порта, что, соответственно, возможно, только если в порту у них есть либо свой доверенный человек, либо достоверный источник информации. И это меняет логику расследования...» – кратко изложила свою мысль Людмила, продолжив – «Соответственно, просим Вас сконцентрировать усилия на всестороннем анализе работы порта, структуры, объёмов и контрагентов по всем обрабатываемым грузам, в первую очередь импортным, а также на проверке персонала порта. Данная задача, в контексте расследования деятельности террористического движения, сейчас даже более важна, чем установление самих исполнителей данного заказного убийства Воротилова. Всю первич-

ную информацию из порта просим в электронном виде также скидывать нам для всестороннего анализа...».

«Задачу поняли – постараемся сделать всё от нас зависящее...» – кивнул Печоров, после чего, поёжившись в кресле, без особых формальностей добавил – «Впрочем, наша работа была бы намного более продуктивной и эффективной, если бы Вы там, в Москве, проработали с Вашими коллегами из федеральной службы безопасности по поводу возвращения Сергея Мазаева во Владивосток. Я, вам, коллеги, прямо скажу – снимать лучшего следователя по особо важным делам с расследования подобного дела, в чём бы он там в своё время не провинился, на мой взгляд, просто недопустимо...».

«Что значит снимать с дела? Кого?» – не понимая, о чём вообще идёт речь, быстро переспросила Велисарова, требовательно поинтересовавшись – «Что у Вас произошло?».

«Сергея Мазаева срочно потребовали в Москву – на него пришёл закрытый приказ по линии федеральной службы безопасности. Подробностей сам не знаю – внятных объяснений добиться пока ни от кого также не удалось...» – хмуро ответил генерал-лейтенант на том конце связи, добавив – «Этим утром майор вылетел в Москву. Вот такие у нас дела...».

Людмила вопросительно посмотрела на Александра Владимировича, по всей видимости, знавшего об имевшей место проблеме...

«Севастьян Михайлович, мы с Вами говорили по данной теме, но пока мне ничего выяснить также не удалось, как что узнаю – обязательно наберу Вас...» – кивнул Пухов.

Через несколько минут, попрощавшись с московскими коллегами, Владивосток отключился от видеоконференцсвязи.

«Коллеги, завершаем заседание и за работу...» – произнёс дежурную фразу Пухов, после чего, внимательно посмотрев на Косатина, поинтересовался – «Артём, Вы не в курсе ситуации с вызовом Мазаева в Москву? И, кстати, где Ваш Александр Трошин?».

«Ни о чём подобном даже не слышал...» – смущённо пожал плечами Артём, добавив – «Шеф на докладе у руководства – сказал, что будет позже...».

«Людмила, можно Вас на пару слов?» – тихо попросил генерал, выходя из конференц-зала.

Спустя несколько минут вдвоём с Людмилой он вошёл в свой просторный рабочий кабинет.

«Александр Владимирович, что это вообще за история с Мазаевым?» – быстро вернулась к интересовавшей её теме Велисарова, усаживаясь за стол для совещаний, приставленный к рабочему столу руководителя, нервно постукивая кончиками пальцев по столу.

«Мне и самому хотелось бы знать, что происходит, но, к сожалению, нужно определённое время, чтобы всё выяснить...» – сопереживающим тоном произнёс Пухов, стоя возле окна своего кабинета.

«Вы думаете, что это – последствия участия майора в том инциденте в небоскрёбе в Нью-Йорке полтора года тому назад, в результате которого погиб Алик Легасов, несколько сотрудников его консалтинговой компании и этот Эндрю Линсон, а точнее как там его, Андрей Золотов, сотрудник службы внешней разведки?».

«В нашей системе всё возможно...» – устало пожал плечами умудрённый опытом подковёрных интриг генерал, и, проведя рукой по редким прядям своих седых волос и, всё ещё нерешительно стоя у окна кабинета, медленно продолжил – «Людмила, я хочу, чтобы Вы правильно понимали ситуацию. Мы с генералом Печоровым дорожим не своими погонами, сколько бы звёздочек на них не сияло, сколько своей совестью, поэтому, мы ещё поборемся за Сергея, что бы ему там не уготовили коллеги из федеральной службы безопасности. Впрочем, сейчас я позвал Вас вовсе не для этого – у меня есть небольшая просьба лично к Вам...».

«Просьба?» – с удивлением переспросила Велисарова, ни разу не слышавшая ничего подобного от Александра Владимировича.

«Да, именно просьба...» – кивнул Пухов, нерешительно продолжив – «Вчера один мой хороший знакомый, человек из нашей системы, которому я в свою очередь многим обязан в прошлом, попросил меня о небольшой услуге. Выражаясь точнее, он попросил меня об аудиенции для человека, можно сказать, кровно заинтересованного в нашем расследовании дела об экзорцистах».

Глаза Людмилы расширились от удивления, но прежде чем руководитель группы успела что-либо возразить, генерал осторожно продолжил – «Я согласился. Во-первых, мне было сложно ему отказать по личным причинам, что вполне понятно. Во-вторых, сама эта встреча может быть весьма полезной, принимая во внимание, что она не предусматривает каких-либо обязательств с нашей стороны, но при этом потенциально может дать нам представление о происходящем с совершенно иной перспективы».

«Просто встреча?» – ещё раз, прищурив глаза, с сомнением в голосе внимательно переспросила Людмила.

«Именно – просто встреча...» – одобрительно кивнул Пухов, сухо добавив – «И Людмила, как руководителя межведомственной оперативно-следственной группы, я прошу Вас, пообщаться с данным человеком. Разумеется, не разглашая при этом конфиденциальной информации по делу и не принимая на себя никаких обязательств – просто выслушать его и всё...».

«В смысле я буду говорить с ним одна?» – настороженно переспросила Велисарова, уточнив – «Александр Владимирович, без Вас?».

«Людмила, Вы знаете, должность любого руководителя, в том числе и руководителя межведомственной оперативно-следственной группы, помимо ответственности за решение поставленных перед ним задач, всегда предполагает общение с разными людьми, представляющими свои или чьи-то чужие интересы. Порой это общение доставляет много проблем и неудобств, порой – даёт весьма полезную и важную информацию для продолжения работы. В данном же случае, всё намного проще – Вы никому и ничем не обязаны, поэтому просто поговорите с ним, стараясь извлечь из этого максимум пользы для дела, при этом ничего не обещая, вот и всё. Этот человек, в свою очередь, предупреждён, что не может быть и речи о разглашении тайны следствия в любой форме, или о каком-либо явном или неявном лоббировании, чьих либо интересов по делу...» – мягко произнёс генерал, предложив – «Вы, кстати, можете поговорить прямо здесь – в моём рабочем кабинете. По крайней мере, здесь вас никто не побеспокоит».

«А Вы?» – ещё раз нерешительно с опаской переспросила Людмила.

«А я... Я уже слишком стар для всего этого. Да и разговор будет намного проще, если вам обоим не будут мешать звёзды на моих погонах...» – улыбнулся генерал, выходя из кабинета.

Спустя несколько секунд раздался тихий стук и в дверь вошёл среднего роста в меру упитанный молодой человек лет тридцати пяти в деловом костюме и галстуке.

«Добрый день, Людмила Валерьевна!» – приветственно произнёс молодой человек, осторожно располагаясь за столом напротив руководителя оперативно-следственной группы.

Людмила слегка кивнула головой, всё ещё размышляя о том, как же её угораздило так вляпаться...

«Пожалуй, мне стоит сразу представиться...» – деловито произнёс черноволосый молодой человек, после чего, аккуратно поправив очки, произнёс – «Андрей Николаевич Несветаев, руководитель министерства сельского хозяйства одного из аграрных регионов нашей необъятной страны...».

Велисарова, припоминая, что она уже где-то слышала это имя, в очередной раз слегка кивнула головой, в ожидании продолжения этого странного диалога.

«Даже не знаю, как правильно выразиться...» – в явно непривычной для себя манере произнёс региональный чиновник, продолжив – «Впрочем, Вам, наверное, уже хорошо известно, что моё имя значится во втором списке экзорцистов – во второй сотне».

«Список из тысячи потенциально коррумпированных российских чиновников?» – понимая кивнула Людмила, наконец, вспомнив, где именно она уже видела его фамилию.

«В общем, да...» – слегка смутившись от подобного наименования списка, подтвердил молодой человек, быстро продолжив – «В этот злосчастный список попало довольно много небольших региональных чиновников, подобных мне. Чиновников, у которых не имеется ни миллиардов, ни сотен миллионов долларов за душой, как у многих других, в особенности, людей из первого списка...».

«Андрей Николаевич, я Вас понимаю, но оперативно-следственная группа не имеет никакого отношения к данным спискам экзорцистов и мы, со своей стороны, не можем ничего для Вас сделать в плане оценки их корректности и внесения каких-либо корректировок...».

«Андрей, просто Андрей...» – попросил Несветаев, боязливо продолжив – «Людмила Валерьевна, Вы меня неправильно поняли – я не собираюсь доказывать, свою невиновность, рассказывая о несправедливости судьбы. Разумеется, я никогда не скажу ничего подобного официально, но скорее, напротив – у экзорцистов были все основания для моего занесения в этот злосчастный список. И я, как и многие другие мои коллеги по несчастью, попавшие в этот список, вовсе не горжусь тем, что я сделал в своё время, на государственном посту...».

«В этом случае, Андрей, о чём Вы хотели со мной поговорить?» – опешив от неожиданной постановки вопроса, поинтересовалась Велисарова.

«Мне, а в моём лице и многим другим, важно узнать, есть ли перспективы скорого раскрытия этого дела?» – произнёс Несветаев, поспешно добавив – «Разумеется, я ни в коей мере не прошу Вас раскрыть тайны следствия... Вполне вероятно, я вообще не совсем удачно выразился – всем нам хотелось бы знать только, есть ли шанс, что всё это прекратится в ближайшее время, скажем в течении полугода, что деятельность экзорцистов будет остановлена в указанный срок?».

Людмила, внимательно обдумав озвученный вопрос и, сочтя, что её собственное мнение по столь общей теме не является раскрытием сколь-нибудь существенной информации по делу, медленно произнесла – «Я полагаю, что в ближайшие полгода вряд ли что-то сильно изменится в лучшую сторону в силу целого ряда объективных причин...».

«Собственно говоря, мы все так и полагали...» – с долей сожаления в голосе, произнёс Несветаев, мрачно пояснив – «В конце концов, оно и понятно – в течение последних полутора лет ситуация только ухудшалась и никакие предпринимаемые властями усилия не дали эффективного результата, поэтому не стоило и надеяться на скорые перемены к лучшему...».

Велисарова задумчиво посмотрела в окно, не зная, что добавить к сказанному, подумав – «А ведь и, вправду, за эти полтора года много ли нам удалось сделать для прекращения деятельности данной преступной группировки? Отнюдь. И это всё наша и только наша вина...».

«Людмила Валерьевна, скажите, что мне делать? Что делать другим, таким как я?» – срывающимся голосом с мольбой в глазах переспросил Несветаев.

«В каком плане что делать?» – с удивлением посмотрев на чиновника, переспросила руководитель оперативно-следственной группы.

«С тех пор как год тому назад я попал в этот злосчастный список экзорцистов – я не могу спокойно спать и работать. Да что там говорить – я не могу нормально жить! Везде мне мерещатся странные люди, пугающие шорохи и звуки – я постоянно меняю места жительства, опасаясь слежки, никуда, даже на работу к себе в министерство, не хожу без вооружённой охраны и предпочитаю более не появляться в людных местах и на светских приёмах, где моя безопасность не может быть гарантированно обеспечена. Я, в страхе от собственной тени, живу в городе, где я когда-то родился и вырос. В родном городе, где меня хорошо знают и уважают люди... Смешно, не правда ли?! Весь этот год я существую, сидя на различных антидепрессантах и каждое воскресенье отмечая свой праздник – юбилей того что мне удалось прожить ещё одну очередную неделю. Вздрагивая и крестясь, каждый раз, узнавая из сводок криминаль-

ных новостей об очередном чиновнике, выбывшем из списка с пространной формулировкой «за отсутствием дальнейшей возможности взыскания средств». Вот оно, каково быть в этом проклятом списке!» – эмоционально произнёс Несветаев, продолжив – «Одно время я тешил себя мыслью, о том, что по списку им ещё далеко до меня – тогда я ещё был только в третьей сотне. Впрочем, довольно скоро мне стало ясно, что всё это пустые надежды и далёкий номер в списке вовсе не гарантирует безопасности, понимая, как беспорядочно и хаотично работают экзорцисты по обоим своим спискам в последнее время. В тот момент жизнь для меня полностью изменилась. За этот год я пообщался со многими другими коллегами по несчастью, имена которых попали в злополучный список, пытаюсь понять, что мне самому делать дальше. В основном все они разделились на три лагеря исходя из своих собственных убеждений, связей и финансовых возможностей – первые полагают, что у них вполне достаточно денег и политических связей, чтобы гарантированно защитить себя и своих близких от кого бы то и чего бы то ни было, оставаясь здесь в России. Вторые при малейшей опасности уезжают за рубеж – в Англию, Израиль, США, страны арабского мира и другие страны, искренне веря, что возможности экзорцистов не безграничны, и они с семьёй смогут затеряться где-нибудь в далёком Марокко, проживая под другим именем. Третьи же, в том числе и я, не располагая ни связями и капиталами, чтобы гарантировать себе абсолютную безопасность здесь на родине, ни возможностями и средствами для того, чтобы благополучно переждать смутное время за рубежом, понимают, что всё это никогда не закончится, и нас будут преследовать до конца наших дней...».

Людмила, с удивлением раскрыв рот, посмотрела на чиновника, действительно обрисовавшего совсем иную перспективу происходящего...

«Впрочем, самое занятное это то, что все они – несмотря на свои убеждения и взгляды, становились жертвами экзорцистов. Все без исключения – и те, кто рассчитывал на свои связи здесь, и те, кто вверял свои жизни какой-нибудь израильской разведке, там за границей, и те, кто осознал свою ошибку и просто смиренно ждал своей незавидной участи. В леденящих душу сводках новостей фигурировали все они...» – с горечью в голосе произнёс молодой человек, добавив – «Поняв эту простую истину, как и многие другие, я решил – да чёрт с ними, с этими грязными деньгами, нажитыми на боли и несчастьи других людей. Я готов расстаться с восьмьюдесятью процентами, оплатив свой счёт сполна...».

«Андрей, если Вы уже приняли это трудное решение, то в чём же, собственно говоря, проблема?» – с недоумением поинтересовалась Велисарова, искренне добавив – «Я Вас совсем не понимаю...».

С последними словами молодой человек вскочил со стула, эмоционально добавив – «Да в том то всё и дело! Проблема в том, что и я и многие другие готовы оплатить счёт, но никто из нас сейчас не знает, как именно это можно сделать! С кем, к примеру, можно обсудить условия? Куда вообще переводить деньги, чтобы получить прощение? Полтора года тому назад был хотя бы посредник, к которому можно было обратиться с данными вопросами... А сейчас? А что сейчас? Сейчас нас просто и беспощадно «зачищают» – без уведомления, без предупреждения, без разговора и без права искупить свою вину перед обществом! Возможно, каждый из нас, действительно, виноват и заслуживает должного наказания. Впрочем, ведь все мы – тоже люди! Люди, хотя и допустившие непростительные в своей жизни ошибки, но люди, у которых есть родные, близкие, друзья, которым далеко не всё равно, что с нами будет... Что мне делать?!».

Людмила, потрясённая до глубины души подобной постановкой вопроса, припомнила, что ведь действительно в течение последнего года им самим не попадалось информации о некогда привычных операциях по экспроприации экзорцистами капиталов чиновников, нажитых незаконным путём. Велисарова, как и остальные члены группы, были склонны полагать, что подобные операции экзорцистов продолжались, равно как и прежде, но по вполне понятным причинам не предавались огласке ни экзорцистами, явно не желавшими раскрывать свои

финансовые потоки, ни жертвами, опасавшимися как проблем с законом из-за нелегальных источников капиталов, так и возмездия террористов.

«Экзорцисты больше не выходят на контакт даже с самими приговорёнными чиновниками и не предлагают им искупить свою вину перед обществом...» – машинально произнесла Людмила, размышляя над этой весьма странной новостью, добавив – «Что это? Смена концепции? Месть? Или же кара – кара для всех, без исключения, попавших в список? А может они опасаются возможности засветиться, при проведении финансовых операций по отмыванию столь значительных объёмов нелегальных средств за рубежом? Или же это результат того, что нам удалось эффективно перекрыть каналы возврата экспроприированных ими средств обратно в страну? Или же это какой-то новый крестовый поход? Что же всё-таки произошло?!».

«Я понятия не имею, что это и почему...» – сдавшись и сев обратно на стул, произнёс Несветаев, мрачно уточнив – «Я говорил со многими людьми – никто не выходил с ними на контакт. Это просто геноцид – геноцид среди коррумпированных российских чиновников! И в этой связи у меня, а точнее у всех тех, от имени кого я сейчас разговариваю с Вами, есть к Вам большая просьба...».

«Я Вас внимательно слушаю, Андрей...» – задумчиво кивнула Велисарова, всё ещё размышляя о возможных причинах изменения экзорцистами концепции своей работы.

«Мы просим Вас помочь нам выйти с ними на контакт...» – быстро произнёс молодой человек, и, увидев ступор на лице собеседницы, поспешно продолжил – «Ваша группа занимается расследованием этого дела уже второй год. Вполне возможно у Вас есть какие-то соображения или намётки о том, кто мог бы хоть как-то отдалённо быть связан с этим движением. Всё что нам нужно – это всего лишь контакт человека, с которым можно связаться, а далее мы уже сами договоримся с ним о встрече с экзорцистами и дальнейших шагах...».

«Признаться честно, это очень и очень сложный вопрос, на который, боюсь, у меня нет сейчас ответа...» – медленно произнесла руководитель группы, с удивлением для самой себя, отметив, что среди всей массы людей, так или иначе проходивших по делу, действительно, не было, пожалуй, ни одного человека, способного выйти с ними на контакт.

«Людмила Валерьевна, я, понимаю, что на всё это нужно определённое время, поэтому не прошу Вашего ответа здесь и сейчас...» – поспешно продолжил Несветаев, опасаясь услышать окончательный отказ. После чего, протянув свою аккуратную визитку собеседнице, Андрей со слабой улыбкой добавил – «Всё, о чём я прошу Вас – это просто подумать в этом направлении, поскольку для меня и моих коллег по несчастью, Вы, пожалуй, единственный шанс – шанс чтобы выжить...».

«Я постараюсь...» – с пересохшим горлом с трудом произнесла Велисарова, пожав протянутую руку и проводив взглядом уходившего молодого человека...

Свидетель

(26.04.2013, Москва, 09–30)

Сергей, с грустью смотрел в окно на стремительно приближавшуюся взлётно-посадочную полосу столичного аэропорта Домодедово, в первые в жизни не испытывая ни чувства радости, ни ностальгии по возвращении в некогда родной и близкий ему город. Гнетущие мысли о прошлом и будущем преследовали его весь перелёт, не дав возможности ни отдохнуть, ни хорошенько выспаться...

Самолёт наконец-то коснулся полосы, под шумные аплодисменты пассажиров, совершив посадку в аэропорту, и менее чем через десять минут, встал на стоянку поодаль от терминалов.

«Готов, майор?» – раздался позади бодрый голос Следова, по всей видимости, отлично выспавшегося в процессе своеобразного конвоирования своего ценного подопечного. Его чуть более уставший от перелёта, коллега, приветственно кивнул Мазаеву, любезно показывая в сторону выхода.

Через минуту в сопровождении двух сотрудников федеральной службы безопасности, Сергей медленно сошёл по поданному к самолёту трапу где, с грустью взглянув на автобус, в который радостно загружались все остальные пассажиры данного рейса, с явной неохотой пошёл в сторону служебного автомобиля, стоявшего неподалёку.

Сергей почти завершил свой путь, не дойдя несколько шагов до машины, в тот момент, как из автомобиля вылез высокого роста худощавый мужчина с черными короткими волосами в аккуратных очках и тёмном костюме, со словами – «Мазаев, сколько лет!».

Сердце майора предательски ойкнуло, после чего он впервые за долгое время широко улыбнулся, узнав в незнакомце своего коллегу по межведомственной оперативно-следственной группе, с которым его связывали тёплые, хотя и весьма неоднозначные воспоминания о целом ряде рискованных мероприятий проведённых, под руководством независимого консультанта.

«Александр Трошин, полковник федеральной службы безопасности...» – сухо кивнул Александр коллегам, сопровождавшим Мазаева, поинтересовавшись – «А зачем сопровождать-то было? Достаточно же было просто посадить майора на самолёт...».

«Боялись, мало ли чего он там, на борту, один выкинет – всё-таки репутация у него что надо...» – резонно пожал плечами Следов, с улыбкой добавив – «А у нас приказ под грифом – обеспечить срочное прибытие майора в Москву любой ценой. Вот и подстраховались...».

«Ладно, нам пора...» – кивнул Василий, после чего, обменявшись ещё парой кратких реплик, сопровождавшие Мазаева сотрудники федеральной службы безопасности, оперативно проследовали в здание аэропорта.

Сергей быстро без дополнительных указаний сел на заднее сидение в машину, которая медленно направилась к выезду с территории аэропорта и уже через несколько, минут вырвавшись на трассу, несла их к Москве.

«Шеф, времени мало – поднажми...» – попросил водителя Трошин, сидевший рядом с майором на заднем сидении машины, достав сотовый телефон и сделав несколько звонков.

«Слушай это ведь всё из-за него?» – несколько отстранённо поинтересовался Мазаев, после чего заметив удивление в глазах старого приятеля, добавил – «Всё из-за этого недавнего инцидента с прессой?».

Александр сухо кивнул, по всей видимости, не особо желая развивать данную тему и думая о чём-то отвлечённом...

«Да ведь мы же его даже пальцем не тронули! Честно!» – продолжил каяться Сергей, которому не терпелось рассказать своему другу истинный вариант истории, по всей видимости, впоследствии сильно искажённый словоохотливым представителем свободной прессы, продол-

жив – «Мы же к его дому подъехали, в дверь позвонили и только представились, а он, даже не открывая двери, взял да и выпрыгнул прямо в окно...».

«Кто?!» – с изумлением в голосе переспросил Трошин.

«Да журналист этот...» – пояснил майор, добавив – «Борис Козьмин...».

«Дела... Даже страшно за нашу независимую прессу становится...» – понимающе спокойно кивнул Александр и, снова углубившись в свои отдалённые мысли, машинально добавил – «Действительно, страшная участь...».

«Что?! Да какая там участь?!» – с возмущением вспыхнул Мазаев, пытаясь представить себе, что же такого там умудрился рассказать им всем этот проклятуший журналист.

«Сам же сказал, что он окно выпрыгнул...» – машинально повторил Трошин, пояснив – «Разбился же, небось, бедолага...».

«Да чёрта с два он разбился! Это же первый этаж был!» – ещё более эмоционально продолжил Сергей, добавив – «Да он потом так бегом рванул – вообще еле догнали!».

«Всякое бывает...» – спокойно махнул рукой Александр, пояснив – «Иной раз человек в состоянии сильного шока не чувствует ни боли, ни переломов...».

«Да какие переломы?! Какая боль?! Говорю же тебе – в порядке журналист был! В полном порядке!» – с заметной обидой в голосе произнёс Мазаев, добавив – «Единственная потеря у него – дверь мы ему входную сломали. И что же мне теперь из-за этого пропадать...».

«Да забудь, майор, ты о нём и всё...» – спокойно пожал плечами, Александр, рационально предложив – «Вот подаст этот журналист на тебя в суд за дверь, вот тогда и будешь думать, что с этим делать, а сейчас расслабься...».

«Погоди-ка...» – с трудом понимая, что происходит, произнёс Мазаев, переспросив – «В смысле меня в Москву отправили по срочному запросу федеральной службы безопасности, не из-за этого журналиста?».

В этот раз уже Трошин удивлённо посмотрел на майора, после чего выдал – «Сергей, вот ты там отдохнул у себя во Владивостоке! Делать мне больше нечего было, кроме как срочный приказ оформлять на тебя из-за какого-то там вашего журналиста. Сдался он мне больно...».

«Значит, это ты приказ на меня оформил?!» – едва веря своим ушам, с удивлением выпалил майор, добавив – «А чего не позвонил-то?».

«Всю ночь тебе названивал по вашему времени, так никто трубку не брал, а дело срочное было – вот и пришлось приказом. Думал, что твои тебя быстрее найдут – мало ли ты где там, в отпуске, рыбу глушишь или чем там ещё занимаешься...» – рассудительно пожал плечами Александр.

«Вот ты, блин, выдал! Да я чуть не поседел весь из-за этого приказа! Генерал Печоров всех своих знакомых в Москве поднял, пытаюсь выяснить что происходит!» – с облегчением и одновременно возмущением в голосе продолжил Сергей, пояснив – «А мы-то думали, что всё это из-за того инцидента с журналистом...».

«Мы, конечно, в ведомстве ценим нашу независимую прессу...» – многозначительно произнёс Трошин, с улыбкой уточнив – «Но пока, к счастью, не настолько...».

После этого майор, несколько смягчившись, поинтересовался – «А, кстати, что за дело-то такое срочное? Что у вас там случилось?».

«Вот не поверишь, майор – даже не знаю, что тебе на это и ответить... Половину из того, что мне вчера по телефону сбивчиво, нервно и невпопад пытался объяснить генерал Пеняев, я, признаться честно, вообще не разобрал. С другой стороны из второй половины, что мне всё-таки удалось разобрать, я не рискну тебе повторить ни слова, поскольку, и сам не уверен в том, что слышал. Вот такие дела...» – неуверенным тоном произнёс Александр, добавив – «Со слов же Владислава Аркадиевича Широко, не ставшего вдаваться в подробности, я понял, что для нас с тобой имеется важное и срочное задание, весьма специфического характера, о подробностях которого нас проинформируют при личной встрече...».

В последующие несколько минут майор, вместе с немногословным Александром, углубился в размышления, молча наблюдая за проплывавшими мимо зданиями и перекрёстками улиц. Достигнув, наконец, места назначения, машина резко сбавила ход и, к большому удивлению Мазаева, остановилась, возле здания администрации президента...

«Владислав Аркадиевич распорядился по прилёту сразу прибыть к нему для проведения совещания...» – заметив ошарашенный вид майора, быстро прокомментировал Трошин, вылезая из машины.

Через несколько минут они вдвоём, пройдя, входной контроль и рамки безопасности, предъявив удостоверения, прошли внутрь и в сопровождении сотрудника безопасности администрации проследовали в направлении приёмной высокопоставленного чиновника.

«Полковник Трошин и майор Мазаев...» – с улыбкой произнёс секретарше Александр, для большей ясности добавив – «Владислав Аркадиевич, срочно вызывал...».

«Проходите, он вас ожидает...» – улыбнулась девушка, показывая на дверь.

Оба прошли в просторный рабочий кабинет руководителя с массивным рабочим столом из красного дерева, за которым задумчиво сидел Владислав Аркадиевич, нервно постукивая пальцами по столу. Рядом, за приставленным к рабочему столу столиком для переговоров сидели выглядевший напряженно и устало Лев Николаевич Пеняев, директор центра стратегических исследований, Руслан Игнатьевич Беляев, бледное лицо которого отражало состояние, по меньшей мере, близкое к шоковому и ещё один незнакомый пожилой мужчина в костюме, выглядевший в целом на удивление спокойно и безучастно.

«Располагайтесь, коллеги – мы вас уже заждались...» – попросил Владислав Аркадиевич, быстро перейдя к делу в несколько странном и осторожном тоне – «Сегодняшнее совещание в узком составе носит экстренный характер и посвящено весьма специфическому вопросу. Всё, что будет обсуждаться сегодня за этими дверями, является не просто конфиденциальной информацией, а государственной тайной – никто за рамками данной комнаты не имеет права и не должен знать ничего из того, о чём мы будем говорить здесь...».

Сделав паузу для акцента важности сказанного, чиновник, аккуратно подбирая слова, продолжил – «Поводом для данного совещания стали отдельные последствия недавнего громкого инцидента с покушением на Павла Кузовлева, который по инициативе межведомственной оперативно-следственной группы не так давно активизировал свои усилия в направлении установления контакта с экзорцистами. Само покушение произошло четыре дня тому назад в Нью-Йорке и получило достаточно широкую огласку в новостях, поэтому, полагаю, нет нужды повторять общеизвестные факты. Лев Николаевич, пожалуйста, введите коллег в курс дела относительно серии событий, произошедших с Кузовлевым позже...».

«Павел Кузовлев, получивший ранение в левое плечо в результате неудачного покушения возле здания Школы права Университета Нью-Йорка, был в срочном порядке госпитализирован в один из крупнейших медицинских центров города, где ему незамедлительно была проведена необходимая операция и медицинские процедуры. В течение всего этого времени Кузовлев, находился в стационаре, не покидая пределов своей палаты из-за слабости после перенесённой операции. Вместе с тем, на следующий же день после операции, перепуганный до смерти Павел, позвонил по номеру экстренной связи в наше консульство в Нью-Йорке. В ходе разговора, несколько раз упомянув, что его собираются убить прямо в больнице, он запросил его срочную эвакуацию в Москву. Через час он был выведен нашими сотрудниками из столовой медицинского центра, где он провёл всё это время, боясь вернуться в свою палату, после чего, пройдя выписку под собственную ответственность, в срочном порядке он был доставлен в российское консульство. После этого первым же бортом Кузовлев был переправлен в Москву...» – произнёс Пеняев, продолжив – «В настоящее время Павел проходит как физическую, так и потребовавшуюся ему психологическую реабилитацию в военном госпитале в подмосковном Красногорске...».

«А что же такого с ним сделали эти изверги, там, в больнице?» – нетерпеливо поинтересовался Мазаев.

«Объяснения Кузовлева о том, что с ним произошло, были столь спутаны, спонтанны и эмоциональны, что нам потребовалось провести с ним серию уточняющих интервью и приложить определённые усилия, в том числе с привлечением уважаемых экспертов, чтобы понять действительную картину произошедшего в больнице. Сейчас я постараюсь вам её изложить более подробно и понятно...» – уклончиво произнёс Лев Николаевич, продолжив – «Проснувшись утром, Кузовлев, уставший от лежачего режима в палате, решил, очевидно, самостоятельно пройтись по больнице, посетив завтрак в столовой лечебного учреждения. Выйдя из комнаты, Павел, не особо полагавшийся на свою память в результате действия медицинских препаратов, сфотографировал на сотовый телефон номер своей палаты, гласивший «3043» и, дошёл до лифта, отметив про себя, что он был в седьмой по счёту палате... Спустившись в столовую он плотно позавтракал, после чего снова сел в лифт, но по ошибке вышел на другом, предположительно, четвёртом этаже. Далее он спокойно направился по коридору, отсчитывая седьмую палату от лифта. В этот момент из палаты, которая как ему казалось, и была его заветной седьмой палатой, вышла врач в белом халате, не заметившая его появления и направившаяся в другую сторону. Кузовлев, рассудив, что врач может зайти и позже, не привлекая к себе внимания, поймал закрывавшуюся дверь палаты и вошёл внутрь...».

«Вроде пока ничего криминального...» – с явным недоумением покачал головой Сергей.

«В палате же, которую он считал своей, он увидел лежавшего на его кровати совсем другого, скажем так, пациента...» – добавил Пеняев, аккуратно продолжив – «Это зрелище настолько потрясло Кузовлева до глубины души, что он, чуть не получив сердечный удар, дрожащими от ужаса руками сделал чуть более десятка фотографий на свой сотовый телефон. После чего едва дыша, вылетел из палаты и бросился бежать обратно в столовую, сделав уже упомянутый звонок по номеру экстренной связи с нашим консульством в Нью-Йорке».

С последними словами Лев Николаевич достал два десятка фотографий формата А4 и протянул их сидевшим напротив него Мазаеву и Трошину.

Сергей взял первую фотографию в руки, после чего сердце майора чуть не остановилось от полученного шока. Изрядно побелев в лице, медленно и тяжело дыша, Сергей ошарашенно покачал головой со словами – «Это просто не может быть, это невозможно! Он же мёртв!».

Лицо Александра, по характеру своей работы видевшего много разных даже самых невероятных историй, также вытянулось от удивления, после чего он раскрыл рот, но не смог произнести ни слова...

«Полагаю, теперь вы можете себе представить, каково было Павлу Кузовлеву, когда он, вернувшись с завтрака, обнаружил у себя в палате труп Алика Легасова. Легасова, которого он довольно отчётливо помнил, по бизнес завтраку в прямом эфире, оставившем глубокие шрамы, как на самолюбии, так и на репутации нашего уважаемого бывшего анархиста. По его собственным словам, он трижды перекрестился, увидев данное зрелище, в надежде, что это всё всего лишь страшный сон...» – пояснил Пеняев, продолжив – «Впрочем, это заблуждение быстро прошло. Поняв, что всё это происходит наяву, схватившись за сердце, Павел, надо отдать должное его мужеству, сделал данные фотографии, и, решив, что это происки медицинского персонала, пытающегося с какой-то целью свести его с ума, бросился наутёк...».

«А зачем им вообще потребовалось держать в палате труп Легасова? Может они, и вправду, хотели свести его с ума?» – чувствуя, как от ужаса подобной картины сжимается его собственное сердце, медленно переспросил Сергей, добавив – «Это же больница, а не мавзолей, какой-нибудь?».

Владислав Аркадиевич улыбнулся, не проронив ни слова, молча наблюдая за весьма интересной развернувшейся дискуссией.

«Судя по описанию, приведённому Павлом Кузовлевым, он действительно видел бездыханное и холодное тело с мертвенно-бледным лицом, но с чего Вы взяли, майор, это был труп?» – с интересом переспросил Лев Николаевич.

В полной прострации от подобного вопроса Мазаев ошарашенно и сбивчиво произнёс – «Я, конечно, не врач, но, извиняюсь, как ещё можно назвать бездыханное и холодное тело? Разумеется, труп!».

Александр, пребывавший в полном ступоре, продолжал перебирать фотографии из больницы палаты, на которых были изображения с разных ракурсов и углов, в том числе и крупная фотография лица и таблички с номером и фамилией пациента, гласившей – «Джон Браун...».

«Мы полагаем, что человек на этих снимках жив...» – быстро внёс ясность Владислав Аркадиевич, добавив – «Алик Легасов жив... И находится в бессознательном состоянии, в данном медицинском центре с момента его ранения в течение последних полутора лет...»

С этими словами Сергею чуть не стало плохо – он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и, едва не разлив воду по всему столу, дрожащими руками налил себе стакан воды, залпом моментально опустошив содержимое...

Александр также ослабил галстук и нервно потянулся за графином с водой...

Сидевший напротив них Беляев, по всей видимости, уже не в первый раз, слушавший эту историю, пальцами нервно отстукивал по столу лёгкую барабанную дробь...

«Яков Степанович, прошу Вас, как директора центра изучения заболеваний нервной системы, изложить нашим коллегам Ваши профессиональные соображения на данный счёт» – кивнул головой чиновник администрации.

Получив указание, пожилой мужчина в костюме, ранее не принимавший участия в дискуссии, приветственно кивнул и несколько хрипловатым голосом произнёс – «Буду премного благодарен, если Вы уважаемые коллеги, внимательнее посмотрите на представленные фотографии – в частности, на фотографию номер четыре, на которой видно тело пациента и стоящее рядом медицинское оборудование».

Сделав небольшую паузу, пока Александр и Сергей, нашли нужный кадр, пожилой профессор продолжил – «На изображении видны подключенные к рукам и груди пациента датчики, снимающие показания температуры тела, пульса и некоторых других важных физиологических параметров. Если посмотреть на экраны приборов, которые надо отметить, намного лучше видны с ракурса фотографии номер шесть, то можно заметить, что кардиограмма пациента вытянута в линию с единственным и весьма незначительным, но, тем не менее, всплеском слева. Обращаясь к температуре тела, которую мы видим на приборе чуть выше, надо отметить, что она на два градуса выше температуры в палате, которая отражается на той же панели. Всё это позволяет сделать однозначный вывод – кем бы он там ни был, но данный пациент, определённо, жив».

«В смысле он в коме?» – с заметной долей интереса, слабым голосом переспросил Мазаев.

«Под коматозным состоянием в медицине обычно принято понимать острое развивающееся в динамике тяжёлое патологическое состояние, характеризующееся угнетением функций центральной нервной системы, сопровождающееся утратой не только сознания, но и ряда других важных функций жизнеобеспечения организма» – быстро по памяти произнёс Яков Степанович, с улыбкой добавив – «Впрочем, это не имеет никакого отношения к данному пациенту. В действительности, судя по обеспеченности палаты и оборудованию, пациент не нуждается в поддержании дыхательной, сердечной и других функций. Более того, для обычного пациента в коматозном состоянии и вовсе не характерно резкое наблюдаемое снижение обменных процессов и, как следствие, температуры тела и частоты сердцебиения. Можно с уверенностью сказать, что это определённо не кома...».

«А что же это?» – слабым голосом на этот раз переспросил Трошин.

«Может какая-то новая американская военная разработка?» – всё ещё дрожащим голосом поинтересовался Мазаев.

«Всё намного проще, коллеги – это никакая не разработка, а сон. Летаргический сон...» – рассмеялся пожилой профессор, с улыбкой добавив – «Впрочем, надо отметить, что в данном случае, по всей видимости, мы имеем дело с довольно редким его проявлением – феноменом глубокого летаргического сна, который, в отличие от обычной летаргии, характеризуется падением температуры тела, снижением обменных процессов в организме и практически полным отсутствием пульса. Именно из-за подобных отличий этот феномен, образно называемый «мнимой смертью», некогда столь сильно будоражил умы людей, боявшихся быть погребёнными заживо. Впрочем, в настоящее время с современным оборудованием, врачи не испытывают каких-либо проблем с идентификацией данного патологического состояния».

«А это точно Легасов?» – поинтересовался Александр, рассудительно добавив – «Может быть это, скажем, результат пластической хирургии лица?».

«Привлечённые нами эксперты убеждены, что это действительно Алик Легасов, равно как и уверены, что на лице пациента отсутствуют следы пластических операций, что видно по фотографиям, сделанным с различных ракурсов...» – спокойно произнёс Лев Николаевич.

«Этого просто не может быть. Это не он...» – ещё раз покачал головой Сергей, добавив – «Я своими глазами видел его труп – там, на церемонии прощания в соборе Святого Патрика, в Нью-Йорке...».

«А что именно Вы там видели, уважаемый?» – с интересом прищутив глаз, спросил Яков Степанович, вопросительно добавив – «Полагаю, это было бездыханное и холодное тело с мертво-бледным лицом? Вы уверены, что это не мог быть человек в состоянии глубокого летаргического сна, об особенностях которого я Вам только что рассказал?».

С последними словами пожилого профессора, майор, полностью лишённый дара речи, принялся судорожно вспоминать далёкие события в соборе Святого Патрика.

«А зачем тогда вообще потребовался весь этот маскарад с похоронами, если сам Легасов жив? Да и кто вообще мог такое повернуть?» – с изумлением в голосе переспросил Александр, постепенно привыкая, к тому, что всё сказанное в конечном итоге вполне может оказаться правдой.

«Это, действительно, интересный вопрос...» – одобрительно кивнул Владислав Аркадиевич, рассудительно продолжив – «В данный момент мы склонны полагать, что вся эта афера, подложными похоронами, была проведена центральным разведывательным управлением США, которое ведёт свою собственную партию в этой глобальной игре. В целом их позиция понятна с точки зрения целей и тактики действий и столь же безупречна с точки зрения мастерства исполнения. Со своей стороны они всегда могут аргументировать свои нестандартные действия в данной ситуации заботой об публично известном гражданине США, жизни которого даже после неудачного покушения, выполненного погибшим Эндрю Линсоном, а точнее, как было установлено позже, Андреем Золотовым, могли угрожать и другие выходцы из рядов российских спецслужб. С другой стороны, публично обнародовав факт гибели Легасова, они тем самым «выключили» одну из ключевых фигур из игры, с удовольствием наблюдая, за тем как утратившие контроль и чувство меры экзорцисты, в порыве мести или из каких-то своих собственных соображений, принялись рьяно реализовывать свои воззрения на практике, сея хаос в системе управления государством, и уничтожая неугодных чиновников, попавших в их чёрные списки. Если же говорить о будущем, то, ситуация представляется следующим образом – у них в руках находится носитель российской государственной тайны и, одновременно, человек длительное время контактировавший с экзорцистами и знающий об этом интересующем нас движении больше, чем кто-либо другой...».

«Значит, Алик Легасов вовсе не умер, а просто спит?» – неуверенным голосом ещё раз для уверенности в правильном понимании проблемы, переспросил майор, поинтересовавшись – «И сколько он вообще будет пребывать в подобном состоянии?».

«Обычный летаргический сон связан с внутренними психическими процессами и длится от нескольких часов или суток до целого ряда лет. В медицинской практике известны случаи пребывания людей в летаргическом сне длительностью свыше двадцати лет. С сожалением приходится констатировать, что современное состояние медицинской науки не позволяет влиять на продолжительность данного периода. Иными словами мы не знаем, как разбудить спящего пациента...» – пожал плечами профессор, с улыбкой добавив – «Разумеется, всё сказанное об обычном летаргическом сне никак не относится к схожему по названию, но в корне отличному феномену глубокого летаргического сна или «мнимой смерти». Данный феномен сам по себе является существенно более редким и необычным явлением, в результате чего достоверных данных по симптоматике и лечению данного заболевания практически не имеется, что впрочем, не мешает отдельным учёным, занимающимся изучением нейрофизиологии и психофизиологических дисциплин, строить теории о возможном лечении данного недуга...».

«Пожалуйста, расскажите коллегам подробнее о самом состоянии и возможных путях его лечения, с учётом Вашего многогранного опыта по данной тематике...» – попросил Широко, в этот раз уже внимательно слушая слова директора именитого научного медицинского центра.

«С большим удовольствием...» – кивнул головой профессор, с явным упоением начав своё повествование – «Видите ли, сравнительно давно, ещё в советский период, данная тематика активно будоражила умы политической элиты, в связи с чем, мы были вынуждены даже включить её в план научных исследований центра и какое-то время вплотную занимались данным феноменом.

Разумеется, интерес руководства представляло не само заболевание и вовсе не забота о несчастных людях, которые могли бы попасть в данное паталогическое состояние. Всех интересовала сугубо практическая сторона данного вопроса, а именно – резкое замедление обменных процессов организма человека, пребывающего в состоянии глубокого летаргического сна. В действительности, этот механизм сулил всем несбыточную мечту – подсказку о возможной технологии длительной консервации человеческого тела с последующей возможностью возвращения человека к жизни. В этом отношении, коллеги, вы можете себе только представить, что бы могла дать подобная технология всему человечеству, в случае открытия возможности её практического применения! Люди, в том числе высокопоставленные партийные руководители, с неизлечимыми заболеваниями смогли бы дожить до момента, когда будут разработаны и открыты соответствующие препараты и методы лечения их недугов. Люди, остро нуждающиеся в донорах, смогли бы ждать столько, сколько этого потребуется. Да что там говорить – границу смерти человека можно было бы отодвинуть на годы или десятилетия! Примерно так полагали мы, сотрудники центра, тридцать пять лет тому назад, принимаясь за закрытые исследования по данному направлению с грифом «секретно».

Впрочем, за десять лет то приостанавливаемых, то вновь разгоравшихся с новой силой исследований по теме интерес к данной проблеме значительно угас, в том числе и из-за существенного сокращения финансирования программ центра в эпоху перестройки и ряда последовавших лет.

Основная проблема в работе, с которой нам довелось тогда столкнуться, состояла в том, что, несмотря на интенсивные исследования обычной летаргии, мы так и не смогли обнаружить связи данного заболевания с интересующим нас феноменом «мнимой смерти». Данный факт резко сокращал наши экспериментальные возможности – для продолжения работы нам были нужны данные наблюдений по людям, впадавшим в состояние глубокого летаргического сна и выходившим из данного состояния, которое, как я уже упоминал, является достаточно редким. В тот момент наше исследование по данной теме переключилось на поиск описания подобных

явлений в Советском Союзе и за рубежом, в результате чего к своему большому удивлению мы обнаружили целый ряд свидетельств о состояниях, подобных искомому, и людях, входивших и выходивших из них, в различных восточных религиозных канонах и верованиях.

В поисках ответов и подсказок, мы с небывалым энтузиазмом взялись за изучение, религиозного феномена, именуемого «сомати», при котором, судя по описанию ряда индийских медицинских источников, у человека почти не регистрировался пульс, а температура тела значительно падала, приближаясь к температуре окружающей среды. Для чего центром была даже организована небольшая научная экспедиция в Индию.

Впрочем, коллеги, я не стану утомлять вас изложениями результатов той весьма интересной и неординарной экспедиции, равно как и многочисленными религиозными воззрениями в отношении данного необычного феномена «сомати». Скажу лишь, что согласно восточным религиозным представлениям данное состояние, достигаемое путём длительной медитации, проявляется в отрыве души от тела, но что намного более важно – в отрыве, но с сохранением связи между ними.

Идея сохранения обратной связи дала нам основания полагать, что выход из данного состояния, равно как и из состояния глубокого летаргического сна, в отличие от обычной летаргии, представляющей собой скорее психосоматическое проявление, возможен через прямое воздействие на базовые функции нервно-сосудистой системы пациента. Впоследствии, в соответствии с этой теорией, на базе одного из широко распространённых препаратов для терапии острых сердечных заболеваний, центром был даже разработан нейростимулятор комплексного действия, направленный на активизацию нервно-сосудистой системы...».

«Иными словами, у Вас есть препарат, чтобы привести Легасова в сознание?!» – с удивлением переспросил Мазаев, чувствуя, как по всему его телу прошла нервная дрожь.

«Можно сказать и так...» – улыбнулся Яков Степанович и, положив на стол довольно увесистую коробочку, уточнил – «Да у нас есть экспериментальный препарат, клинические испытания которого не состоялись – не состоялись по причине отсутствия пациентов. Признаться честно, мы его всё-таки испытали и, даже вполне успешно, на пациентах с другими заболеваниями с симптоматикой острого подавления функций нервно-сосудистой системы, но по своему основному направлению он ещё ни разу не применялся...».

«А почему же вы не продолжили работу по столь перспективному направлению исследований?» – с долей сомнения в голосе, глядя на открытую коробку с двумя одинаковыми шприцами, наполненными, по всей видимости, именно этой самой экспериментальной дрянью, поинтересовался Трошин.

«Исследования тогда пришлось приостановить, поскольку, до сих пор у нас нет никаких зацепок по первичному механизму – механизму вхождения человека в состояние глубокого летаргического сна. В частности, мы не знаем ни чем обусловлено его возникновение, ни симптоматики процесса перехода в состояние, ни особенностей и факторов, влияющих на данный процесс. Индийские религиозные воззрения предусматривают вхождение в состояние сомати высоко одухотворённых людей, посредством полного очищения души и длительных многолетних медитаций...» – пожал плечами профессор, с улыбкой добавив – «Разумеется, если бы наши партийные деятели были высоко одухотворёнными людьми с чистыми помыслами, можно было бы попробовать и этот подход...».

«Что же, коллеги, после несколько затянувшейся вводной части, полагаю теперь вполне можно поговорить и о цели нашего сегодняшнего совещания...» – с улыбкой произнёс Владислав Аркадиевич, продолжив – «В данный момент перед нами стоит дилемма. С одной стороны, принимая во внимание, лежащее прямо перед нами на столе последнее слово отечественной медицинской науки, мы можем попытаться что-то сделать в сложившейся ситуации, а именно, поспособствовать выходу Легасова из подобного «паталогического» состояния. С дру-

гой стороны мы можем, ничего не предпринимая, просто ждать дальнейшего развития событий. Прошу Вас, коллеги, высказаться по обоим вариантам действий...».

«Легасова надо возвращать – возвращать любой ценой...» – мрачно произнёс Беляев, рассудительно продолжив – «Говоря откровенно, за последние полтора года мы сильно сдали позиции в информационном противостоянии с экзорцистами как на зарубежной арене, так и внутри страны. И это при том, что они со своей стороны не делали никаких особых заявлений и выступлений! Я даже и не говорю о полном провале работы наших оперативных служб, не сумевших принять эффективные меры по пресечению деятельности данного движения на территории страны и о неэффективности работы наших следственных органов. Складывается патовая ситуация – уже сейчас доходит до того, что отдельные чиновники, попавшие в чёрные списки экзорцистов, из страха за свою жизнь, бегут из страны, обращаясь к разведкам зарубежных держав, в поисках защиты. Можно себе представить, сколько государственных секретов может потерять наша страна из-за подобного малодушия отдельных чиновников.

Впрочем, мало того – в последнее время становится заметно, как население страны начинает постепенно всё больше и больше втягиваться в неуправляемый и бесконтрольный процесс декоррупцирования страны, инициированный экзорцистами, и грозящий перерасти в настоящую «охоту на ведьм» с вилами и топорами, чего, разумеется, мы не вправе допустить. Студенты, как наиболее активная часть населения, привлечённая идеями справедливости и адреналином, уже доставляют много головной боли всем нам своими протестами, публичными акциями и открытыми демонстрациями в поддержку экзорцистов, которых они выставляют народными борцами. Да и чего там далеко ходить – вдоль железнодорожных путей в любом крупном городе на каждом заборе в том или ином виде красуется яркая кричащая эмблема «Exorcisto!». В российском сегменте сети Интернет форумы и сообщества кипят от обсуждений и предложений по очередным кандидатурам чиновников для включения в чёрные списки, с открытым одобрением каждой очередной акции экзорцистов.

Резюмируя сказанное, скажу, что сейчас российская система государственного управления, да и все мы, стоим на пороге хаоса, предотвратить который можно только решительными и энергичными действиями, направленными на снижение уровня напряжённости. Что, в свою очередь, возможно только путём проведения переговоров с данным движением с обсуждением условий мягкого перехода к более цивилизованным и менее болезненным для страны мерам по борьбе с извечной российской коррупцией. Иного выбора у нас просто нет, поскольку, как я уже неоднократно отмечал, экзорцисты – это, очевидно, не террористы и не какой-то коммерческий проект, а вполне конкретные идейные люди, можно даже сказать, патриоты, объединённые общей целью, которые пойдут до конца...

Вот именно поэтому нам нужен и Алик Легасов. Легасов, который, по моему мнению, со своей своеобразной харизмой, широкими связями, финансовыми возможностями, репутацией и успешным опытом общения с экзорцистами является тем единственным человеком, который способен остановить всё это безумие без лишней крови и репутационных потерь с обеих сторон. И в этом отношении вовсе не так уж важно, что именно связывало его с этими экзорцистами ранее – важно то, что он, как патриот своей страны, никогда бы не допустил подобного опасного положения дел...».

«Шахматисту, действительно, на удивление хорошо удавалось контролировать действия экзорцистов ранее. И, стоит отметить, что ситуация кардинально изменилась в худшую сторону именно с момента его гибели. А точнее с момента объявления о его гибели...» – рассудительно произнёс Трошин, добавив – «Вместе с тем, как я ранее уже говорил, зная Легасова более десяти лет по расследованию целого ряда дел по линии ведомства, я могу уверенно сказать, что он не сделает ничего, что бы могло навредить интересам страны. В том числе и в случае, если на кону будет стоять его собственная жизнь, поэтому, если это, действительно, он

– там, в больничной палате, то, безусловно, мы должны сделать всё от нас зависящее, чтобы его вернуть...».

«Я полностью согласен с коллегами...» – решительно произнёс Сергей и, вспомнив события в далёком небоскрёбе Нью-Йорка и встречу с Ирэн, о которой он предпочёл впоследствии никому не распространяться, медленно добавил – «Что бы там ни связывало Алика Легасова с экзорцистами, я уверен, что, ведя свою рискованную игру, он действовал в интересах державы. И если нам, действительно, нам нужен шанс, чтобы переломить ситуацию в свою пользу, то вот он – здесь на этих фотографиях...».

«Разумеется – это наш шанс!» – энергично подхватил пожилой профессор, с энтузиазмом добавив – «В конце концов, когда ещё выпадет возможность протестировать наш экспериментальный препарат на реальном пациенте, пребывающем в состоянии глубокого летаргического сна!».

С последними словами чиновник и все присутствующие подозрительно покосились в сторону медика, излишне воодушевлённого данными перспективами...

«Что же, коллеги, я рад, что наше мнение по данному вопросу в целом совпадает...» – с улыбкой произнёс Владислав Аркадиевич, добавив – «Руководство также убеждено, что в сложившихся обстоятельствах потенциальная польза от его возвращения превышает возможные негативные последствия. В связи с этим, нам с вами поручено проработать данный вопрос более подробно с принятием соответствующих мер практического характера».

«А как мы, собственно говоря, предполагаем всё это проверить?» – озадаченно поинтересовался Трошин, глядя на всё ещё лежавшую на столе коробочку со шприцами, наполненными адской экспериментальной жидкостью, добавив – «Очевидно, нам потребуется и люди и время на проработку данной операции».

«Лев Николаевич, прошу Вас, изложить свои соображения по этому поводу...» – спокойно кивнул Широ, по всей видимости, ожидавший подобного вопроса.

«Ситуация представляется следующим образом – для возвращения интересующего нас субъекта необходимо ввести эту химическую дрянь... В смысле прошу прощения, Яков Степанович, я хотел сказать, последнюю научную разработку Вашего центра... Ввести прямо в сердце пациента, при этом эффект от препарата наступит не сразу, а приблизительно через пятнадцать – двадцать минут после инъекции. В этой связи задача сводится к тому, как именно сделать эту инъекцию» – произнёс Лев Николаевич, продолжив – «В настоящее время мы знаем, в каком именно госпитале, и в какой конкретно палате под вымышленным именем некоего Джона Брауна содержится интересующий нас пациент. Вместе с тем, со слов Кузовлева мы также знаем, что на входе в палату установлен считыватель идентификационных карт, на который он обратил внимание, стремительно покидая палату. Иными словами, вполне вероятно, что доступ в комнату ограничен для части медицинского персонала. И если бы не удачное для нас стечение обстоятельств с героически пойманной им дверью палаты, то вполне вероятно мы бы до сих пор ничего не знали о небольшом секрете этого медицинского учреждения. В свою очередь сотрудники консульства, проводившие эвакуацию Кузовлева, и руководивший этим процессом Дмитрий Часов, рассказали, что за всеми их перемещениями в больнице постоянно наблюдали несколько человек в штатском. Данный факт явно указывает на пристальную опеку данного учреждения со стороны американских спецслужб, вызванную, по всей видимости, ничем иным, кроме как присутствием в больнице интересующего нас пациента...».

«Иными словами, вполне вероятно, что центральное разведывательное управление США обеспечило Легасову необходимую физическую защиту на случай возможных повторных посягательств на его жизнь...» – догадливо кивнул Трошин, поинтересовавшись – «И каким образом мы собираемся преодолеть данное затруднение?».

«Коллеги, нам всем надо быть реалистами...» – успокаивающе произнёс Пеняев, с улыбкой добавив – «С сожалением приходится признать, что у нас нет ни сил, ни средств, для проведения данной операции. Во-первых, после злосчастного инцидента с объектом «Пума», Легасов нажил себе достаточно много врагов в самой нашей системе – в итоге мы не знаем, можем ли мы доверить данную щепетильную миссию кому-либо из наших специальных агентов, без риска потерять интересующего нас пациента навсегда. И в этом отношении пример с Эндрю Линсоном, а точнее Андреем Золотовым, более чем показателен. Именно поэтому сегодня мы сидим в столь узком кругу лиц – для минимизации рисков утечки информации и последующей гибели Легасова. Во вторых, даже если мы сможем найти надёжных людей, любое наше проникновение на территорию больницы чревато громким международным дипломатическим скандалом с далеко идущими последствиями, чего мы также не можем допустить. В-третьих, к этому времени, почувствовав неладное, его вполне могли перевезти в другую палату или даже больницу – при этом у нас нет возможности, отследить подобные перемещения интересующего нас пациента...».

«И что нам делать? Просто сидеть, сложа руки?!» – с удивлением переспросил майор.

«Вовсе нет. Если мы не располагаем силами и средствами для проведения этой операции, это ещё не значит, что её невозможно провести – экзорцисты, с лёгкостью устраняющие свои цели даже в пределах территории США, очевидно, располагают всем необходимым...» – с улыбкой произнёс генерал Пеняев и, увидев вытянувшиеся от удивления лица коллег, продолжил – «Разумеется, вопрос в наличии желания. Со своей стороны, я полагаю, что, принимая, во внимание их довольно тесные отношения с Легасовым и ту важную роль посредника, которую в своё время они ему доверили, им не нужны дополнительные стимулы – они сделают всё сами без дополнительного приглашения».

«Мы собираемся вернуть Легасова руками экзорцистов?» – ещё раз, не веря своим ушам, переспросил Трошин, язвительно добавив – «При этом со своей стороны, искренне полагая, что Легасов поможет нам их остановить?».

«Александр, это не должно Вас так сильно удивлять...» – быстро подключился Беляев, развив мысль – «Рассматривайте этот процесс не в статике, а в динамике. Спросите себя – захотят ли экзорцисты сейчас вернуть Легасова, если будет такая возможность? Ответ один – разумеется, да! Впрочем, с их стороны это будет не просто жест доброй воли – это, дополнительные финансовые, лоббистские и общественно-политические возможности в лице Легасова, канал эффективных коммуникаций с нами для разрешения сложных ситуаций, да и, что не менее важно – мощная отповедь в назидание всем их врагам и мотивация для соратников. Вы только представьте, чего стоит возвращение с того света человека, ставшего для многих своего рода единственным публичным символом борьбы за их собственные идеалы! Разумеется, ради этого они пойдут на всё! Весь вопрос в том, что потом сделает Легасов, если вся эта операция пройдёт успешно. Спросите себя, Александр – сможет ли он спокойно смотреть на то, как его страна методично сползает в бездну хаоса? Разумеется, нет... Впрочем, об этом пока знаем только мы – все мы с вами...».

«Опять же надо понимать...» – подключился к разговору Владислав Аркадиевич, продолжив – «Любая организация состоит из людей, борющихся за своё видение стоящих перед ними целей и задач, миссии, если хотите. И движение экзорцистов в данном ряду никакое не исключение – кому-то из них нравятся новые жёсткие правила игры, кто-то, вполне вероятно, считает их чрезмерными, поскольку, все они тоже люди. И в этом отношении среди них могут быть, как и сторонники, так и противники идеи возвращения Легасова и в данном случае, весь вопрос лишь в том, кому именно выпадет жребий решать его судьбу...».

«Впрочем, какая разница, если у нас нет контакта ни с теми, ни с другими...» – мрачно и неутешительно вставил своё веское слово Мазаев.

«Да, это большая проблема...» – согласился Лев Николаевич, с улыбкой добавив – «Впрочем, у нас на примете есть один человек, на которого можно было бы сделать ставку в данном деле и, что особенно, радует, так это то, что этот человек заинтересован в Легасове не меньше, чем все мы здесь присутствующие...».

«Кто?» – в один голос одновременно переспросили Сергей с Александром.

«Разумеется, речь идёт о вице-президенте по стратегии компании БритишИнвестментЮниверс (British Investment Universe), Элис Фостер...» – с улыбкой разведя руками как нечто само собой разумеющееся, произнёс Пеняев, добавив – «О единственной известной нам девушке в окружении Легасова. Девушке, которая, как мы предполагали ранее, являлась связующим звеном между ним и британской разведкой, инициировавшей проект создания данного движения. Девушке, в важности которой для экзорцистов и самого Алика Легасова, мы смогли убедиться воочию, в результате идиотской выходки группы Арзамасова, результатом которой стал последовавший за этим печально известный штурм особого охраняемого специального объекта «Пума», проведённый экзорцистами...».

«Ещё минуту назад мы, сидя здесь, рассуждали о строжайшей секретности во избежание возможной утечки информации, а сейчас Вы предлагаете посвятить во всё это Фостер?! Элис Фостер, которую мы сами считаем агентом британской разведки?» – с удивлением округлив глаза, переспросил Трошин, эмоционально добавив – «О чём вообще речь?! Да она сразу же передаст всю эту информацию по линии своего ведомства, после чего американцы передислоцируют нашего пациента туда, где мы его никогда не найдём! Да и, вообще, есть ли у самой Элис выход на экзорцистов?».

«Риск, безусловно, есть...» – с улыбкой произнёс Владислав Аркадиевич, мягко добавив – «Впрочем, иных вариантов у нас попросту нет, если, конечно, Александр, у Вас нет каких-либо иных более рациональных предложений...».

«И мы, серьёзно, собираемся вот так вот просто отдать ей в руки жизнь Алика Легасова? А вместе с ним, возможно, и последний шанс на урегулирование ситуации, который дала нам судьба?» – всё ещё не веря своим ушам, в отчаянии покачал головой Трошин.

«Она рыдала в течение всей церемонии – там, в соборе Святого Патрика, во втором ряду. Плакала, но, несмотря на лившиеся по её лицу слёзы, не отрывала своего взгляда от тела Легасова, лежавшего чуть поодаль на постаменте...» – задумчиво и негромко произнёс Мазаев, после чего тихо, но уверенно добавил – «Элис сделает всё. Всё что в её силах...».

Александр, ещё раз, с удивлением взглянув на майора, с которым до настоящего момента ему так и не удалось перекинуться даже парой слов о тех далёких событиях в Нью-Йорке, вздохнул и, смирившись с неизбежным, кивнул головой.

«Вот и отлично!» – одобрительно кивнул Владислав Аркадиевич, с широкой улыбкой добавив – «В этом случае не будем терять времени – Александр, Сергей, вы немедленно вылетаете в Лондон для установления контакта с Элис Фостер, действуя согласно разработанному плану...».

«Мы?!» – с удивлением, вскочив со стула, выпалил Мазаев.

«Майор, Вы, пожалуй, единственный человек из нашей системы, которого Элис Фостер видела в лицо – там, как Вы правильно упомянули, в соборе Святого Патрика. Поэтому Ваше участие в этой операции обязательно. Вполне возможно, что присутствие знакомого лица позволит упростить установление контакта и передачу ей нужной информации и препарата» – произнёс Лев Николаевич, продолжив – «В свою очередь, полковник Трошин, отлично знающий английский язык и суть дела, составит Вам кампанию в данном, определённо нелёгком деле. Вполне вероятно, что его неплохие знания о методах работы иностранных разведок, могут быть также весьма полезны в ходе данной работы, чтобы избежать неприятностей...».

Сергей медленно сел на место, обдумывая представшую перед ним перспективу.

«А легенда, документы?» – озадаченно переспросил Александр.

«Полковник, Вам с майором не потребуется ни того ни другого. Вы оба непрофессиональные разведчики и мы вовсе не ожидаем от вас чего-то экстраординарного. Вы оба поедете в Лондон на встречу с Фостер вполне легально под собственными фамилиями и со своими документами. Для всех непосвящённых – вы едете с целью установления неофициального контакта с экзорцистами, через человека близкого окружения Легасова, Элис Фостер, которая предположительно может его обеспечить...» – улыбнулся генерал Пеняев, добавив – «Единственное, что вам действительно необходимо, так это найти возможность, чтобы поговорить с уважаемым вице-президентом по стратегии без прослушивающих устройств и свидетелей. Впрочем, мы снабдим вас несколькими простыми техническими новинками для контроля эфира...».

«За работу коллеги...» – одобрительно кивнул Ширко и, пожав руку обоим, медленно проводил новоявленных героев взглядом...

Пациент

(27.04.2013, Нью-Йорк, 12–00)

«Ребекка, вот, пожалуй, и всё что я хотел показать Вам, как новому сотруднику медицинского персонала теперь уже нашего отделения лечения и комплексной терапии неврологических заболеваний...» – с улыбкой произнёс высокий мужчина средних лет в белом халате, выходя из очередной палаты в коридор в сопровождении светловолосой высокой худощавой блондинки. Сделав очередную пометку в блокноте, девушка, робко поправила очки и с довольным видом кивнула.

«Разумеется, как Вы могли видеть, Ребекка, работа с пациентами в нашем отделении весьма отличается от той практики, которую, Вы ранее проходили в отделении хирургии нашего центра. Впрочем, признаться честно, как глава отделения, я даже рад, что Вы поступили в ординатуру к именно нам...» – с улыбкой развёл руками Эрик Бекер, пояснив – «В отличие от других отделений нам всегда не хватает рабочих рук...».

«Эрик, спасибо большое за столь обстоятельную экскурсию по отделению...» – поблагодарила его девушка, добавив – «Полагаю, что это все позволит мне лучше ориентироваться в отделении при выполнении своих обязанностей...».

«Да, кстати, чуть не забыл познакомить Вас с ещё одним нашим весьма примечательным и интересным пациентом...» – припомнил глава отделения и, взглянув на часы, пояснил – «Сейчас, пожалуй, самое время – пора делать ежедневный обход...».

«А кто это?» – поинтересовалась девушка, следуя за именитым главой отделения, догадливо добавив – «Вы его личный лечащий врач?».

«Это Джон Браун – молодой юноша из Массачусетса...» – спокойно пояснил Бекер, подходя к палате с номером «4043» на четвертом этаже здания медицинского комплекса, после чего показав на электронный считыватель с улыбкой продолжил – «Доступ к пациенту ограничен и предоставлен исключительно для сотрудников медперсонала нашего отделения, в том числе и для Вас, Ребекка. Это было требование родственников пациента, пожелавших обеспечить дополнительные меры безопасности для члена своей семьи. Что ж у богатых свои причуды...».

Проведя личной идентификационной картой по считывателю, глава отделения отрыл дверь и впустил новобранца внутрь палаты.

Девушка, весьма удивлённая рассказом о богатых родственниках и мерах безопасности, с интересом сделала несколько шагов, чтобы поближе рассмотреть, очевидно, спавшего пациента. Спустя мгновение её лицо преобразилось, после чего, отшатнувшись к стене и посмотрев на показания горевшего рядом реанимационно-хирургического монитора, она с ужасом в голосе произнесла – «Эрик, он же не дышит! Мы его потеряли!».

«Спокойно...» – с улыбкой произнёс глава отделения, пояснив – «Ребекка, слушайте внимательно...».

Через десять долгих секунд раздался тихий звук, после чего диаграмме сердечной активности появилось небольшое возмущение, а цифра, отражавшая пульс пациента на короткое время изменилась с нуля на единицу, спустя какое-то время, снова вернувшись к прежнему состоянию...

«Что это, Эрик?» – всё ещё перепуганная до смерти, произнесла девушка, несколько отойдя от стены.

«Ребекка, полагаю, Вы слышали о летаргии?» – поинтересовался Бекер, внешне осматривая пациента и записывая показания приборов в свой блокнот.

«Да, конечно...» – бодро ответила девушка, быстро припомнив на память – «Это болезненное состояние, внешне напоминающее сон, которое характеризуется отсутствием моторики

и реакций на внешнее раздражение, а также снижением интенсивности всех внешних проявлений».

«В целом да, но при этом сохраняется сердечно-мозговая активность у пациента, пребывающего в летаргическом сне...» – подтвердил Эрик, спокойно добавив – «Здесь же мы видим довольно редкое его проявление явление – эффект глубокого летаргического сна, который характеризуется замедлением всех обменных процессов в организме, снижением температуры тела и практически полным отсутствием сердечной активности. Потрогайте его руку...».

Девушка тихо подошла и осторожно, словно опасаясь разбудить спавшего молодого человека, коснулась его руки, которая показалась ей твёрдой как камень и холодной как лёд.

«Признаться честно, это очень удобный пациент для нашего отделения. За него всегда исправно и регулярно приходят платежи по оплате его лечения, само же его тело не нуждается ни в вентиляции лёгких, ни в поддержании сердечной функции, ни в каких-либо других процедурах, да и в посторонней помощи вообще...» – улыбнулся Бекер, с сожалением продолжив – «Единственное, что огорчает, так это весьма ограничительные требования родственников. В частности, в отношении этого пациента запрещено проведение каких-бы то ни было научных исследований, запрещается также проведение его любой фото и видеосъёмки, к нему запрещены посещения и экскурсии студентов, информация о нём, его существовании и заболевании не должна покидать пределов отделения. О любых действиях с пациентом или изменениях его состояния мы обязаны немедленно информировать его родственников по оставленному ими телефону. В этом отношении этот молодой человек абсолютно потерян для нашего научного сообщества. Принимая же во внимание, что у нас вообще нет опыта работы с этой разновидностью летаргии, всё, что нам остаётся – так это оберегать его сны...».

«А сколько он уже так спит?» – спросила девушка, сделав несколько шагов к койке пациента.

«В нашем центре – чуть больше года. Сколько он спал до этого и спал ли вообще – не известно, поскольку, его родственники не сочли возможным поделиться с нами данной, безусловно, весьма важной для его лечения информацией...» – с разочарованием развёл руками Эрик. После этого, подойдя к изголовью кровати с другой стороны, директор отделения внимательно посмотрел на лицо юноши, добавив – «Если бы Вы только знали, Ребекка, как после всех этих бессонных ночных смен и экстренных ситуаций в отделении мне порой самому хочется вот так вот выспаться – глубоко, спокойно и безмятежно...».

Девушка рассмеялась, после чего, с интересом разглядывая холодное мертвенно-бледное лицо молодого человека, мягко спросила – «Интересно, а что ему снится всё это время?».

«Мне и самому интересно...» – пожал плечами врач, с улыбкой продолжив – «В ряде восточных практик, в которых, имеется описание глубоких медитаций чем-то схожих с подобным состоянием тела, бытует мнение, что душа, отрываясь от тела, может странствовать вечно, посещая иные миры и вселенные. Видимо, и душа этого молодого человека, заслужив эту честь, на зависть всем нам, Ребекка, кому приходится ежедневно ходить на свою проклятую работу, странствует где-то там – далеко в вечной голубой небесной выси...».

Небесная высь

(27.04.2013)

Доносившийся откуда-то издалека странный нарастающий полуметаллический звон, навевая какие-то смутные и едва различимые воспоминания, медленно погружался в отдалённые глубины сознания, с каждым разом до боли всё звонче и звонче отдаваясь в ушах...

Худощавый юноша в белоснежной рубашке с галстуком, всё это время дремавший в уютном ушастом кресле, с большим трудом медленно открыл веки, словно приходя в себя после тяжёлого мучительно затянувшегося сна.

Его глаза, давно отвыкшие от яркого света, постепенно выхватывали из окружающего пространства обстановку, детали интерьера и отдельные вещи. В достаточно просторном помещении гостевой комнаты небольшого каменного дома располагались компактный обеденный столик, стоявший между парой ушастых кресел, камин с тихо потрескивавшими в нём медленно горевшими дровами, а также размещённый вдали у окна возле многочисленных полок с книгами и пергаменами большой письменный стол. Оформленное в средневековом стиле помещение помимо отблесков пламени, бушевавшего в камине, освещалось многочисленными канделябрами с горевшими в них восковыми свечами. В комнате имелись две массивные дубовые двери, одна из которых вела во внутренние покои, другая – на улицу, где возле дома раскинулся небольшой палисадник. Из окна, расположенного ближе к обоим креслам, открывался умиротворяющий вид на просторный луг и раскинувшийся до горизонта сосновый лес, залитые призрачным холодным лунным светом...

Юноша, всё ещё ощущая надоедливый звон в ушах, медленно перевёл взгляд на стоявшее напротив него кресло, в котором, удобно развалившись, сидел огромный пушистый белый котяра с горящими зелёными глазами, медленно и размеренно размешивавший серебряной ложечкой сахар в чашке со свежесваренным кофе...

Взгляд молодого человека в одночасье застыл на этой фигуре, постепенно с трудом фокусируясь на деталях увиденного.

«Здравствуй, Алик!» – медленно произнёс Кот и, обнажив сияющую улыбку острых белоснежных зубов, ликующе добавил – «Долго же, знаешь ли, мне пришлось тебя ждать! Впрочем, я рад, что ты, наконец, таки нашёл время зайти...».

«Не разделяю подобного оптимизма...» – с большим трудом хрипло произнёс юноша, медленно выговаривая каждое слово, словно учась говорить заново.

Потустороннее существо аккуратно положило ложечку на обеденный столик, после чего в наступившей тишине, с упоением сделав глоток горячего напитка и окинув юношу пронизывающим взглядом, медленно продолжило – «Знаешь, а это было не просто – тринадцать долгих лет я провёл в этом доме, ожидая твоего возвращения, чтобы обрести то, что мне пришлось потерять...».

«Сам виноват...» – на этот раз едва заметно улыбнувшись, чуть бодрее ответил Легасов и, тихо прокашлявшись, ещё раз осмотревшись вокруг, всё ещё хриплым голосом рассудительно добавил – «А здесь у тебя ничего не изменилось – всё, как и в прошлый раз...».

«Вижу и ты, Шахматист, не утратил своего чувства юмора...» – добродушно рассмеялся Кот, приветственно пододвигая гостю, поднос с горячим кофейником и ещё одной пустой чашкой, добавив – «Даже удивительно то, как тебе удаётся сохранять подобное хладнокровие и спокойствие, когда ты знаешь, кто я и что я. Знаешь ту участь, что ожидает тебя здесь, за то, что ты сотворил. И знаешь, что всё это реально».

Юноша молча налил себе кофе в чашку из изысканного китайского фарфора.

«Или ты всё ещё веришь, что это всё всего лишь иллюзия? Всего лишь сон или бред?» – широко улыбнувшись, поинтересовался потусторонний субъект.

«Вспоминая слова майора, который довольно эмоционально, но, тем не менее, вполне сносно обрисовал весьма красноречивый фотопортрет некоей кошачьей морды, которую ему довелось увидеть в одном из ночных кошмаров, приходится признать, что всё это, действительно, может быть вполне реально. Реально, хотя бы отчасти...» – несколько отстранённо и задумчиво ответил юноша, с небольшой улыбкой добавив – «Впрочем, Демон, это, ведь ровным счётом ничего не меняет? Разве нет?».

«Видел бы ты только лицо майора Мазаева, когда я предстал перед ним в одном из его снов в первый раз...» – с иронией мечтательно произнёс Котяра, плавно жестикулируя в воздухе мягкой пушистой лапой внушительных размеров, с острыми когтями, выглядывавшими из розовых подушечек. Сделав ещё один глоток кофе, Кот язвительно продолжил – «Да что там говорить – даже одного такого ночного визита хватило, чтобы из этого никчёмного заштатного атеиста сделать по-настоящему глубоко верующего человека! И вроде бы нормальный разумный человек был, этот майор... А теперь вот, видишь, каждую неделю исправно ходит в церковь, молится о своей бедной душе, проданной демону... Эка жалость! Впрочем, невелика и потеря, так ведь?».

«Пошло и низко...» – с явным неудовольствием пожал плечами Легасов, после чего, сделав глоток горячего напитка с насыщенным божественным ароматом, тихо добавил – «Впрочем, майор тоже хорош – нашёл, чьим словам поверить...».

«Сама наивность...» – одобрительно улыбнулся Кот и, подливая себе в чашку кофе из кофейника, продолжил – «Даже удивительно как при таком наивном восприятии окружающей действительности он вообще стал следователем по особо важным или каким там у него делам. Видимо, у них там, в ведомстве, нынче совсем плохо с кадрами...».

Алик медленно сделал очередной глоток горячего напитка, не прерывая монолога своего неординарного собеседника.

«Знаешь, я потерял столько времени с тобой в этот раз, но, не поверишь – ничуть не жалею об этом. В конце концов, веками наблюдая за вами, смертными, мне давно не доводилось видеть ничего более занятого. Стоит отдать тебе должное – ты не заставил меня скучать...» – широко улыбнулась кошачья морда, показав огромные белоснежные зубы, медленно продолжив – «Впрочем, знаешь, я до сих пор не могу взять в толк, зачем ты столь бездарно потратил свою жизнь... Бесценную жизнь, которую в прошлый раз я тебе подарил...».

«Это был не дар...» – с улыбкой поправил собеседника Алик, спокойно продолжив – «Демон, ты её проиграл. Проиграл вместе с обязательством оставаться в этом облике в этом доме до моего возвращения. Остаться здесь, не предпринимая никаких действий, которые прямо или косвенно могли бы причинить мне вред...».

«Да, что-то подобное припоминаю. Впрочем, так ли важна нам сейчас точность терминологии и формулировок?» – коварно улыбнулся Кот, мягко поинтересовавшись – «Давно хотел тебя спросить, Шахматист – зачем тебе всё это было нужно? Чего ты хотел? Что ты вообще пытался доказать себе и другим? Неужели ты и вправду думал, что сможешь изменить этот бренный, грязный и пошлый мир?».

«Прошу не принимай на свой счёт, Демон, но вряд ли ты в полной мере сможешь меня понять...» – внимательно рассматривая изящный фарфор кофейной чашечки, медленно и несколько отстранено произнёс юноша, тихо добавив – «В конце концов, для этого тебе нужно стать человеком. Обычным смертным человеком со своими страхами, сомнениями и чаяниями...».

«А я очень постараюсь...» – мягко и самодовольно с прежней улыбкой белоснежных острых зубов произнесла кошачья морда, напротив, язвительно уточнив – «Знаешь, Алик, за все те годы, что я правлю этим проклятым Богом миром, в этом кресле, в котором сейчас сидишь ты, побывало великое множество людей. Простые крестьяне и обыватели, сапожники и мастера, возвышенные поэты и художники, учёные и богословы, нищие и правители, банкиры

и офисные клерки, наёмные убийцы и президенты, ярые протестанты и смиренные католики, верующие и атеисты... Я видел чувства, страхи, надежды и устремления их всех. Душа каждого из них представляла передо мной словно грязная и замусоленная до дыр, прочитанная книга, изливающая свою никчёмную и старую как весь этот мир историю слабости человека, павшего духом перед соблазнами убить, украсть, изменить, солгать, сбить с истинного пути ближнего своего и многими другими. А всё, спрашивается, зачем? Да всё ради банальной жадности денег, брэнного имущества и материальных благ! Ради мнимой славы и величия, новых звёздочек на погонах, удовлетворения собственных низменных желаний и прочей ерунды. И, представь себе, каждый из них – каждый, без исключения, рыдал на коленях, моля меня о прощении смертных грехов, что привели их сюда, моля о прощении своей бессмертной души, о которой им там, в обычной жизни, не было ровным счётом никакого дела. И после всего этого ты, Шахматист, всё ещё думаешь, что я не смогу тебя понять?!».

Юноша внимательно оценивающе посмотрел в огромные зелёные глаза потустороннего создания, в которых отражались отблески пламени, горевшего в камине, после чего медленно произнёс – «Я не раскаиваюсь в том, что сделал и мне не о чем тебя просить, Демон, ибо я с пользой потратил драгоценное время, отведённое мне судьбой. И всё что не успел сделать я, сделают за меня другие...».

«Знаешь, Алик, ты не перестаёшь меня удивлять...» – с улыбкой, нехотя покачав головой, произнёс Кот, развалившись в кресле и аккуратно подперев морду своей белоснежной лапой, после чего понимающе кивнув, продолжил – «Надеюсь, ты не думаешь, что за твои далеко идущие деяния тебе полагается индульгенция? Что тебя спасёт твоя меценатская деятельность? Что кровь убитого человека, а хотя бы и чиновника и казнокрада, можно смыть, просто раздав его деньги людям, их страждущим?».

Легасов, отрицательно покачав головой, медленно сделал глоток кофе, дожидаясь продолжения монолога.

«Вот и правильно – ибо за то, что сделал ты и за деяния всех людей, которых ты повёл собой, тебе уготовано место в моём царстве – царстве тьмы, и вы все предстанете передо мной за свои грехи...» – с леденящей душу улыбкой произнесла пушистая бестия. Выждав момент, Кот поучительно продолжил – «Если же, ты, Шахматист, и, вправду думал, что можно пожертвовать одним человеком, чтобы спасти сотни и тысячи людей, то спешу тебя расстроить. Если бы ты только знал, сколько новых душ принесла мне эта, случайно пророненная кем-то, идея об общем благе! Сколько людской крови было пролито во имя и ради этой мифической цели! Ради спасения веры и праведников одни убивали еретиков и неверных... Ради избавления от напастей другие сжигали на кострах колдунов и ведьм... Ради поддержания шаткого правопорядка третьи без разбора уничтожали и уничтожают инакомыслящих... Впрочем, все вы, несчастные, забыли, что Бог не умеет считать, и для него жизнь одного равноценна жизни тысяч и миллионов других! И вы все будете гореть в аду за отнятые вами жизни людей...».

«Мне вполне достаточно, что я умею...» – тяжело вздохнув, медленно и тихо выговорил Легасов.

«Что умеешь?» – несколько опешив, с непонимающим видом переспросил Кот, подливая себе ещё немного кофе.

«Считать...» – сухо добавил юноша, после чего, сделал глоток всё ещё ничуть не остывшего напитка. Видя удивление, поразившее собеседника, настолько, что тот, машинально продолжая наливать себе кофе, залил напитком добрую половину стола, Легасов медленно пояснил – «Пожалуй, Демон, ты всё-таки заслуживаешь знать правду. Всё что я делал – я делал для самого себя, и мне нет ни оправдания, ни прощения за те грехи, что совершил я, и за те, что совершили люди, разделившие со мной этот сложный и тернистый путь. Я никому ничего не доказывал и не пытался доказать, ибо каждый вправе на свои заблуждения и свой путь в этой жизни. И дело вовсе не в меценатстве и не в помощи людям, в ней нуждающимся, и не

в математике жизней и даже не в арифметике спасённых или потерянных душ. Просто мне нравится свет...».

Кот, сделавший в этот момент солидный глоток любимого кофе из чашки, поперхнулся от неожиданности и громко закашлялся, постукивая себя мягкой лапой по груди, после чего прослезившись от боли от горячего напитка попавшего не в то горло, тихо выдавил из себя – «Предупреждать же надо!».

«Лучистый, яркий, исцеляющий даже израненную душу свет – свет людской веры и надежды...» – не обращая внимания на гневные ремарки собеседника, спокойно продолжил Легасов, добавив – «Всё, чего я хотел – это зажечь небольшой огонёк надежды в сердцах людей, наполненных злостью, отчаянием, смятением и безысходностью. Возродить в сердцах своих сограждан, судьбы которых мне небезразличны, надежду на справедливость и веру в общее будущее своей страны. Разве это так много? Разве ради этого не стоило умереть?».

Потрясённый подобным заявлением Кот, распрямился во весь рост и, встав из-за стола, медленно и задумчиво прошёлся кругом по комнате. Остановившись возле высокого окна, с раскинувшимся за ним умиротворяющим лунным пейзажем, он тихо спросил – «И ради этого ты был готов пожертвовать даже своей бессмертной душой?».

«Да, ибо я верю, что свет надежды, которую мы зажгли, спасёт намного больше людских душ, избавив их от вечных мук в твоём царствии, Демон. Увидев свет надежды, один отдернет ладонь, не взяв деньги, другой не поднимет руку на жизнь другого ради куска хлеба, третий найдёт в себе силы бросить пить, день за днём проклиная свою страну. Кому-то хватит настойчивости получить образование, разорвав порочный круг, а кому-то не придётся поступиться своими принципами и идеалами, сдавшись на волю судьбе. Всё потому, что жизнь с надеждой имеет свой смысл, в отличие от беспробудного и бесцельного существования изо дня в день...» – внимательно наблюдая за несколько хаотическими перемещениями по комнате огромного белоснежного кота, ходившего на задних лапах, медленно произнёс юноша.

«А знаешь ли ты, что такое настоящий ад? Знаешь ли ты, вообще, на что ты обрёк свою бессмертную душу?!» – гневно негромким голосом прошипела белоснежная бестия, после чего Кот одним стремительным грациозным движением настежь распахнул окно... В то же мгновение умиротворяющая картина лунного ночного пейзажа сменилась неистовым пожаром горевшего леса и пылавшей земли с языками пламени, уходившими далеко в небо, на котором висела кроваво-красная Луна. Среди шума и треска адского пламени раздавались разрывавшие барабанные перепонки стоны миллионов проклятых душ. Сухой и горячий ветер из-за окна разъярённо ворвался в комнату, жадно сметая всё на своём пути...

«Перспектива впечатляет...» – спокойно кивнув, с улыбкой произнёс Алик, давая понять, что он в полной мере оценил достойно проведённую только что перед ним демонстрацию силы...

Пушистая бестия с довольной ухмылкой, захлопнув окно, прошла по комнате и заняла своё прежнее место, возобновив прерванную дегустацию чашечки горячего кофе.

«Зачем тебе они?» – буднично поинтересовался юноша, мягко уточнив – «Все эти души?».

«Всё это недалёковидные мелочные люди, которые наивно полагают, что могут всю жизнь жить, воруя чужое, убивая, изменяя и предавая других людей, в надежде на то, что библейское раскаяние в конце принесёт им искупление грехов. В надежде на то, что им зачтётся их положение в обществе, посещение воскресной службы в церкви, подачи бедным и сиротам. Все они при жизни забыли, что одним раскаянием не изменить того, как они прожили свою жизнь. И все они – это моя паства, Шахматист...» – сложив лапы на столе перед собой и теребя ими, нежный китайский фарфор вдумчиво произнёс Кот, продолжив – «Все они, как и многие другие – здесь по одной единственной причине – претерпевая невероятные страдания,

перед лицом неминуемой смерти, души людей освещаются светом истины. Вот только одной вспышкой этого света не осветить глубокую беспробудную тьму их душ...».

Легасов молча наполнил свою опустевшую кружку свежим горячим кофе из кофейника. Где-то вдалеке за окном раздались глухие раскаты грома, свидетельствовавшие о надвигающейся буре...

«Мне, по своему, даже в чём-то жаль тебя, Алик...» – без былой улыбки на лице произнёс Кот, после чего, подув на чашку с кофе, медленно сделал глоток и продолжил свою мысль – «Проблема в том, что ты искренне веришь в людей. Веришь в разум и волю человека, которые уже не раз играли злые шутки со многими, даже лучшими начинаниями человечества. Вот и в этот раз ты искренне веришь, что люди, шедшие за тобой по выбранному тобой пути, продолжат начатое тобой дело. Впрочем, зря – ещё не успела остыть земля на твоей могиле, а эти слепцы уже свернули с предначертанного им пути, пойдя крестовым походом против тех, кого они сочли недостойными права жить...».

«Им просто нужно время...» – мягко возразил Легасов, делая глоток кофе.

«Его было предостаточно...» – небрежно отмахнулся Котяра, с энтузиазмом продолжив – «Все они – обычные люди, а людям свойственно сомневаться, заблуждаться и поддаваться соблазнам, сворачивая пути. Люди погубят и доведут до абсурда любое здоровое начинание – будь-то изобретение бумажных и ничем необеспеченных денег или, к примеру, того же ядерного оружия. И это установленный порядок вещей, который нельзя изменить – как ночь сменяет собой день, так и люди, сменяют друг друга, только для того чтобы сделать ещё большую и доселе невиданную глупость...».

«Я ведь тоже человек. Всего лишь обычный человек...» – глядя в глаза Коту тихо повторил Алик, добавив – «И после всего этого ты предлагаешь мне не верить в людей?».

«Странный же ты человек, Шахматист...» – широко улыбнулся Кот, продемонстрировав ряды белоснежных острых зубов, холодно продолжив – «Спокойно пьёшь кофе со мной, Демон, рационально с чувством собственного достоинства рассуждая на возвышенные темы, в обстановке, что одним своим видом многих закоренелых атеистов сводила с ума. Душа твоя темна как ночь от помыслов и деяний твоих, но ты всё ещё без сожаления и раскаяния веришь в людей, ради которых тебе пришлось пожертвовать этим бесценным даром. Искренне веришь в то, что поступил правильно...».

Снаружи вдалеке на этот раз уже несколько громче вновь раздались глухие раскаты грома...

«Знаешь, Алик, я, пожалуй, расскажу тебе одну давнюю историю, которой исполнилась уже не одна тысяча лет. Историю, повествующую о том, чем заканчивается искренняя вера в людей...» – мягко предложил Кот, делая очередной глоток и, убедившись в полном внимании собеседника, глубокомысленно закатив глаза, припоминая детали далёких дней, размеренно продолжил – «Дело было в небольшой отдалённой области, находившейся под протекторатом некогда великой и могучей империи. Бедность, нищета и голод, разорение и гнёт завоевателей довели местных людей до такого иступления и отчаяния, что они, позабыв обо всём, утратили веру в Бога, истинно уверовав только в силу брэнного металла. Брат поднял руку на брата, друг на друга, раздоры, воровство и грабежи процветали в то время. Всепоглощающая холодная тьма заполнила людские сердца, заменив собой некогда присущее народу смирение и единство.

В этом беспробудном хаосе и смятении застал свой многострадальный народ, образованный интеллигентный юноша, вернувшийся на родину из далёких краёв. Со дня своего возвращения сутками напролёт он молил Бога вразумить братьев и сестер своих, дабы позабыв прошлые печали и обиды, смогли они обрести покой, разум и смирение ради их общего блага и будущего их единого народа».

«И что ему ответил Бог?» – с заметной долей интереса переспросил Легасов.

«А с чего ты, Шахматист, вообще взял, что он ответил? С чего вы, смертные, вообще возомнили себе, что Создателю есть до вас дело?!» – эмоционально вспылал Кот, после чего несколько придя в себя, в спокойной манере продолжил рассказ – «Время шло, но ответа всё не было. Юноша же тот без усталости и ропота, ни на секунду не утратив своей веры и не усомнившись в Боге, день за днём продолжал возносить ему свои молитвы.

Душа его была столь невинна и чиста, что я ни разу не встречал, ни прежде, ни после. В своих попытках разбудить сознание людей ходил он по домам и площадям, неся всем окружающим и любому встречному, кто был готов слушать, своё слово. Люди же, окружавшие его, не слышали его стенаний, не понимали его молвы и не верили его словам...

В тот момент не Бог, а я, демон, откликнулся на его безответные мольбы, придя к нему в одном из снов. Долго мы говорили с ним на разные темы и был он спокоен, благожелателен и откровенен со мной, как никто и никогда до того момента. В конце разговора спросил он меня, могу ли я помочь его народу обрести свой путь...

Я ответил, что из меня, демона, выйдет плохой пастырь для заблудших душ, ибо я знаю только одну дорогу. Дорогу, следовать которой по доброй воле и в здравом уме не пожелает никто... и только человек, чья душа чиста, сможет научить его народ, как обрести веру в Бога, веру в себя и братьев своих...

После он спросил, достаточно ли чиста его душа и сможет ли он повести людей своего народа за собой. Получив утвердительный ответ, он задумался, после чего попросил меня об одной услуге...

«Вы заключили договор?» – поинтересовался Алик, неодобрительно покачав головой.

«Да, мы заключили контракт...» – с досадой в голосе произнёс Кот, со вздохом добавив – «Он завещал мне свою бессмертную душу в обмен на небольшое одолжение... Знаешь, вообще, странное это дело – многие люди ещё при жизни, торгуют своей грязной и никому не нужной душой, пытаются обрести богатство, бессмертие, признание, славу, силу и прочую ерунду. Многие, но не он...».

«Что он попросил взамен?» – с интересом переспросил Легасов.

«За свою бесценную бессмертную душу попросил он сущую безделицу... По крайней мере, как мне казалось тогда...» – спокойно пожал плечами Котьяра и, сделав глоток кофе, медленно произнёс – «Он попросил дать ему способность – способность являть чудо. Пусть маленькое и простое, но чудо, отличное от того что обычно кажут циркачи и фокусники людской толпе на площадях в базарный день...».

«Чудо?» – с мягкой улыбкой переспросил Алик, после чего сделав глоток кофе, понимающе кивнул.

«Да – чудо... Лечить людей и прочее в этом духе...» – коварно улыбнулось потустороннее существо, продолжив рассказ – «Впрочем, я сильно ошибся тогда, думая, что он бездумно и бездарно променял свою душу на эту глупость. Много ли чести, явить чудо, из которого нельзя извлечь денег, власти и славы? – думал тогда я. Даже в страшном сне я и представить себе не мог, какое влияние на умы людей могут произвести подобные мелочи... Что сложного в том, чтобы вылечить хромого или вернуть зрение слепцу? Всё это сущая банальность для любого кто, пожелает заключить со мной контракт, не говоря уже о стремительном развитии медицины в последние века.

Впрочем, люди... Эти странные, непредсказуемые и алогичные люди... Лицезрев чудо, они превознесли его до небес... Все они словно прозрели после долгой болезни и, наконец, услышали слово, что он нёс им долгие годы. Они восприняли его мольбы, пойдя за ним по пути праведному.

В тот момент я понял, что человек с чистой душой и верой в людей вполне может изменить этот бранный мир, если ему есть что сказать другим и если он знает, как убедительно преподнести своё слово обычной многоголосой и разношёрстной людской толпе».

«Что стало с ним?» – переспросил Легасов, ожидая продолжения.

«Его казнили – казнили другие люди, боявшиеся его слов более всего на свете, словно заразы, способной уничтожить устои их собственного жалкого и убогого маленького мира...» – спокойно продекларировал Кот, продолжив – «Впрочем, дело не в том, что люди, ненавидевшие и боявшиеся его, убили его из своих корыстных побуждений. Истинная трагедия всей этой истории в том, что люди, верившие ему и следовавшие за ним по показанному им праведному пути, своим невежеством и догматизмом довели его здравые начинания до абсурда...».

За окном где-то поблизости раздались громкие и продолжительные раскаты грома, от которых в доме тихо зазвенели оконные стёкла...».

«Что стало с его душой?» – поинтересовался Алик, уточнив – «Контракт был исполнен?».

«Вмешались определённые форс-мажорные обстоятельства, не позволившие мне получить свою долю по данному договору...» – уклончиво, прикусив губу, произнёс Кот и, побарабанив когтями мохнатой лапы по столу, по всей видимости, раздумывая говорить или нет, наконец, продолжил – «Это была жертва. Великая жертва, великого человека, и посему ему были открыты врата – врата в царствие небесное. Я не получил искомой души, но и не жалею об этом, ибо я получил несравненно большее удовольствие – развлечение наблюдать за слепцами, пошедшими в полном одиночестве по его тернистому пути... А сколько новых душ принесли они мне!

Знаешь, меня удивляет, как странно порой люди воспринимают всё новое, пропуская это через кривую призму своих собственных мыслей, страхов и вожделений. Вот же удивительное дело! Он говорил им верить в Бога – они же снова уверовали в силу власти и брэнного металла! Он призывал людей любить – они же начали продавать любовь за деньги! Он наказал им жить с терпимостью к иной вере – они же зажгли костры инквизиции в погоне за еретиками! Он завещал им молиться одному лишь Богу – они же построили огромные храмы, молясь каменным изваяниям! Он учил их не отнимать человеческой жизни – они же стройными походами пошли проливать реки невинной крови, убивая неверных в его честь...

В странной манере люди воздали ему по заслугам его...».

«И что он сделал?» – вопросительно взглянул Алик на демона, одухотворённого и замороженного собственными воспоминаниями о далёком прошлом.

«Он столь сильно любил людей, что не смог вынести подобного зрелища... День за днём наблюдая за тем, как, сбившись с начертанного праведного пути, люди уверенным маршем снова следуют в бездну отчаяния, свету небесной выси он предпочёл покой и забвение лунного света...» – тихо и печально произнёс Демон и, задумчиво взглянув куда-то вдаль за окном, добавил – «Меня попросили дать приют и комфорт его уставшей душе... Я выполнил эту просьбу. Вот и сейчас, сидя в одиночестве в своём небольшом домике с садом на далёком морском побережье, позабыв о прошлом, он с безмятежной улыбкой и радостью смотрит на бесконечную лунную дорогу...».

«Весьма печальная история...» – медленно произнёс Легасов, после чего, сделав очередной глоток кофе, с холодной улыбкой добавил – «Впрочем, я не уверен, что могу доверять твоей интерпретации прошлого. Прости, за грубость, но ты, Демон, мягко говоря, лицо заинтересованное. Вполне, вероятно, что всё было несколько не так или же совсем иначе...».

В глазах пушистой бестии, чувства которой были бесперемонно проигнорированы наглым юнцом, стремительно промелькнула ярость, сменившаяся холодным душераздирающим оскалом зубов, после чего Кот медленно со злостью произнёс – «Давно мне не приходилось слышать подобной дерзости в свой адрес. Да, ты, Шахматист, определённо не какой-нибудь наивный майор, но во что бы ты там не верил, не надейся – это тебе не поможет, ибо твоя тёмная душа уже принадлежит мне!».

«Демон, а ты ведь нарушил наш контракт...» – спокойно и деловито произнёс юноша, подливая кофе в чашку, припомнив – «Согласно нашему договору, в случае твоего поражения,

ты должен был оставаться в этом облике в этом доме, до самой моей смерти. Оставаться здесь, не делая ничего, что прямо или косвенно могло бы причинить мне вред...».

«Я здесь... И я всё в том же глупом облики, в котором меня угораздило явиться к тебе в тот раз» – сквозь зубы холодно процедил Кот и, медленно пододвинув свою морду с улыбкой многочисленных зубов юноше на расстояние вытянутой руки, добавил – «Или ты, скажешь, что ты этого не заметил?».

«А вид, кстати, просто роскошный, даже не знаю, что тебе в нём не нравится...» – с улыбкой пожал плечами Алик, мягко потрепав рукой белоснежный мех на щеке кошачьей морды.

«Вот только без фамильярностей!» – искренне в сердцах возмущился Кот, отбросив в сторону руку юноши, после чего с обиженным видом усевшись обратно в кресло, пояснил – «Вид в целом, конечно, неплохой и признаться честно, за эти годы я к нему даже привык, но, вот обычные люди, к сожалению, воспринимают его как-то неоднозначно...».

«Что же до договора, то ты нарушил последний пункт, наведя на меня людей, искренне желавших моей смерти...» – мягко произнёс Легасов, внимательно оценивая реакцию собеседника.

«Я всего лишь оказал небольшую услугу твоему другу, который искал тебя днями напролет. Что же в этом предосудительного?» – с улыбкой пожал плечами Кот, добавив – «В конце концов, не ты ли сам назвал майора другом в одном из писем при формировании трастового или как его там фонда, разве нет?».

«Да, но ты знал, что за ним следили...» – настойчиво продолжил Алик.

«Шахматист, это ты и только ты сам, нажил себе всех этих врагов. Моя же совесть чиста...» – коварно улыбнулся Кот, добавив – «Да и откуда мне было знать, что целью тех, кто следил за майором, был именно ты? Даже мне, Демону, не подвластно будущее, определяемое волей людей! Откуда же мне было знать, что они шли за тобой? Поэтому это не нарушение договора. Это просто судьба – твоя судьба, Шахматист...».

Где-то за окном в очередной раз раздался громкий раздражающий удар грома...

«Жалкий лепет...» – холодно и безальтернативно произнёс юноша, предусмотрительно опустив вертевшееся на языке окончание фразы, гласившее – «...неудачника».

«Что?!» – яростно взорвался эмоциями Кот и, распрямившись во весь рост, оскалив огромные зубы, тихо прошипел – «Я Демон, если ты не забыл, Шахматист! И не пристало мне отчитываться здесь, в своих владениях, перед смертным, кем бы он ни был!».

Юноша спокойно кивнул головой в знак согласия, не проронив ни слова.

Яркий огонь, стремительно бушевавший в огромных зелёных глазах бестии, медленно погас, после чего Кот, сев на кресло и вновь взяв в руки любимую чашечку с кофе, рассудительно произнёс – «Возможно, я и был в чём-то не прав. В конце концов, а, действительно – да кто такой этот Мазаев, чтобы ему так доверять?! Сегодня друг, а завтра враг – сколько раз так бывало в истории, ведь так? Впрочем, и тебе, Шахматист, стоило с большей разборчивостью подходить к тем, кого ты называешь своим другом. Однако прошлого уже не вернуть, ибо это естественный порядок вещей...».

Легасов сделал глоток горячего кофе, с интересом ожидая продолжения, после столь интригующего начала.

«Знаешь, Шахматист, многие люди, здесь в этой самой комнате, стоя на коленях, слёзно молили меня о пощаде, обещая отдать всё, абсолютно всё, что у них было и даже собственную душу за шанс прожить ещё несколько лет, месяцев или даже дней... А ради чего? Все они наивно полагали, что за отведённое им время они успеют замолить свои грехи. О глупые и наивные смертные, возомнившие, что смогут меня обмануть! Подобные души я, не глядя, отправлял в самые пучины бездны...» – поучительно произнёс Кот, и, подперев своей пушистой лапой, голову, мечтательно продолжил – «Впрочем, были и весьма забавные исключения из этого общего правила – в основном, конечно, это были политики, общественные деятели

и высокопоставленные чиновники. Люди, которые в обмен на годы своей бесценной жизни предлагали не деньги, золото и всякую ерунду, а... нечто намного более интересное – души. Души других людей, которых они приведут за собой, если я дам им второй шанс.

До чего же изобретательны и забавны были отдельные из них в своих искренних попытках меня убедить! Одни обещали мне допустить к обороту наркотики, а хотя бы и лёгкие, легализовать азартные игры и проституцию. Другие брались за то, чтобы засыпать оружием весь этот мир, развернув маленькие победоносные войны по какой-нибудь там неведомой оси зла. Третьи заверяли, что напишут книги и снимут фильмы о кризисе веры и величии тьмы. Иные же и вовсе делали ставку на нетрадиционную ориентацию во всех её проявлениях, предрекая развал и деградацию института семьи. А сколько ещё всего они мне предлагали!

Признаться честно, некоторым из этих людей я действительно дал второй шанс, но, разумеется, вовсе не из жалости, сострадания или симпатии их безумным идеям...».

«Всё ради эксперимента, надо полагать?» – с улыбкой догадливо поинтересовался юноша.

«Да. Признаться честно, меня всегда интересовал вопрос – насколько глубоко может пасть человек, лишённый веры и базовой системы ценностей... Впрочем, зачем мне самому ставить подобные эксперименты над людьми, если среди вас, смертных, всегда найдутся люди, желающие сделать это добровольно, весьма креативно и по собственному усмотрению? Всё что остаётся мне – это просто наблюдать...» – широко улыбнулся Котьяра, с несколько извиняющимся видом, продолжив – «Знаешь, чувствуя за собой некоторую вину за то, что я не досмотрел за этим твоим Мазаевым, в результате чего произошло то, что произошло, я бы хотел, так сказать, в порядке исключения предложить тебе сделку...».

«Сделку?» – с интересом переспорил Легасов, ожидая подробностей.

«Именно – сделку» – одобрительно кивнул Кот, пояснив – «Я верну тебе остаток твоей жизни в обмен на твою душу...».

«Если не ошибаюсь, ты говорил, что моя душа уже принадлежит тебе, Демон...» – припомнил юноша, спросив, прямо глядя Коту в глаза – «Зачем же тебе договор на душу, которая уже и так принадлежит тебе? Зачем тебе давать мне остаток моей жизни, в обмен на то, что у тебя уже есть?»

«Считай это моим жестом доброй воли...» – добродушно улыбнулось потустороннее создание, добавив – «Что же до твоей души – да, сейчас, она принадлежит мне, но я бы не хотел никаких неожиданностей в будущем. Это страховка, на случай, если, проживая подаренный тебе мной остаток жизни, ты вдруг надумаешь попробовать искупить свои грехи. При наличии же контракта, ты, как юрист, сам понимаешь, у меня будут соответствующие гарантии и права требования на предмет договора...».

За окном раздался глухой удар грома такой силы, что на оконном стекле появились первые трещины...

«Не интересует...» – холодно ответил Алик, снова принявшись за чашку горячего кофе.

Зелёные глаза Кота вновь вспыхнули огнём, после чего, сгорая от любопытства, он медленно поинтересовался – «Шахматист, понимаешь ли ты, что ты только что отказался от возможности жить дальше? От возможности вернуться и вразумить людей, пошедших за тобой, прямой дорогой в ад? До сего момента, признаться честно, я не сомневался твоей разумности и способности принимать правильные решения, даже в этой весьма щепетильной и нестандартной ситуации, но сейчас я начинаю терять веру в тебя... Можно спросить почему?».

«Заканчивай, этот спектакль, Демон...» – устало попросил юноша.

Пушистая бестия снова распрямилась и, встав из-за стола, подошла к молодому человеку, наградив его разъярённым гневным взглядом. Пододвинув морду с острыми зубами прямо к лицу юноши, Кот спросил – «Может, потрудишься объяснить?».

Алик внимательно посмотрел в сверлившие его зелёные глаза потустороннего существа, после чего поставив чашку с остатками кофе на стол, с улыбкой мягко произнёс – «А ведь ты всё ещё в том же облиии... Облиии, которое тебе столь ненавистно. И, несмотря ни на что, ты всё ещё торгуешься за душу... Мою душу... Что лишний раз убеждает меня, что наш договор всё ещё в силе...».

«Договор утратил силу с твоей смертью...» – холодно и цинично с улыбкой произнесла кошачья морда.

«Значит, я ещё жив...» – добродушно улыбнулся юноша в ответ.

«Посмотри же на себя внимательно...» – с прежней улыбкой произнёс Кот, дружелюбно добавив – «А это моё обличие – всего лишь для твоего удобства».

Юноша опустил взгляд, увидев как на его белоснежной рубашке с красивым галстуком, медленно расплывались два огромных пятна багровой крови...

«Вот видишь – ты, всё-таки, умер...» – с сожалением и печальным взглядом огромных зелёных глаз пожал плечами Кот, добавив – «Мне жаль...».

За окном снова грянул гром, вибрация которого глухо отдалась по стенам и перекрытиям дома...

«Всё это ложь, Демон...» – оторвав взгляд от окровавленной рубашки, медленно произнёс Легасов, продолжив, глядя Коту прямо в глаза – «И мне, почему, то кажется, что там за окном – это вовсе не гром, а стук – стук сердца... Живого человеческого сердца, что всё ещё гонит кровь, в надежде когда-нибудь пробудить своего владельца...».

Пушистая морда отодвинулась от юноши, после чего Кот быстро распрямился во весь рост и рассмеялся. Раскатистый и звонкий смех потустороннего существа наполнил весь дом, дополняемый звоном вибрировавших стёкол и посуды в доме...

«Давно я так не веселился!» – наконец, взяв себя в руки, произнёс Кот, с умилением добавив – «Я и не ожидал от тебя меньшего, Шахматист. Впрочем, знаешь, жить и не быть мёртвым – это совершенно разные вещи. И пока твоё сознание здесь – со мной, твоё тело там просто доживает свой биологический век. И после всего этого ты всё ещё не хочешь заключить со мной договор? Разве полноценная жизнь, не стоит того, чтобы отдать за неё душу, в существование которой ты сам до сих пор веришь с большим трудом?».

«Этого не будет...» – не задумываясь, решительно ответил юноша, пояснив свою позицию – «Я не собираюсь разбрасываться вещами, об истинной ценности которых, я не имею ни малейшего представления...».

Кот с явным неудовольствием и разочарованием на лице сел обратно в кресло, раздражённо отодвинув от себя поднос с кофейником.

«Впрочем, это не значит, что я не готов дать тебе возможность взять реванш...» – мягко продолжил Алик, добавив – «Вопрос лишь в условиях игры...».

«И что ты готов поставить на кон?» – с заметным оживлением в глазах поинтересовалась кошачья морда.

«Я поставлю на кон тот облик и ту свободу, что ты проиграл в прошлый раз...» – улыбнулся юноша, уточнив – «Полагаю это вполне щедрое предложение, ибо, что может быть дороже свободы выбора и передвижения для тебя, Демон, разве нет?».

«Да, но зачем мне играть? Согласно договору я ведь обрету их и так – после твоей смерти...» – с невинной улыбкой переспросил Кот.

«Разумеется, но, сколько десятилетий на это может уйти?» – с долей иронии в голосе поправил его юноша, продолжив – «Десятилетий твоего заточения, Демон, в этом проклятом доме и ненавистном тебе образе...».

«Что ты попросишь взамен?» – отчасти смягчившись и призадумавшись, переспросил Кот.

«Всего лишь самую малость – прощения грешной души...» – улыбнувшись, произнёс Алик.

«Прощение грешной души? Знаешь, столь странно слышать нечто подобное от человека, не верящего в её существование...» – с улыбкой развёл руками Кот, рассудительно добавив – «Впрочем, я даже рад, что тебя стали заботить подобные вещи, но хорошо ли ты, Шахматист, знаешь, что это значит? Полагаю, ты понимаешь, что нельзя простить душу человека не оторвав её от брэнного тела – чтобы отпустить душу, мне придётся забрать тело. Забрать его до самой последней капли крови! И, знай, что это будет больно – больно как никогда!».

«Звучит вполне приемлемо...» – одобрительно кивнул Алик.

«Вряд ли это будет равноценная сделка, ибо ты ставишь слишком мало за то, что про-
сишь взамен...» – задумчиво произнесла пушистая бестия, теребя острыми когтями дубовую поверхность стола, предложив – «Впрочем, я, пожалуй, приму твой вызов, если ты, как и в прошлый раз, рискнёшь поставить на кон ещё и свою душу... Что скажешь?».

«Идёт...» – кивнул юноша, протягивая руку потустороннему созданию.

Кот пожал протянутую руку, в знак заключённого между ними договора, после чего, расплывшись в самодовольной улыбке, встал из-за стола и, бодрым шагом пройдя к стоявшему в углу письменному столу, взял со стола шахматную доску и фигурки, со словами – «Полагаю, ты, Шахматист, думал, что сможешь снова легко меня победить? В этом случае спешу тебя разочаровать – у меня было тринадцать лет заточения! Тринадцать долгих лет практики со многими лучшими мастерами этой игры, души которых заточены в мире тьмы!».

Юноша, ничего не ответив, с улыбкой в очередной раз наполнил свою опустевшую кружку горячим напитком из кофейника...

Цель

(29.04.2013, Москва, 08–45)

Суэта и обсуждение последних новостей, царившие в это солнечное утро в конференц-зале главного следственного управления, быстро смолкли при долгожданном появлении высокопоставленного чиновника администрации.

Владислав Аркадиевич, выглядевший несколько более мрачно и неприветливо, чем обычно, коротко кивнув собравшимся в зале, занял своё место во главе стола. Вошедшие одновременно с руководителем Виталий Семенов и Руслан Беляев поздоровались с присутствующими и сели за стол.

«Доброе утро, коллеги...» – утомлённо произнёс чиновник администрации, быстро окинув взглядом членов группы, подготовивших папки с документами для официального доклада. Сделав небольшую паузу Широко, приветственно кивнул генералу Пухову и Велисаровой Людмиле, после чего спокойно продолжил – «Перед тем как заслушать доклад группы по ситуации с расследованием дела, я бы хотел акцентировать ваше внимание на последних новостях, о которых вполне возможно ещё не все из вас слышали. Речь идёт, конечно же, об очередных изменениях в чёрном списке экзорцистов, которые носят отчасти скандальный характер и грозят занять первую полосу всех новостных изданий в стране и за рубежом. Виталий, прошу, ознакомьте коллег, с последними новостями...».

«Около трёх часов тому назад, как обычно, неустановленными лицами произведено очередное обновление информации на публичном сайте движения экзорцистов и нескольких зеркальных сайтах данного ресурса...» – быстро прошёлся по технической стороне вопроса Семёнов, продолжив – «Среди основных изменений одно представляет особый интерес. В чёрном списке из ста коррумпированных чиновников, которым экзорцистами заочно вынесен свой вердикт, произошли перемены – в частности, глава агентства по управлению государственным имуществом, Матвей Захарович Яров, за неделю поднялся с семьдесят второй строчки до первого места, тем самым возглавив список. Разумеется, на сайте террористического движения не представлено никаких комментариев в отношении причин столь невероятного роста популярности данного чиновника в их рейтинге».

«Полагаю, коллеги, все вы прекрасно понимаете то, насколько нестандартной представляется данная ситуация – впервые первое место в расстрельном рейтинге экзорцистов занял не просто какой-нибудь чиновник, а глава агентства по управлению государственным имуществом. Руководитель агентства, через которое в последние годы проходили все приватизационные и иные сделки, связанные с распоряжением государственным имуществом. Чиновник федерального значения, жизни которого в настоящее время угрожает опасность...» – задумчиво покачав головой, произнёс Владислав Аркадиевич, спокойно продолжив – «Разумеется, инциденты с чиновниками федерального уровня были и раньше и мы все прекрасно помним убийство руководителя таможенной службы, Николая Альбертовича Мурашова, произошедшее около полутора лет тому назад. Впрочем, коллеги, надо понимать, что для широкой общественности «самоубийство» Мурашова, так и осталось самоубийством, без афиширования его связи с деятельностью экзорцистов. Что же до личности Матвея Захаровича Ярова, то ситуация на информационном фронте, помимо федерального уровня чиновника, отягощается и весьма отличительной спецификой деятельности его агентства. Руслан, прошу Вас, изложить коллегам Вашу точку зрения...».

«Включение чиновника федерального уровня в список само по себе не является чем-то странным и неожиданным...» – переняв эстафету, произнёс директор центра стратегических исследований, продолжив – «В частности, среди последних мест второго списка экзорцистов из тысячи потенциально коррумпированных чиновников, значится почти половина всего нашего

кабинета министров. Впрочем, мы все понимаем, что это не более чем элемент показательной игры. Этим экзорцисты говорят всем, что для их движения «неприкасаемых» нет. Это своего рода их политическая декларация, но не более того – именно поэтому все эти имена в течение длительного времени не двигаются в списке. В данном же случае – Яров возглавил их основной список и есть все основания полагать, что он, действительно, является их следующей целью. В целом оценивая информационный эффект от подобного жеста, который представляет собой не что иное как брошенный экзорцистами нам очередной вызов, нужно отметить, что данное действие может быть воспринято, в том числе и как пересмотр концепции толерантности данного движения в отношении итогов отдельных приватизационных сделок или программы приватизации в целом. Дальнейшее развитие ситуации в данном направлении способно спровоцировать панику уже не только в рядах чиновников, попавших в списки, но и среди предпринимателей и владельцев бизнеса, так или иначе связанных с приватизированным государственным имуществом, а также массовый отток инвесторов из страны, весьма чувствительных к рискам возможного пересмотра итогов приватизации в России...».

«Принимая во внимание, федеральный уровень чиновника и вероятные масштабные негативные последствия в случае достижения экзорцистами своей цели, ситуация представляется весьма взрывоопасной...» – пояснил чиновник администрации, в спокойном тоне продолжив – «Если у кого-то есть вопросы или предложения на этот счёт, прошу высказываться...».

«Владислав Аркадиевич, а можем ли мы рассчитывать на неофициальный разговор с самим чиновником или, мягко скажем, на его аудиенцию в целях уточнения причин столь неожиданного перемещения его фамилии в списке экзорцистов?» – быстро с интересом переспросила Велисарова.

«Я пытался убедить Матвея Захаровича в полезности подобного неформального общения со следствием...» – мягко ответил Широ, с сожалением добавив – «Впрочем, безуспешно – по вполне понятным причинам, он не заинтересован в диалоге, по всей видимости, опасаясь неудобных вопросов о размере или источниках происхождения его капиталов. Сам же Яров довольно спокоен и убеждён, что в состоянии справиться с данной проблемой самостоятельно без посторонней помощи...».

В последующую минуту в зале наступила тишина, свидетельствующая об отсутствии дальнейших предложений со стороны членов оперативно-следственной группы.

«В этом случае, если нет иных предложений и вопросов нет...» – ещё раз окинув всех взглядом, произнёс Широ, добавив – «В этом случае прошу всех принять данную информацию к сведению. Переходим к докладу группы...».

«Владислав Аркадиевич, разрешите задать вопрос, не совсем относящийся к обсуждаемой теме, но, безусловно, интересующий всех членов оперативно-следственной группы...» – поинтересовалась Людмила, понимая, что иного шанса может уже и не быть. Получив требуемый неуверенный кивок чиновника, изрядно озадаченного подобной постановкой вопроса, Велисарова быстро продолжила – «Четыре дня тому назад майор Мазаев, которого все мы очень хорошо знаем, был в срочном порядке вызван в Москву по линии федеральной службы безопасности. В настоящее время ни мы, ни его коллеги по управлению во Владивостоке не можем с ним связаться, равно, как и уточнить его дальнейшую судьбу. Понимая, что обособленность отдельных действий майора в недавнем прошлом могла вызвать ряд вопросов со стороны уважаемого ведомства, тем не менее, со своей стороны, в случае необходимости, мы все готовы поручиться за него...».

«В этом абсолютно нет никакой необходимости...» – улыбнулся Широ, оборвав монолог руководителя группы, спокойно продолжив – «В данном случае вам не о чем волноваться – майор Мазаев вместе с полковником Трошиным, которого полагаю, вы все также не досчитались в последние несколько дней, выполняют особо важное поручение руководства. Ввиду

специфики задания в ближайшие несколько дней они, вероятнее всего, не смогут выйти с вами на связь...».

«Они оба на задании?» – ничего не понимая, настороженно переспросила Велисарова.

«Именно...» – кивнул Владислав Аркадиевич, после чего оценивающе посмотрев на присутствующих, по всей видимости, решая для себя насколько целесообразно вдаваться в детали, пояснил – «Принимая во внимание, очередное обострение ситуации с деятельностью экзорцистов, они должны сделать то, что не удалось сделать Павлу Кузовлеву – в сжатые сроки выйти на контакт с данным движением...».

«Выйти на контакт?» – с ещё большим удивлением переспросила Людмила, озвучив повисший в воздухе вопрос – «Каким же образом?».

«Разумеется, через единственно известный нам на данный момент возможный канал связи с ними...» – развёл руками Широ, с улыбкой добавив – «Через Элис Фостер...».

По всему залу прошёлся вздох удивления.

Сдерживая целый вал вопросов, захлестнувших сознание, и всё ещё не видя связи между планами руководства и срочным отзывом Мазаева из Владивостока, Людмила осторожно поинтересовалась – «А почему именно Сергей? Зачем потребовался Мазаев?».

«Сергей Мазаев в данный момент, пожалуй, единственный человек из нашей системы, которого Элис уже видела, хотя и не при самых лучших жизненных обстоятельствах – на похоронах Легасова в соборе Святого Патрика. Именно этим фактом обусловлено его обязательное участие в данном задании...» – устало повторил чиновник свою собственную недавнюю фразу, добавив – «Впрочем, коллеги, вернёмся к работе. Александр Владимирович, прошу Вас начать доклад по ситуации с расследованием дела...».

Спустя несколько секунд шепот участников межведомственной оперативно-следственной группы стих, уступив место размеренному тону генерала, докладывавшего о последних изменениях в ходе расследования дела об экзорцистах...

Посланники

(30.04.2013, Лондон, 12–00)

«Пожалуйста, ещё один капучино...» – с улыбкой на ломанном английском любезно произнёс Трошин, официанту, в очередной раз подошедшему к их столику, и, после чего, подождав пока тот уйдёт, уже на русском устало признался – «Майор, мне скоро от всего этого кофе плохо станет. Мы здесь уже третий час сидим – ты уверен, что это вообще стоящая идея? Может нам пора всё-таки сменить тактику?».

«А у нас есть иные варианты?» – спокойно поинтересовался Сергей, внимательно поглядывая на улицу, со второго этажа небольшого лондонского ресторанчика, расположенного прямо напротив офиса БритишИнвестментЮниверс (British Investment Universe), резонно предложив – «Можно было бы, конечно, просто позвонить секретарю и под каким-нибудь благовидным предлогом попросить аудиенции интересующего нас уважаемого вице-президента по стратегии...».

«Сам знаешь – это не наш вариант...» – недовольно проворчал Александр, напомнив – «Если Элис, действительно связана с британской разведкой, в чём наш генерал Пеняев уверен на все сто, то, очевидно, что на контролируемой встрече мы ничего не сможем ей рассказать. Поэтому нужен элемент спонтанности...».

«Вот поэтому – это самое лучшее место...» – впервые за долгое время, оторвав взгляд от окна, произнёс Мазаев, многозначительно добавив – «Можешь положиться на мой богатый опыт в вопросе организации незапланированных встреч. Чего мы только не перепробовали, там, в Нью-Йорке, пока две недели подряд искали возможность выйти на контакт с Легасовым. Впрочем, понимая к чему это всё в итоге привело, лучше было мне его и не находить...».

«А, кстати, ты ведь мне так и не рассказал, как вы с этой, как её там, Логиновой, вообще смогли выйти на нашего независимого консультанта, который, надо полагать, со своей стороны не горел особым желанием с вами увидеться... Это же было словно искать иголку в стогу сена, разве нет?» – заметно оживившись, поинтересовался Трошин.

«Интуиция... Обычная интуиция и дело случая...» – нервно улыбнулся Сергей, с лёгким содроганием вспомнив при каких именно обстоятельствах, ему самому в действительности довелось узнать местоположение Легасова. После чего майор ещё раз взглянул в окно и с заметным удивлением, показывая куда-то вдаль, быстро произнёс – «Это же наша Элис – та девушка, что выходит из здания...».

Александр посмотрел в направлении входа в здание офисного центра, располагавшегося прямо через дорогу, и увидел элегантную девушку в деловом костюме чёрного цвета с роскошными длинными светлыми волосами, грациозно спускавшуюся по лестнице в сопровождении двух солидно выглядевших охранников.

Сергей, пробормотав что-то про себя, моментально вскочил из-за столика, расположенного в уютной изолированной зале на втором этаже ресторана, и, выбежав из помещения, бросился к лестнице.

«Давай, майор – удачи!» – улыбнулся ему вслед Трошин, по совместной договорённости оставшийся ждать звонка коллеги с приглашением присоединиться к разговору, если, конечно, у вице-президента уважаемой компании на этот счёт не будет каких-либо возражений.

Спустившись вниз и добежав почти до самых стеклянных уличных дверей заведения, Сергей остановился как вкопанный, увидев, как девушка с охранниками, перейдя через дорогу, направилась напрямик к их ресторанчику. Спустя несколько секунд небольшой звонок, прикрепленный к входной двери, вздрогнул, свидетельствуя о вновь прибывших гостях заведения.

Вице-президент по стратегии одобрительно кивнула подоспевшей хозяйке ресторанчика, любезно показывавшей ей в направлении заранее забронированного столика, после чего оки-

нула взглядом заведение. Дойдя до застывшего в двух метрах от входной двери Мазаева, взор девушки вздрогнул от неожиданности...

«Элис? Элис Фостер?» – мягко, по возможности, стараясь выглядеть приветливо, произнёс Сергей после чего, увидев довольно агрессивную реакцию её охранников, моментальную вставших стеной между ним и девушкой, поспешно на ломанном английском добавил – «Мы уже с Вами встречались. Вы меня помните?».

Вице-президент ещё раз внимательно оценивающе посмотрела на майора, после чего отдалённо припоминая, что она, действительно, когда-то видела похожего человека, впрочем, совсем не в чёрном официальном костюме, как сейчас, а в синих джинсах и неказистой лёгкой куртке, медленно произнесла – «Вы, кажется, были на похоронах Алика Легасова в соборе Святого Патрика...».

«Да, да, точно – в Нью-Йорке...» – одобрительно кивнув, на ломанном английском подтвердил Сергей.

«Если не ошибаюсь, в тот раз Вы хромали на костылях в сопровождении нескольких человек из департамента полиции...» – продолжила девушка, окончательно вынеся вердикт – «Вы, надо полагать, тот самый майор Мазаев, которого потом показывали во всех новостях, в связи с событиями в башне и гибелью некоего Эндрю Линсона...».

«Да, именно, тот самый майор – Сергей Мазаев...» – с явным смущением от упоминания своего имени в столь щепетильном контексте, запинаясь, произнёс майор, ещё раз кивнув головой.

«И что Вам угодно, Сергей?» – к большому удивлению майора, уже на ломанном русском довольно бегло, но вместе с тем холодно и отчётливо произнесла Элис, очевидно, считая подобный диалог на входе в заведение некстати затянувшимся...

«Я бы хотел с Вами поговорить...» – быстро перейдя на русский язык, произнёс Мазаев и, взглянув на всё ещё стоявших по обе стороны от девушки накачанного вида телохранителей, добавил – «По возможности, наедине – в этом ресторане...».

«О чём именно Вы бы хотели со мной поговорить?» – деликатно поинтересовалась вице-президент уважаемой компании.

«Это вопрос жизни и смерти...» – быстро выдал майор, с удивлением осознав, то, как странно в действительности прозвучала данная простая и избитая фраза в контексте того, что именно они с Александром предполагали ей рассказать впоследствии, поспешно добавив – «Всего пять минут Вашего времени и ни минутой более...».

Девушка взглянула на часы и, кивнув головой, холодно произнесла – «Пять минут и ни секундой более...».

«На втором этаже ресторана заказан столик чуть поодаль от всех остальных, для того, чтобы мы могли поговорить в приватной обстановке...» – мягко приглашающе произнёс Сергей, добавив – «Если Вы не возражаете, Элис, кампанию нам составит ещё один мой коллега...».

С последними словами Фостер, устало покачав головой, одарила майора недобрым взглядом, после чего проследовала за ним на второй этаж, где, дав необходимые распоряжения своей личной охране, оставшейся возле лестницы, вошла в небольшую уютную изолированную залу.

Александр, сидевший за столом с очередной чашкой порядком надоевшего ему кофе, быстро встал, при появлении девушки, и с улыбкой протянув руку, вполне сносно представился на английском языке – «Александр Трошин, полковник российской федеральной службы безопасности...».

Изрядно удивлённая подобным «коллегой» майора, Фостер, расположилась в кресле за столиком напротив их обоих, в ожидании продолжения.

«Элис, мы бы хотели включить глушитель электронных средств связи, поскольку, предполагаемый разговор носит высоко конфиденциальный характер, если Вы, конечно, не возра-

жаете...» – мягко попросил Трошин, пытаясь убедительно донести нужную ему мысль на иностранном языке.

Зелёные глаза девушки ещё больше расширились от удивления, после чего она на беглом русском ответила – «Если это так необходимо, то, пожалуйста...».

«Вы говорите по-русски?» – с заметным облегчением и улыбкой произнёс Александр, включая небольшое устройство, извлечённое из кожаного портфеля.

«Я полтора года интенсивно изучала язык...» – холодно кивнула Фостер, с интересом наблюдая за тем как уровень сигнала на её коммуникаторе резко снизился, вслед за чем связь на устройстве и вовсе окончательно пропала. Оторвавшись от экрана телефона, вице-президент язвительно поинтересовалась – «Чем обязана вашему вниманию, господа? Полагаю, вы не собираетесь попытаться завербовать поданную Её величества за оставшиеся четыре минуты нашего разговора?».

«Вовсе нет, Элис, ну что Вы...» – рассмеялся над удачной шуткой собеседницы Трошин и, убедившись в отсутствии радиосигналов поблизости, о чём свидетельствовало включённое устройство, мягко продолжил – «Предлагаю построить наш диалог следующим образом – за первую минуту мы с майором расскажем Вам официальную версию того зачем мы здесь. В последующие три – то, что в действительности привело нас к Вам. Вы согласны?».

Элис, несколько озадаченная прямоотой предложенного подхода, утвердительно кивнула.

«Принимая во внимание значительно обострившуюся внутривнутриполитическую и международную обстановку, в связи с очередным этапом активизации деятельности экзорцистов, передо мной и Сергеем Мазаевым, руководством поставлена срочная задача особой важности – выйти на контакт с данным движением для обсуждения возможных мер по урегулированию ситуации. Разумеется, неформально и не афишируя факта контакта...» – кратко изложил суть полковник, с деловым тоном пояснив – «Ввиду полного отсутствия какого бы то ни было контакта с ними, мы обратились к Вам. Всецело понимая, что, в свою очередь, Вы лично никак не связаны с данным террористическим движением, мы со своей стороны все же полагали, что, после громкого инцидента с Вашим похищением неустановленными лицами и последующим высвобождением силами экзорцистов, Вы могли бы располагать определённой информацией о людях, связанных с данным движением. В свою очередь это бы помогло нам установить с ними искомый контакт...».

Глаза девушки расширились от удивления, после чего она поспешно покачала головой, по всей видимости, подбирая нужные слова в русском лексиконе для выражения захлестнувших её эмоций...

«Разумеется, всё это не более чем, официальная версия нашего диалога...» – с улыбкой произнёс Александр, положив на стол две визитки, продолжив – «Поэтому, предлагаю, не тратя времени на её обсуждение, обменяться контактами и закрыть этот вопрос, перейдя ко второй части нашего разговора. А именно к тому, что мы хотели бы обсудить с Вами на самом деле...».

«Признаться, господа, мне даже трудно предположить, что вы собираетесь со мной обсуждать на самом деле после вашей столь впечатляющей и сногшибательной официальной версии...» – с иронией произнесла вице-президент, убрав визитки своих собеседников в небольшую дамскую сумочку и, положив, на стол визитку со своими контактами.

«Около недели тому назад в Нью-Йорке возле стен местного университета произошёл довольно неприятный инцидент с покушением на жизнь лидера одного из российских молодёжных движений, Павла Кузовлева. Данная новость попала в заголовки всех основных газет и средств массовой информации, поэтому вполне, вероятно, что Вы об этом уже слышали. В результате данного инцидента Павел с огнестрельным ранением плеча попал в один из крупнейших медицинских центров города, где ему была проведена операция и оказана необходимая помощь. Спустя два дня он в срочном порядке вернулся в Россию...» – издали плавно начал изложение Трошин, спокойно продолжив – «Разумеется, сам по себе этот инцидент не

представляет особого интереса и так бы и остался без внимания, если бы не одно весьма важное обстоятельство...».

«Обстоятельство?» – не совсем понимая, о чём вообще именно идёт речь, переспросила Элис.

Утвердительно кивнув, Александр, осмотревшись по сторонам, осторожно извлёк из портфеля тонкую пачку из двух десятков цветных фотографий большого формата и, внимательно наблюдая за реакцией вице-президента, положил их на стол.

Девушка с ничего не понимающим выражением лица, взяла в руки фотографии, не предполагая увидеть чего-либо стоящего её внимания и времени. Вместе с тем, уже спустя несколько секунд её лицо побледнело, глаза расширились от удивления, после чего, прикусив нижнюю губу, дрожащими руками она молча перебрала всю пачку, медленно и вдумчиво рассматривая каждый кадр.

«Что это?» – наконец совладав с собой, всем видом стараясь не выдать волнения, дрожащим голосом произнесла Элис, внимательно и, уже совсем по-новому, посмотрев на обоих сидевших напротив неё мужчин.

«Это фотографии, которые Павел Кузовлев сделал на свой сотовый телефон в одной из палат больницы неделю тому назад. Дату можно увидеть, в том числе и на одном из медицинских приборов на снимке номер шесть...» – мягко пояснил Трошин, с удовлетворением про себя отметив, волю и выдержку девушки, не допустившей ни вскрика, ни даже возгласа при виде надо полагать душераздирающих для неё фотографий.

Фостер ещё раз перелистала фотографии и, убедившись в наличии датировки на указанном кадре, дрожащим от волнения голосом поинтересовалась – «И кто именно изображён на этих снимках?».

«Формально – это некий пациент с именем Джон Браун, что видно на одном из снимков. В действительности же, мы точно не знаем кто именно этот юноша...» – искренне развёл руками Трошин, продолжив – «Впрочем, это не мешает нам сделать предположение о том, кто бы это мог быть. Сам же Павел Кузовлев, сделавший данные фотографии, был настолько шокирован и испуган увиденным, что сразу после этого сделал звонок в российское консульство в Нью-Йорке с просьбой оказать содействие в его срочном возвращении на родину. Дело в том, что в своё время Павел принимал участие в открытых дебатах с Аликом Легасовым, и, соответственно, знал его лично. Поэтому когда Кузовлев перепутал палаты и по ошибке увидел на «своей» кровати в больнице, как ему тогда показалось, лежавший труп Легасова, его, по его же собственным, словам чуть не хватил сердечный удар...».

Девушка нервно вздрогнула при упоминании имени Легасова, после чего дрожащей рукой налила в свободный стакан воды и, сделав несколько спасительных глотков, с ужасом в голосе тихо переспросила – «Что именно значит «ему показалось»? Значит, он видел не труп?».

«Разумеется, нет...» – мягко поправил собеседницу Александр, резонно заметив – «За полтора года физическое тело, скажем мягко, безусловно, бы деградировало до известной степени, чего не наблюдается на представленных фотографиях. Да и согласитесь, какой смысл держать в больничной палате труп?».

«Он жив?!» – прикрыв рукой рот, тихо в шоке от самой мысли о возможности чего-то подобного по-английски произнесла Элис, прошептав снова уже на русском – «Разве, это возможно?».

«Проведя анализ снимков, медики уверены, что пациент на данных снимках жив и находится в состоянии глубокого летаргического сна, которое характеризуется заметным падением температуры тела, снижением дыхательной активности, замедлением обменных процессов и практически полным отсутствием пульса...» – повторил заученную фразу Трошин, мягко добавив – «Он определённо жив...».

«Этого не может быть!» – эмоционально произнесла девушка, глаза которой вспыхнули огнём, с явным раздражением, прикусив губу, добавив – «Я была на церемонии прощания с ним в соборе Святого Патрика – и он был мёртв!».

«Элис, мы с Вами оба были там...» – мягко подключился к разговору до этого молчавший Мазаев, спокойно продолжив – «Я тоже помню его лежавшим, бледным и бездыханным на постаменте в соборе Святого Патрика. Впрочем, теперь, увидев фотографии и услышав описание симптомов заболевания, я уже не уверен, что именно я там видел – его труп или его тело, в состоянии летаргического сна. А Вы уверены в том, что Вы видели?».

Девушка нервно сделала глоток воды, смочив смертельно пересохшее горло.

«Он ведь на этих снимках выглядит точь в точь, как тогда в соборе Святого Патрика...» – медленно произнёс Сергей, добавив – «Мне и самому трудно в это поверить, но, похоже, что это он и, что он, действительно, жив...».

Внимательно выслушав майора, Элис снова взяла фотографии в руки и, нервно, покусывая губу, продолжила перелистывать их кадр за кадром.

«В том проклятом небоскрёбе получив два ранения в грудь и истекая кровью в ожидании прибытия скорой помощи прямо у меня на глазах, Легасов поклялся. Поклялся, что не умрёт...» – тихо продолжил Сергей, опустив ненужные детали о том, кому и зачем консультантом было дано соответствующее обещание, после чего добавил – «И, насколько я его знаю, он всегда держал своё слово...».

«Он жив?» – ещё раз медленно и негромко с удивлением вопросительно произнесла Элис, тихо для самой же себя, добавив – «Жив! Значит, он всё-таки жив!».

Сергей с Александром сидели, молча наблюдая за продолжавшейся внутренней борьбой в сознании девушки, очевидно, глубоко шокированной и ошарашенной всеми этими новостями.

Спустя пару минут, несколько успокоившись, Фостер с трудом оторвала взгляд от фотографий, тихо спросив – «Что Вам нужно? Что Вы намерены предпринять?».

«Элис, возможно, с нашей стороны это прозвучит несколько странно и необычно, но, прошу Вас, понять нас правильно – нам, как, надо полагать, и Вам лично очень нужен Алик Легасов. В сознании, здравом уме и трезвой памяти, рационально и холодно мыслящий – одним словом нам нужен прежний Легасов...» – осторожно расставляя акценты, произнёс Александр.

«Зачем он вам?» – с удивлением раскрыв глаза, тихо прошептала Элис.

«Ситуация с экзорцистами, действительно, зашла в тупик. Полный тупик...» – искренне глядя в глаза девушки, произнёс Трошин, рассудительно продолжив – «Возвращение Легасова, как посредника, да и просто как здравомыслящего человека из окружения экзорцистов, способного предостеречь данное движение от никому не нужных крайностей – это наш шанс стабилизировать ситуацию и снизить напряжённость. Мы не собираемся ни вербовать, ни убеждать его в чём бы то ни было. Всё что нам сейчас нужно – это то, чтобы он просто жил и работал как раньше, самостоятельно принимая те решения, которые он сам считает необходимыми...».

Девушка впервые за долгое время одобрительно кивнула, немного улынувшись.

«Проблема в том, что наш пациент не проснётся сам...» – спокойно развёл руками Александр, пояснив – «Глубокий летаргический сон может длиться десятилетия, вплоть до гибели тела от старости...».

«В смысле ещё не найдено соответствующего лекарства?» – озадаченно поинтересовалась Фостер.

«Это в целом очень редкое и, как следствие, слабо изученное состояние, но, тем не менее, у нас есть действенное экспериментальное средство – это последняя закрытая разработка российских медиков...» – уважительно произнёс Трошин, осторожно достав из портфеля и положив на стол аккуратную пластиковую коробочку с двумя шприцами, наполненными прозрачной жидкостью.

В ответ на немой вопрос, повисший в глазах девушки, Мазаев в свою очередь тихо добавил – «Достаточно одной инъекции в сердце для того, чтобы Алик проснулся. Проблема в том, что мы не знаем, как именно это сделать – он сам лежит под усиленной охраной в госпитале Нью-Йорка. При этом надо понимать, что всю ту масштабную аферу с прощанием с Легасовым в соборе Святого Патрика, свидетелями которой мы с Вами были, и его последующими похоронами, могло санкционировать и повернуть только центральное разведывательное управление США...».

«Полагаю, Элис, Вы понимаете, что любая попытка проникновения к данному пациенту в госпиталь, курируемому центральным разведывательным управлением, со стороны российской разведки может спровоцировать полномасштабный международный скандал...» – кивнув головой, продолжил Александр, подметив – «Разумеется, наше руководство не в состоянии пойти на подобный риск. Да и к тому же, эти фотографии были сделаны неделю тому назад – в настоящее время интересующего нас пациента вполне могли перевести в другую палату или вообще в другой госпиталь, в случае если у американцев возникли подозрения в отношении возможного раскрытия его личности. В целях минимизации утечек информации мы были вынуждены ограничить круг людей, знакомых с данной информацией, и даже временно изолировать Павла Кузовлева под видом профилактического восстановительного лечения, но это, безусловно, лишь временная мера...».

«Чем я могу Вам помочь?» – слегка удручённая обрисованными перспективами, встревоженно поинтересовалась девушка.

«Элис, в данный момент мы не можем сделать для Легасова ничего, кроме как передать это экспериментальное средство тому, кто сможет сделать для него что-то большее...» – мягко и осторожно произнёс Трошин, добавив – «Вам».

«Почему я должна Вам верить?» – глядя полковнику в глаза прямо спросила Элис, резонно продолжив – «Откуда мне вообще знать, что это средство его не убьёт?».

«Элис, он нужен нам. И нужен нам живым, также как и Вам...» – ещё раз спокойно повторил Сергей, для убедительности добавив – «В противном случае нам было бы достаточно ничего не делать, прекрасно понимая, что он не сможет самостоятельно выйти из летаргии в ближайшие годы или даже десятилетия...».

Фостер, слабо убеждённая подобной аргументацией, взяла в руки бокал воды и медленно сделала глоток.

«Выберите шприц – любой из двух...» – с улыбкой произнёс Александр, показывая в сторону лежавшей на столе коробки.

«Левый...» – спокойно ответила девушка, с недоумением пожав плечами.

Полковник осторожно вынул из коробки лежавший с левой стороны шприц, и быстро засучил рукав рубашки, несколько раз сжав и разжав ладонь до появления вены, после чего к неимоверному удивлению наблюдавшей за этим таинственным процессом Элис, поднёс иглу шприца к руке...

«Что Вы делаете?!» – с изумлённым голосом произнесла Фостер.

«Легасову достаточно одной инъекции, вторая же предназначена для чего-то подобного – чтобы при необходимости на практике доказать безопасность данного препарата, в случае наличия сомнений...» – с улыбкой произнёс Трошин, не обращая внимания на побелевшего лицом Мазаева, готовясь сделать показательную инъекцию средства.

«Я Вам верю – в этом нет необходимости...» – быстро произнесла Элис, поспешно добавив – «Пусть лучше будет две дозы средства – на всякий случай...».

Александр, осторожно положил шприц на место, закрыл футляр и спокойно, как ни в чем ни бывало, опустил рукав рубашки.

Сергей вытер со лба, проступивший холодный пот, и нервно сделал глоток остывшего кофе.

Девушка задумалась на секунду, после чего, положив на стол фотографии и отодвинув коробку со средством, твёрдо произнесла – «Я не могу это взять...».

«Элис, но, Вы же понимаете...» – едва успел произнести Мазаев, прежде чем Фостер решительно перебив его речь, продолжила – «Я не могу это взять сейчас, чему есть ряд веских причин. Впрочем, ничто не мешает мне сделать это позже...».

С данными словами девушка взяла в руки свою визитку и на оборотной стороне быстро начеркала адрес анонимной электронной почты, после чего протянув её Трошину, деловым тоном проинструктировала – «Александр, перешлите на данный адрес все эти фотографии, а также подробное описание места, где они были сделаны. Госпиталь, корпус, этаж, палата, система безопасности и прочее. В общем, всё, что вам известно об этом месте. Сюда же сбросьте и указания о том, где вы оставите на хранение данное средство, здесь в Лондоне...».

«Сделаем...» – с улыбкой понимающе кивнул полковник, аккуратно убирая визитку в карман пиджака, понимая, что решение принято.

«Что же, господа, прошу вас передать вашему руководству, что я подумаю, над тем, чем я смогу помочь вам в установлении контакта с движением экзорцистов, но, полагаю, что, в любом случае это потребует определённого времени...» – холодно улыбнулась Элис, практически полностью вернув себе самообладание.

«В данный же момент прошу меня извинить – у меня есть срочные дела...» – учтиво на русском произнесла девушка, изумрудные глаза которой сияли светом, после чего поднявшись с кресла, элегантной походкой она вышла из зала.

* * *

Оставшись наедине с Мазаевым, Александр широко улыбнулся и с заметным вздохом облегчения произнёс – «Майор, а, знаешь, ты ведь был абсолютно прав – Элис, действительно, делает всё, что в её силах. Что за девушка! А какая блестящая выдержка и рассудительность! Остаётся надеяться, только, что ей повезёт в этом нелёгком пути...».

«Да, что-то, а надо отдать должное – Легасов всегда умел разбираться в людях и, по всей видимости, в девушках тоже...» – улыбнулся Сергей, вспомнив спасительное появление некоей «принцессы» в том злополучном небоскрёбе. После этого, вновь вернувшись к реальности, майор с изумлением взглянул на Трошина, поинтересовавшись – «Саш, а ты и в правду собирался вколоть себе эту экспериментальную дрянь, если бы она тебя не остановила? Что бы там не говорил, профессор, но этот нейростимулятор или как его там, разработан военными медиками для применения на всяких там коматозниках, кому уже и так больше нечего терять – кто его знает, что было бы с тобой, обычным человеком, после применения данного препарата. Меня чуть удар не хватил, когда ты засучил рукав и поднёс иглу...».

«Я понял, что иначе нам будет её просто не убедить...» – спокойно пожал плечами Трошин, добавив – «Да и, знаешь, майор, я вот подумал, что раз уж мы собираемся вколоть эту экспериментальную химию Легасову, то, что плохого в том, чтобы попробовать её предварительно ещё на одном испытуемом? Что же до риска, то, сам знаешь – работа у нас такая...».

Спустя несколько минут оба, расплатившись по счёту, вышли из заведения, направившись напрямиком в отель...

Выбор

(30.04.2013, Лондон, 13–00)

Пройдя по пустынному коридору офиса и кивнув нескольким встретившимся по пути коллегам, девушка в деловом костюме чёрного цвета с длинными светлыми волосами быстро подошла к двери интересовавшего её в данный момент кабинета и, негромко постучавшись, вошла внутрь.

«Мадам, я не помешаю?» – с едва скрываемым волнением в голосе поинтересовалась девушка, взглянув на высокую аккуратно одетую даму в возрасте, привычно сидевшую с многочисленными бумагами за своим рабочим столом.

«Элис, разумеется, нет – ты же знаешь, что я всегда рада тебя видеть...» – радушно улыбнулась высокопоставленный руководитель британской разведывательной службы, встав из-за стола и подойдя к своей подопечной. Окинув взглядом несколько излишне взволнованно выглядевшую вице-президента по стратегии, она посмотрела девушке прямо в глаза и догадливо мягко поинтересовалась – «Что-то произошло?».

«Да, мадам, боюсь, что именно так...» – моментально выпалила Фостер, нервно теребя в руках две визитки, спешно пояснив – «Сегодня со мной наконец-то вышли на контакт... Впрочем, это были вовсе не те, кого мы с Вами, мадам, ждали. Это были не экзорцисты, в надежде на возможный контакт с которыми мы всё это время поддерживали легенду с постом вице-президента по стратегии в БритишИнвестментЮниверс (British Investment Universe)».

«Вот как?» – несколько озадаченно произнесла Рейчел, с интересом кивнув – «Продолжай...».

«Это были двое весьма неординарных представителей российских силовых служб...» – с трудом собираясь с мыслями, быстро продолжила Элис и, протянув своему руководителю визитки, эмоционально добавила – «Я до сих пор не могу поверить, что они решились использовать для выхода со мной на контакт этого майора – Мазаева. Майора, лицо которого в своё время не сходило с экранов новостей из-за печально известного инцидента в башне Нью-Йорка, в результате которого трагически погиб Алик. По всей видимости, они наивно полагали, что тот факт, что майор лично присутствовал на прощании с Легасовым, там, в Соборе Святого Патрика в Нью-Йорке, позволит быстрее установить между нами доверительные отношения...».

«Элис, надеюсь, этот недалёковидный жест не сказался на результативности вашего диалога?» – с мягкой улыбкой поинтересовалась Стивенсон, внимательно изучая двуязычные визитки, с удивлением добавив – «Что им вообще было нужно от нас?».

«Разумеется, мадам, я контролировала ситуацию и не могла позволить себе лишние эмоции...» – сухо со знанием дела кивнула девушка, озадаченно добавив – «Что же до предмета их интереса, то их интересовало, собственно говоря, то же, что интересуется и нас самих – им срочно нужен контакт с экзорцистами...».

«Весьма занятно...» – отреагировала Рейчел, после чего, задумчиво подойдя к окну, задала тревоживший её вопрос – «Впрочем, почему они обратились именно к нам? Или у них есть какие-то основания полагать, что мы, в свою очередь, можем располагать постоянным контактом с экзорцистами? Анализ событий, связанных с твоим похищением, подтвердил, что российские силовые структуры или, по крайней мере, их отдельные представители были полностью уверены, что ты работаешь в нашем ведомстве. И после всего этого они всё же рискнули обратиться к тебе напрямую с подобной просьбой. Зачем?».

«Мадам, в ходе разговора они не акцентировали внимание на моём возможном отношении к британской разведке, стараясь избегать обсуждения этой деликатной данной темы. Вместе с тем, намного больший интерес для них представляли обстоятельства моего осво-

бождения с режимного объекта на территории России – по итогам проведённого закрытого расследования инцидента со штурмом здания неизвестными лицами они убеждены, что это было дело рук экзорцистов. В подтверждении данной позиции они продемонстрировали ряд фотографий с места и некоторые материалы следственного дела. Соответственно, они полагают, что после моего освобождения, проведённого силами данного движения, у меня могли остаться какие-либо связи с отдельными представителями экзорцистов...» – подробно отчиталась Фостер, добавив – «Разумеется, они знали кто я и, вполне вероятно, сознательно пошли на риск контакта с сотрудником британской разведки, ради того, чтобы достичь желаемого...».

«Зачем им потребовался контакт с экзорцистами? Да и к чему вообще такая срочность?» – задумчиво произнесла Стивенсон и, машинально барабанив пальцами по подоконнику, поинтересовалась – «Они не потрудились объяснить причины своего интереса?».

«Мадам, они сами не затрагивали вопрос о причинах, побудивших их на поиск контакта с экзорцистами, помимо формальной ссылки на полученное от руководства указание» – кивнула девушка, мягко пояснив – «Со своей стороны, я тоже не могла задать им подобный вопрос, не выдав своего отношения к британской разведке. Помимо этого, проявление подобного интереса в сложившихся обстоятельствах косвенно подтвердило бы им, что у меня действительно имеются контакты с экзорцистами...».

«Элис, я надеюсь, ты не раскрыла наши карты в отношении отсутствия у нас самих контакта с данным движением и не отказалась от их, безусловно, интересного предложения?» – тактично переспросила руководитель.

«Разумеется, нет, мадам – я подумала, что даже в отсутствии связи с данным движением подобное предложение могло бы быть нам полезным» – с улыбкой произнесла Фостер, уточнив – «Мы договорились с ними о том, что я подумаю, что именно я могу сделать по интересующему их вопросу установления контакта с экзорцистами...».

«Молодец! Это позволит нам начать игру...» – похвалила свою починенную Рейчел, деликатно поинтересовавшись – «Элис, тебе не удалось записать ваш разговор?».

«Они были технически готовы и даже, спросив моего разрешения, задействовали средства подавления радиосигнала, чтобы избежать прослушивания. Поэтому я решила не испытывать судьбу, а дать им возможность поговорить откровенно, без опасений быть записанными...» – извиняющимся тоном произнесла девушка, добавив – «Да и, согласитесь, мадам – это бы выглядело несколько странным, если бы вице-президент по стратегии уважаемой компании носила с собой средства скрытой записи разговора...».

«Да, да, разумеется, ты поступила абсолютно правильно...» – одобрительно кивнула Стивенсон, с огорчением добавив – «Да что же там у них, в конце концов, произошло?».

«Может быть, это результат недавнего покушения на Павла Кузовлева, которого они, очевидно, позиционировали на роль посредника, рассчитывая наладить через него постоянный контакт с данным движением?» – осторожно предположила Фостер.

«Да, это, надо полагать, их, безусловно, огорчило, но всё это не объясняет срочности и поспешности в их действиях – по всей видимости, случилось что-то ещё, что мы упустили из виду...» – глубокомысленно произнесла Стивенсон, глядя на раскинувшийся вдали за окном лондонский городской пейзаж.

Девушка едва заметно вздрогнула, после чего собравшись мыслями, продолжила – «Вполне возможно, срочность объясняется недавними изменениями в ликвидационном списке экзорцистов? Проведённый нами в аналитическом подразделении анализ показывает, что выдвижение главы агентства по управлению государственным имуществом, Матвея Захаровича Ярова, на первое место в данном списке может иметь далеко идущие последствия, поскольку, отчасти затрагивает вопрос об итогах целого ряда приватизационных аукционов по крупным промышленным предприятиям и активам».

«Пересмотр итогов приватизации с массовым оттоком иностранных инвесторов и хаосом в стране?» – догадливо кивнула Рейчел, добавив – «Да, пожалуй, это и есть тот самый фактор, что заставил их действовать столь оперативно, обратившись, в том числе за помощью и к нам. Вот он и ответ».

«В подобных условиях их реакция понятна и оправданна...» – согласилась девушка.

«Элис, тебе, кстати, не надоела аналитическая работа за все эти полтора года?» – с улыбкой поинтересовалась руководитель, добавив – «Знаешь, многие сотрудники из аналитического подразделения грезят о романтике оперативной работы, мечтая стать каким-нибудь агентом под прикрытием, чем сидеть, разбирая бесконечные бумаги. Впрочем, для большинства из них всё это не более чем просто мечты, поскольку, для этого нужен набор определённых и далеко не часто встречающихся качеств – сочетание приятной внешности и отличной памяти со способностью к холодному и рассудительному принятию решений даже в самых сложных ситуациях. Всё это у тебя есть и признаться честно, я с трудом поверила, когда, после всего того, что было, после блестящей работы по проекту экзорцистов с Легасовым, ты решила вернуться обратно к аналитикам...».

«После всего того, что мне довелось увидеть, мадам, я утратила любые иллюзии о романтике оперативной работы...» – искренне призналась Фостер, пояснив – «В ней слишком много лжи, грязи и несправедливости, чтобы о ней мечтать...».

«Понимаю, что тебе пришлось пережить много такого, с чем многие другие ни разу не сталкиваются за всю их длинную профессиональную службу. Дерзкое похищение, пытки, интриги, потеря человека, к которому ты успела привязаться. Чего только не было за тот короткий промежуток времени...» – понимающе кивнув головой, перечислила Стивенсон, добавив – «Вместе с тем, Элис, я хочу, чтобы ты знала, что дорога на оперативную работу для тебя открыта – всё зависит только от твоего желания...».

«Спасибо, за предложение мадам, но я пока не готова его принять...» – мягко произнесла девушка и, откланявшись, удалилась из кабинета, направившись на своё обычное рабочее место в аналитическом департаменте ведомства...

* * *

Спустя несколько минут в кабинет руководителя вошёл невысокий худощавый человек в возрасте в чёрном костюме, который уважительно кивнув, Стивенсон, тихо произнёс – «Мадам, Вам удалось посмотреть наш отчёт о состоявшемся контакте Фостер с неустановленными лицами?».

«Да, Вильям, спасибо за информацию...» – одобрительно кивнула руководитель, отойдя от окна и, располагаясь на стуле за столом – «Впрочем, это были не неустановленные лица, а вполне конкретные представители российских силовых структур, оставившие помимо прочего даже свои визитки».

«Весьма необычный подход в нашем деле – оставлять визитки...» – с улыбкой произнёс мужчина, рассматривая карточки, поинтересовавшись – «Элис упомянула о фотографиях, которые ей показывали эти двое в ходе встречи?».

«Да, Вильям, но, это был вовсе не компромат и не попытка вербовки нашего агента, как предположили Ваши люди из числа сотрудников охраны вице-президента по стратегии БритишИнвестментЮниверс (British Investment Universe). В качестве аргументации своей позиции, ей продемонстрировали фотографии последствий штурма экзорцистами режимного объекта, на котором её держали в заложниках. Фотографии и материалы по следственному делу...» – снисходительно пояснила Рейчел, добавив – «Сам же разговор свёлся к весьма интересному предложению с их стороны, которое мы будем разрабатывать в рамках продолжения работы по нашему проекту».

«Это не более чем меры предосторожности...» – спокойно пожал плечами мужчина, поинтересовавшись – «Мадам, будут ли ещё указания?».

«Вильям, распорядитесь продолжить наблюдение за нашей подопечной – я ей полностью доверяю, но, как Вы понимаете, начинается очередная игра и мне не хотелось бы каких-либо неожиданностей. Рассчитываю на Вас...» – кивнула Рейчел, давая понять, что разговор окончен.

«Разумеется, мадам...» – с улыбкой кивнул мужчина и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь...

Договор

(30.04.2013, Москва, 18–30)

Новенький серебристый мерседес в кампании опекавших его двух чёрных джипов сопровождения, свернул с Садового кольца на Пятницкую и, сделав ещё пару поворотов, наконец, остановился возле небольшого ресторана.

Охранники, выскочившие из джипа, моментально образовали дорогу безопасности до дверей заведения, по которой, не останавливаясь и не оглядываясь по сторонам, спешно последовал мужчина среднего роста в возрасте около 50 лет в деловом костюме. Войдя в здание, утомлённый очередным нервным рабочим днём и пребывавший в изрядном напряжении чиновник, сделал глубокий вздох и несколько расслабился. Сопровождавшие его, люди охраны, следуя незримым инструкциям начальника личной службы безопасности чиновника, прошли по залам заведения, оценивая сидевшую там публику. Спустя несколько мгновений, дождавшись утвердительного кивка шефа безопасности, мужчина проследовал на второй этаж ресторана к небольшому приватному залу, после чего, жестом оставив людей охраны снаружи, решительно вошёл внутрь, отодвинув закрывавшие вход занавески.

Небольшой стол, накрытый для двух персон, стоял посередине помещения, отделанного в стиле старинной русской усадьбы. Висевшая над столом люстра из хрусталя с многочисленными канделябрами освещала заботливо расположенные на столе до блеска отполированные столовые приборы и бокалы.

Возле окна спиной к двери стоял высокого роста худощавый молодой человек со светлыми полуседыми волосами в белоснежном костюме. Заметив появление гостя, он развернулся и с холодной улыбкой произнёс – «Добрый вечер, Матвей Захарович. Рад, что Вы не заставили меня долго ждать...».

«Добрый вечер...» – произнёс глава агентства по управлению государственным имуществом несколько опешивший от подобного высокомерного отношения к себе со стороны собеседника, располагаясь за столом.

Молодой человек отошёл от окна и, с интересом рассматривая своего гостя, молча занял место напротив него.

Оба мужчины неторопливо сделали заказ подоспевшему официанту. Дождавшись, появления долгожданного бокала с красным вином, блондин сделал небольшой глоток, дегустируя содержимое, после чего удовлетворённый результатом, буднично поинтересовался – «Матвей Захарович, и чем же я обязан Вашему вниманию?».

Проводив взглядом официанта, наполнившего из изящного графина его бокал дорогим коньяком, федеральный чиновник произнёс – «Полагаю, Вам известно, о последнем изменении в этом проклятом списке экзорцистов?».

«Разумеется...» – слегка наклонил голову молодой человек, рассудительно добавив – «Если не ошибаюсь, Матвей Захарович, Вы заняли в этом рейтинге первое место. Примите мои поздравления...».

Глаза чиновника вспыхнули огнём в ответ на столь неудачную в его ситуации шутку, после чего, совладав с собой, он осторожно и спокойно продолжил – «Да – моя фамилия стоит первой в этом списке, что, разумеется, заставляет меня уделять намного большее внимание вопросам собственной безопасности, чем прежде. Именно поэтому мне и хотелось бы обсудить с Вами вопросы нашего возможного сотрудничества в сфере её обеспечения...».

«Ваши опасения вполне понятны...» – холодно улыбнулся блондин, мягко с пониманием дела продолжив – «Данная позиция в списке весьма и весьма переменчива и непостоянна – мало кому удавалось удерживать её в течение продолжительного времени. Рекорд продолжительности, если мне не изменяет память, был всего около двух недель...».

«Я не собираюсь сидеть, сложа руки, чтобы потом закончить свои дни также как и все остальные в этом идиотском списке! За свою жизнь я намерен бороться до конца – бороться чего бы мне это не стоило!» – решительно выпалил Яров, эмоционально продолжив – «Все эти никчёмные службисты и генералы с погонами и даже мой собственный начальник безопасности хором твердят, что всё хорошо и что они в состоянии меня защитить. С готовностью говорят, что они смогут гарантированно обеспечить безопасность мне и моей семье! Но я-то знаю, что это совсем не так! В конце концов, никто из этих проклятых лицемеров ни разу не сталкивался с угрозой подобного масштаба! Всё, на что они способны – это защитить меня от мелких бандитских разборок или случайных киллеров – одиночек. Да что вообще они все смогут противопоставить целой террористической организации, сделавшей меня своей приоритетной целью?! Какую безопасность они могут гарантировать мне, если история показывает, что даже президенты сами становились жертвами покушений?! В отличие от этих простодушных и недалёковидных людей, я прекрасно понимаю, что, мои дни сочтены, несмотря на все их лживые заверения и предпринимаемые меры предосторожности...».

Молодой человек, кивнув головой в знак полного согласия с подобной оценкой ситуации, сделал очередной глоток красного вина.

Чиновник залпом опустошил бокал с коньяком, нервно продолжив – «Сейчас же, когда эти грязные террористы, помимо своего списка, пусть неформально, но, тем не менее, назначили за мою голову награду в миллион долларов любому, кто её им принесёт, я даже не знаю, могу ли я вообще верить людям, которые меня окружают! Да ради подобной суммы денег любой из охранников может всадить мне нож в спину в любую секунду! Мне стало страшно оставаться с кем-либо из них наедине! Да что там – я даже боюсь закрывать ночью глаза, ибо я не уверен, не станет ли эта очередная ночь последней в моей жизни! И каждый день я с ужасом жду своего конца, вздрагивая от каждого стука, шороха и телефонного звонка. Раньше, будучи в седьмом десятке списка, мне казалось, что у меня ещё вагон времени, чтобы подготовиться к чему-то подобному, теперь же я понимаю, что я абсолютно незащищен перед лицом нависшей беды...».

«Чего же Вы хотите от меня?» – спокойно и буднично поинтересовался блондин, не особо тронутый подобным душераздирающим описанием личных проблем главы агентства.

«Ваша деловая репутация в подобных сложных делах безупречна – до сих пор у Вашей команды не было ни единого провала, в связи с чем я, полагаю, что Вы именно тот человек, который мне нужен. В последнее время я неоднократно общался с отдельными высокопоставленными чиновниками, в свою очередь попавшими в списки террористов, а также с некоторыми представителями силовых структур – почти все они рекомендовали Вас в качестве эксперта в вопросах обеспечения личной безопасности и противодействия экзорцистам. Поэтому, собственно говоря, я и здесь...» – быстро произнёс Яров, и, наполнив свой бокал коньяком из графина, решительно добавил – «Собственно говоря, я бы хотел нанять Вашу команду для обеспечения моей личной безопасности. Разумеется, цена данного вопроса не имеет значения...».

Молодой человек от души рассмеялся, после чего спокойно и хладнокровно спросил – «Матвей Захарович, а Вы и, вправду, думаете, что наша команда – это обычное охранное агентство, которое можно вот так вот легко и просто нанять? Странно, что люди, рекомендовавшие Вам наши услуги, не потрудились объяснить Вам правила нашей работы...».

«В смысле правила?» – растерянно поинтересовался Яров, уточнив – «Я готов заплатить – заплатить любые деньги. Вы в свою очередь можете предоставить мне интересующую меня услугу. Это ведь просто бизнес – разве нет?».

«Да, разумеется, это бизнес. Всего лишь бизнес...» – одобрительно кивнул блондин, сделав очередной глоток вина, пояснив – «Впрочем, нашу команду, а я бы сказал даже не команду, а сообщество единомышленников, не интересуют деньги – какими бы большими они ни были.

Вы сильно заблуждаетесь, Матвей Захарович, полагая, что люди в обмен на Ваши деньги и блага будут отдавать свои жизни, искренне и беззаветно защищая Вашу жизнь...».

«Что же Вам нужно?» – опешив, переспросил чиновник.

«Вы должны понять одну важную особенность...» – мягко улыбнувшись, произнёс молодой человек, лаконично закончив фразу – «Мы не защищаем посторонних людей – всё, что мы делаем, мы делаем от имени и во благо членов нашего сообщества, согласившихся разделить не столько проблемы общей безопасности, сколько общие деловые интересы. Это своего рода закрытый элитный клуб, члены которого помогают друг другу на службе, в бизнесе и, разумеется, в решении своих проблем...».

«И чтобы получить защиту мне нужно стать членом данного «клуба»? И никаких вариантов?» – с явным неудовольствием догадливо поинтересовался Яров, опустошив очередной бокал коньяка.

«Варианты есть всегда...» – улыбнулся блондин, пояснив – «Вы знаете, Матвей Захарович, до Вас многие уважаемые люди и высокопоставленные чиновники приходили к нам, без остатка вверяя нам свои судьбы, как только их имена попадали в злосчастный список террористов. И все они, со своей стороны, считали честью стать членом нашего элитного клуба. Впрочем, далеко не всем тем, кто просил об этом, эта честь была нами оказана. Ибо стать одним из нас означает не просто получить защиту – это означает разделить со всеми нами общую судьбу. Члены клуба, используя свои связи, ресурсы и капиталы, помогают Вам – Вы помогаете им. Всё ради общего успеха и личный успех каждого – это успех для всего клуба. Вот как работает эта система.

Ваше же имя было в списке уже более года и только сейчас, возглавив рейтинг экзорцистов, Вы всё-таки решили снизить до того, чтобы обсудить с нами столь интересующие Вас проблемы личной безопасности, при этом наивно полагая, что всё можно решить деньгами. В данный момент, по всей видимости, Вы ещё не готовы к предметному разговору...».

«Возможно, я не совсем удачно выразился на счёт вариантов...» – поспешил заверить чиновник, замаявшись, добавив – «Дело в том, что это весьма неожиданно и ни один из моих знакомых не говорил мне ни о чём подобном...».

«Разумеется, Вы ни о чём подобном и не могли знать, поскольку конфиденциальность – одно из главных правил нашего сообщества, и никто из членов не имеет права распространяться о его правилах, равно как и о самом его существовании клуба, посторонним лицам...» – кивнул молодой человек.

«Что от меня потребуется, чтобы стать членом этого элитного клуба?» – с опаской поинтересовался Яров, мягко добавив – «В смысле, если я приму соответствующее решение...».

«Во-первых, это небольшой вступительный взнос – фактически, это просто компенсация текущих расходов для обеспечения Вашей личной безопасности, как участника клуба» – заботливо с улыбкой произнёс блондин, поспешно добавив в ответ на немой вопрос чиновника – «В размере одного процента Ваших суммарных активов».

«Один процент?!» – откровенно возмутился Матвей Захарович, вспыхив – «Да это же огромные деньги! Да на них можно нанять десять лучших охранных агентств, которые будут круглосуточно повсюду обеспечивать мою безопасность!».

«В этом случае, зачем мы тратим наше время в этом пустом и беспредметном разговоре?» – спокойно пожал плечами молодой человек, рассудительно предложив – «Вполне вероятно, Вам, действительно, лучше обратиться к ним...».

«Извините, это было весьма неожиданно и я несколько, погорячился...» – моментально сменил тон чиновник, взяв себя в руки и деловито продолжив – «Первым Вашим условием является вступительный взнос в указанном размере – это понятно. Что ещё может потребоваться от меня для вступления в данный элитный клуб?».

«Вторым и последним условием для вступления является Ваша полная открытость перед лицом клуба...» – спокойно проинформировал блондин, пояснив – «Это закрытый клуб – клуб, в который люди вступают по приглашению и остаются в нём до самого конца. Об эффективности работы данного сообщества в части защиты интересов своих членов говорит тот факт, что за последние полтора года ни один из членов клуба не пострадал от действий экзорцистов. Впрочем, вся деятельность этого сообщества строится на открытости, доверии и взаимопомощи между его членами, поэтому, для защиты интересов других членов клуба каждый человек при вступлении раскрывает свои карты, предоставляя исчерпывающую информацию о себе, своих капиталах и их источниках. Информацию, которая обеспечивает его последующую лояльность по отношению к клубу и его участникам. Со своей стороны можете считать это некоей процедурой инициации в члены клуба».

«Я должен предоставить на себя компромат?! Подробные материалы, которые позволят Вам меня контролировать?!» – с неподдельным ужасом и возмущением в голосе воскликнул Яров, вспыхнув – «Это невозможно! Это просто немыслимо! Да кем Вы, чёрт возьми, себя вообще возомнили?! Я Вам не какой-нибудь мелкий аппаратчик – я чиновник федерального уровня!».

«Матвей Захарович, я прекрасно знаю, кто Вы...» – спокойно и хладнокровно произнёс молодой человек, делая глоток вина, после чего продолжил – «Полагаю, что Ваша излишне эмоциональная реакция обусловлена не совсем корректной оценкой, которую Вы даёте окружающей действительности. Со своей стороны Вы, по всей видимости, думаете, что перед Вами возникла хотя и острая, но временная проблема с обеспечением личной безопасности. Проблема, которую можно решить с использованием имеющихся у Вас связей и средств. Проблема, после решения которой, Вы сможете снова вернуться к прежней жизни. В действительности же ситуация выглядит несколько иначе и, если Вам интересно, я могу поделиться с вами своим видением данного вопроса».

Чиновник, всё ещё возмущённый до глубины души столь беспардонным приглашением к вступлению в ряды какого-то непонятного сообщества, раздражённо кивнул головой в знак согласия выслушать собеседника до конца.

«Дело в том, что в данный момент я вижу перед собой не высокопоставленного чиновника, а человека. Человека, жизни которого волею судьбы угрожает смертельная опасность. Человека, на похороны которого через две недели соберутся все его знакомые, друзья, бывшие сотрудники его личной службы охраны и множество других людей, которым всем, в общем-то, ровным счётом не было никакого дела до его судьбы. Человека, которому через две недели уже будет всё равно, какой именно пост он занимал на государственной службе, сколько средств лежало на его банковских счетах в далёких оффшорах, и был ли у кого-либо компромат на его собственную персону. Всё это, как и многое другое, уже не будет иметь для него никакого значения...» – с холодной улыбкой произнёс блондин, мягко продолжив – «И его уберут – уберут, несмотря ни на какое усиление охраны и любые меры предосторожности. И ни должностное положение, ни его капиталы, ни связи уже не в состоянии что-либо изменить. Странная, изменчивая и порой весьма жестокая и коварная судьба. Впрочем, даже в этой патовой жизненной ситуации этому человеку выпал редкий шанс – шанс выжить. Выжить, сохранив за собой все свои капиталы, репутацию и влияние в обществе. Выжить, не потеряв ничего, но обретя взамен новых влиятельных и могущественных друзей, в кампании с которыми ему будет легче идти к вершинам собственной славы и величия...».

Промокнув платком обильно выступивший на лбу пот, Яров, не перебивая, внимательно продолжил слушать монолог своего собеседника.

«Матвей Захарович, Вы должны понимать, что все эти экзорцисты и всё их наивное движение – суть лишь временное явление. Это пешки, а не фигуры на шахматной доске, в которую нам суждено сыграть волею судьбы. Рано или поздно, но мы идентифицируем их членов и

нанесём ответный удар, сломав им хребет, после чего настанет уже их черёд искать себе убежище, скитаясь по всему миру в страхе от собственной тени. Впрочем, всё это не более чем прелюдия по сравнению с тем, что сможем сделать все мы, объединив свои усилия в рамках нашего сообщества...» – с блеском в глазах с воодушевлением произнёс блондин, спокойно продолжив – «Вам, безусловно, потребуется определённое время для осмысления всего услышанного и принятия взвешенного решения относительно дальнейших действий. Вы можете позвонить мне завтра, когда вам будет удобно. Полагаю, ещё немного времени у нас всё же есть...».

«Время? Да какое там к чёрту время?!» – эмоционально вспыхнул чиновник, срывающимся на крик голосом, добавив – «Да меня в любую минуту могут убить! Да для меня может и вовсе не быть никакого там «завтра»!».

«Матвей Захарович, мы сделали всё от нас зависящее, протянув Вам свою руку помощи в трудную минуту...» – безальтернативно произнёс молодой человек, давая понять, что разговор окончен, пояснив – «Вместе с тем, принять решение о том стать ли одним из нас или же продолжить свой дальнейший путь самостоятельно Вы, разумеется, должны сами...».

Чиновник ослабил галстук и дрожащими руками наполнил бокал коньяком из графина, после чего не проронив ни слова, повертел его в руках, сосредоточенно разглядывая на просвет янтарную жидкость, медленно разливавшуюся по стенкам из тончайшего стекла. Его лицо, побагровевшее от повысившегося давления, проступившие над бровями складки и нервно пульсировавшие на висках вены – всё говорило о беспрецедентном по своей тяжести мыслительном процессе, сопровождавшем эти с виду простые и незамысловатые движения.

Сидевший напротив блондин с интересом внимательно наблюдал за несколько затянувшимися размышлением своего собеседника над поставленным перед ним выбором, не комментируя происходящее и не торопя его с ответом.

Спустя несколько минут молчания Яров, опустошил бокал и посмотрел на блондина, после чего, уже успокоившись и собравшись мыслями, решительно произнёс – «Георгий, вероятно, мне стоило сделать это намного раньше, но сейчас я, действительно, готов стать одним из Вас – я с радостью стану членом Вашего элитного клуба, если Вы, конечно, не возражаете...».

«В этом случае, выпьем за наш новый этап делового сотрудничества...» – с улыбкой произнёс Арзамасов, подняв с бокал вина, после чего, сделав небольшой глоток, продолжил – «Матвей Захарович, предвидя Ваше дальновидное и благоразумное решение, мы уже предприняли комплекс мер для обеспечения Вашей безопасности. О принятых мерах и последующих шагах Вам подробно расскажет Ваш новый начальник службы личной безопасности – Влад Игнатьевич Селенин, который со своей командой с данного момента будет постоянно сопровождать Вас всегда и везде, целиком и полностью отвечая за Вашу безопасность и работая в тесном контакте с нашими остальными подразделениями. Сам Селенин – профессионал высокого уровня с многолетним опытом работы в разведке, пользующийся нашим полным доверием, который со своими людьми в состоянии решить любую задачу. В его лояльности и преданности Вы можете не сомневаться вне зависимости от количества нулей в сумме вознаграждения, которое могут пообещать экзорцисты за Вашу голову – для него это дело личное...».

С последними словами в залу вошёл высокий худощавый мужчина с тёмными волосами в возрасте около сорока лет, который приветливо кивнул Георгию и сидевшему напротив него главе агентства по управлению государственным имуществом.

Матвей Захарович, до глубины души потрясённый столь оперативной реакцией по решению проблемы обеспечения его собственной безопасности, которая до недавнего времени ему самому казалась практически патовой, встал из-за стола и, протянув руку Арзамасову, с уважением произнёс – «Георгий, Вы, действительно, профессионал – с вами приятно иметь дело. Я подготовлю все необходимые материалы и денежный взнос...».

Через минуту в сопровождении своего нового начальника службы личной безопасности воодушевлённый и уверенный в себе Яров быстро вышел из зала.

Проводив взглядом важного гостя, в залу ресторана вошла девушка среднего роста с чёрными волосами, одетая в синие джинсы и тонкий свитер. При виде молодого человека она приветливо кивнула и медленно прошла к столу, сняв солнцезащитные очки, скрывавшие глубокие шрамы на её лице.

«Это было нечто!» – с широкой улыбкой произнесла незнакомка, деловито усаживаясь напротив Арзамасова, продолжив – «Признаться честно, я до последнего не верила, что Яров согласится с нашим предложением. Всё-таки высокопоставленный чиновник федерального уровня с присущими ему непомерными амбициями и самомнением – для такого как он, согласиться с нашим предложением означает переступить через самого себя, потеряв свою независимость и свободу. Впрочем, Гриш, надо отметить, что твой талант убеждения в данном случае был просто неподражаем!».

«Я старался...» – слегка кивнув головой, широко улыбнулся Георгий, после чего дождавшись ухода официанта, услужливо подоспевшего к новой гостье за заказом, медленно продолжил – «Настя, неделю тому назад, помнится, ты мне рассказывала про инцидент у вас там, в Иркутске, с участием лесозаготовителей, работавших с портом Владивостока...».

«Да, местные лесники там, видать, совсем озверели и страх потеряли – стоило нам туда сунуться с почти официальными удостоверениями офицеров федеральной службы безопасности, так эти невесть, что возомнившие о себе представители первичного звена целлюлозно-бумажной промышленности, безо всяких там переговоров и диалога подорвали наш джип с Глебом. Повезло ещё, что мы с Эльдаром не успели дойти до той проклятой машины, а то бы я тут уже не сидела. В общем, надо бы принять ответные меры по этим деловым лесникам...».

«Это были никакие не лесники...» – отрицательно покачав головой, спокойно произнёс Арзамасов и, видя, неподдельный шок на лице своей спутницы, продолжил – «Да, да, именно – есть все основания полагать, что там, в Иркутске, вас пытались ликвидировать экзорцисты. По крайней мере, лесники не располагают свободным доступом к армейской взрывчатке. Если интересно можешь посмотреть материалы регионального следственного управления по делу, которые нам любезно предоставили наши друзья в органах».

«Поверить не могу – как вообще они смогли нас там найти?» – всё ещё приходя в себя, покачала головой Логинова, беря в руки протянутую папку с копиями документов, добавив – «Да и если это были экзорцисты, то почему они не прикончили нас с Эльдаром?».

«По всей видимости, охотник из числа экзорцистов следовал за вами с самого Владивостока – вполне вероятно, что экзорцисты тоже по каким-то своим причинам заинтересовались публикацией того журналиста, в результате чего случайно вышли на след вашей группы. По крайней мере, это пока единственное, что приходит на ум...» – спокойно пожал плечами Георгий, рассудительно продолжив – «Если же охотник, действительно, был там, в Иркутске один, то это объясняет, почему вы всё ещё живы. В конце концов, вы все – бывшие офицеры с боевым опытом, а не какие-нибудь беззащитные чиновники или их никчёмные телохранители. Одно дело скрыто заминировать машину и уж совсем другое дело пытаться открыто ликвидировать нескольких профессионалов. Впрочем, надеюсь, что вы оба предприняли необходимые меры для того, чтобы замести следы...».

«Чтобы оперативно добраться до аэропорта мы в спешном порядке позаимствовали стороннее транспортное средство. По пути, не будучи уверенными в надёжности легенды после произошедшего взрыва, мы сменили документы и избавились от сотовых телефонов с сим-картами...» – быстро припомнила Анастасия, эмоционально добавив – «Черт возьми, вот ведь сволочи!».

«Этих мер вполне достаточно, чтобы они потеряли ваш след...» – одобительно кивнул Георгий, продолжив – «Всё логично – мы охотимся за ними, а они, в свою очередь, почувствовав наше присутствие и нависшую угрозу, начинают охотиться за нами. Впрочем, им ещё только предстоит узнать то, насколько сильно изменился мир за минувший год и открыть для себя ту новую силу, с которой им отныне придётся считаться. Настя, и, пожалуйста, будь осторожней – я не хочу тебя потерять из-за какой-нибудь глупой выходки. Всё это лишь прелюдия к предстоящей большой игре, в которой потребуются все наши силы и возможности...».

Девушка кивнула в знак согласия и, дождавшись пока подошедший официант расставит блюда, энергично принялась за долгожданный ужин...

План

(01.05.2013, окрестности Бостона, 17–00)

Новенькая иномарка свернула с трассы и, проехав сотню метров по грунтовой дороге, медленно подъехала к высоким кованым воротам, которые автоматически открылись, впуская очередного посетителя спрятавшегося среди лесной глуши небольшого поместья.

Автомашина въехала на территорию и остановилась у входа в двухэтажный каменный особняк средних размеров. Молодой человек тридцати лет с длинными светлыми волосами в белоснежной рубашке и чёрных джинсах вышел из машины и, сняв солнцезащитные очки, осмотрелся вокруг, после чего направился напрямик к двери. С удивлением отметив про себя отсутствие звонка, юноша постучал в дверь и, потянув ручку двери, оказавшейся незапертой, осторожно вошёл внутрь дома.

«Леон, я рада, что ты нашёл время заехать в мою скромную обитель...» – раздался мелодичный женский голос из расположенной по правую руку гостиной.

Молодой человек, с заметным облегчением выдохнул, и быстро проследовал в комнату. В полумраке, создаваемом наглухо закрытыми шторами, возле небольшого камина с горевшими в нём дровами стояли два удобных ушастых кресла, в одном из которых в элегантном чёрном деловом костюме сидела молодая девушка с чёрными короткими волосами, в карих глазах которой отражались отблески каминного пламени. В своих ладонях, облачённых в изящные перчатки из чёрного бархата, девушка держала бокал с красным вином.

Внутреннее убранство просторной гостиной было выполнено в стиле старинной охотничьей усадьбы с развешенными по стенам разнообразными трофеями, холодным оружием и картинами с гончими, загоняющими свою добычу.

«С трудом могу поверить, что это и есть твоё пристанище, Габриэль...» – с улыбкой по-русски произнёс молодой человек, деловито усаживаясь в кресло напротив девушки.

«Всё это – наследие предыдущих хозяев, продавших этот дом...» – спокойно пожала плечами девушка, оторвав, наконец, свой взгляд от камина, продолжив – «Я вовсе не сторонница старинных традиций и, уж тем более, развешивания охотничьих трофеев на стенах своего дома. Впрочем, какой смысл что-либо менять, если это всего лишь очередная временная обитель? Пожалуй, единственная стоящая вещь в этом доме – это этот камин, поскольку, на эту порой мягкую и плавную, а порой жестокую и беспощадную игру света и тени от горящего пламени можно смотреть бесконечно...».

«Да, красивое зрелище...» – охотно согласился Леон, мельком взглянув на трепетавшие в камине языки пламени, медленно поглощавшие остатки дров, и, взяв стоявшую на столе бутылку вина, налил в пустой бокал тёмно-красной жидкости...

«Просто великолепное...» – поправила его девушка, задумчиво добавив – «Огонь, очищающий вся и всё...».

Сделав небольшой глоток вина, молодой человек заботливо поинтересовался – «Габриэль, разве тебе, принимая во внимание повышенный интерес спецслужб и ряда других сторон к первому лицу нашей организации, можно оставаться здесь вот так вот – совсем одной? Понятно, что немногие знают об этом месте, но всё же... Да и, опять же, мало ли грабители или воры залезут?».

«Леон, об этой моей резиденции знают только избранные, поэтому тот, факт, что ты сейчас сидишь здесь – это знак моего полного и безоговорочного доверия. Доверия, которое ты со своей командой оправдал на деле уже много раз. Если бы ты знал, сколько крови на этих руках, тебя бы больше беспокоила судьба этих случайных бродяг, которые могут забраться в этот дом, а вовсе не моя...» – мягко с улыбкой произнесла девушка, задумчиво добавив – «В нашем деле, вообще слишком много крови. Крови своей и чужой. Крови, которую нам предстоит пролить

за свои отчасти во многом идеалистичные убеждения. Знаешь, я бы хотела, чтобы всё было иначе, но, к сожалению, никто не сделает всю эту грязную работу за нас и чтобы добиться своей высокой цели, каждому из нас придётся, пожертвовать всем. Что же действительно, забавно, так это, то, что за всё, что мы делаем для других нам не будет награды, ибо таким как мы, уготована одна дорога – дорога в ад...».

«Признаться, Габриэль, данная перспектива выглядит несколько мрачноватой, Впрочем, её сильно улучшает тот факт, что до этого момента мы успеем захватить с собой ещё сотню-другую миллиардеров – казнокрадов. Чем тебе не равноценный обмен?» – рассмеялся молодой человек, искренне добавив – «Возможно, не каждая цель оправдывает средства, но если иного пути нет, то надо идти – идти, не задумываясь, не останавливаясь и не оглядываясь назад. Идти к своей заветной цели, несмотря ни на что...».

«Мне нравится твой оптимизм, Леон...» – звонко рассмеялась девушка, с мягкой улыбкой продолжив – «Впрочем, я надеюсь, что в своей работе ты будешь исходить из более рациональных соображений и предпосылок, взвешивая последствия каждого своего шага и принимая емое решение, ибо от каждого из них зависят судьбы людей, доверивших тебе свои жизни...».

«Разумеется, я сделаю всё от меня зависящее...» – несколько погрузнев, ответил молодой человек, деловито поинтересовавшись – «Габриэль, тебе удалось посмотреть материалы? Что ты думаешь о разработанном нами плане операции по устранению чиновника номер один?».

«План слишком дерзок и прямолинеен...» – отрицательно покачала головой девушка, добавив – «Аналитики оценивают его как излишне рискованный, предлагая работать по чиновнику на расстоянии, поскольку, по их мнению, высока вероятность того, что данный чиновник взят под опеку...».

«Габриэль, ты прекрасно знаешь, что многие наши операции и ранее были дерзки по духу и просты по исполнению и, тем не менее, всегда приводили к необходимому результату, разумеется, если разведчики были в состоянии определить для нас местоположение искомой цели. Да и какой смысл изобретать колесо, если задачу можно решить быстро и эффективно с минимальными затратами ресурсов?» – нетерпеливо поинтересовался юноша и, сделав очередной глоток вина, добавил – «Разумеется, аналитики склонны сомневаться во всём и оценивать риски, старательно взвешивая все за и против – в конце концов, это просто их работа. Впрочем, каждый из нас готов к определённой доле риска, поскольку, это часть нашей профессии и выбранного нами пути. Вопрос только в том, какой риск считать для себя приемлемым – в данном случае, на мой взгляд, твои аналитики несколько перестраховываются...».

«Леон, я позвала тебя не для того, чтобы пытаться отговорить тебя от принятого решения по данной операции – это твои люди и, соответственно, твоя и только твоя сфера ответственности. Что же до моего мнения – я склонна согласиться с нашими аналитиками...» – мягко улыбнулась Дарк, рассматривая отблески пламени, переливавшиеся на хрустале бокала, продолжив – «Вам нужно знать ещё одну вещь – наши опасения в отношении появления ещё одной, третьей силы, активно работающей на территории России, подтвердились в полном объёме. Около недели тому назад Принцесса смогла выйти на их след во Владивостоке и, впоследствии, выследила их в Иркутске, ликвидировав одного из них. В данный момент мы активно собираем и анализируем информацию, чтобы оценить всю ситуацию. Впрочем, уже сейчас наши аналитики уверены в том, что это, как минимум, группа профессионалов с широкими связями в силовых структурах со значительным административным и техническим ресурсом, не особо стеснённых нормами применимого российского права. Иными словами, это преступная группировка, постепенно объединяющая вокруг себя чиновников, попавших в наш чёрный список. Масштаб возможной угрозы пока даже трудно себе представить, принимая во внимание, что в данный момент мы ровным счётом ничего не знаем ни о характере отношений между этой группировкой и чиновниками, ни о численном составе группы, ни о количестве чиновников

уже согласившихся на сотрудничество с ними. Вполне вероятно, что многие наши последние промахи с «исчезнувшими» чиновниками объясняются действиями этой группировки. Аналитики уверены, что глава агентства по управлению госимуществом, Яров, стоящий первым в нашем списке, также находится под защитой Легиона...».

«С каждым днём наша игра становится всё интереснее и интереснее. Впрочем, всё это, Габриэль, означает только лишь то, что нам со своей стороны нужно сделать ответный ход, разве нет? И в этом контексте, устранение особо охраняемого ими лица, стоящего на первом месте в нашем списке, было бы достаточно эффективной и эффектной мерой – представь себе, каково будет другим чиновникам, вверившим свои судьбы в руки Легиона?» – улыбнулся молодой человек, с энтузиазмом добавив – «Легион или нет – да какая разница? Это просто люди и я уверен, что мы найдём способ сломать им хребет...».

«Леон, Леон...» – с явным неудовлетворением от подобного беспечного юношеского рвения покачала головой девушка, с ироничной улыбкой продолжив – «Знаешь, в своей жизни я встречала только одного молодого человека ещё более самоуверенного, эксцентричного и бескомпромиссного, чем ты. Впрочем, в отличие от тебя у него для этого были все основания...».

«Почему?» – с интересом переспросил молодой человек.

«Это длинная история...» – уклончиво ответила Габриэль, быстро вернувшись к теме разговора – «Ситуация очень серьёзная и её не стоит недооценивать – мы впервые столкнулись с противником, способным, как и мы сами свободно работать как на территории России, так и за рубежом, не ограничивая себя в своей деятельности рамками закона и прочими условностями. Всем нам ещё только предстоит определить стратегию ответных действий для ликвидации данной угрозы».

«А наш Яров?» – мягко поинтересовался Леон, уточнив – «Разумеется, чиновника будут охранять, но он всего лишь человек – обычный смертный человек. В свою очередь, это позволило бы ослабить популярность Легиона. Мне кажется, что возможные выгоды перевешивают риски проведения данной операции...».

«Возможно и так – ещё раз продумайте план операции и будьте предельно осторожны. По возможности, учтите мнение аналитиков – работа с расстояния малой численностью...» – смирившись с данной мыслью, произнесла Габриэль, добавив – «Аналитики скинут тебе все имеющиеся материалы по Легиону».

«Спасибо...» – улыбнулся Леон, после чего, поняв, что разговор закончен и закончен с нужным результатом, поднялся с кресла и, кивнув на прощание своему шефу, направился к выходу.

Дойдя до дверей, он на мгновение остановился и задумчиво поинтересовался – «А, кстати, почему именно Легион? Странное какое-то название...».

«Легион – потому, что им, как и коррумпированным российским чиновникам, нет числа...» – широко улыбнулась Габриэль, вновь задумчиво переведя свой взгляд на каминное стекло, за которым бушевало пламя...

Посетитель

(03.05.2013, Нью-Йорк, 12–30)

Из припаркованной на нижнем ярусе подземной стоянки больничного комплекса автомашины вышла девушка среднего роста со светлыми волосами в деловом костюме серого цвета и очках, скрывавших её взор от посторонних глаз. Осмотревшись вокруг и убедившись в отсутствии посторонних, незнакомка, в аккуратных белых атласных перчатках достала из багажника небольшой серый чемодан и проследовала к двери служебного входа, электронный замок которой, приняв знакомую карту электронного доступа сотрудника медицинского учреждения, моментально открылся, повинувшись незримой воле гостыи.

Спустя несколько мгновений девушка, быстро поднявшись по пожарной лестнице и вновь воспользовавшись ключом доступа, прошла на технический этаж. Определив дверь, ведущую в небольшое подсобное помещение и немного повозившись с обычным механическим замком, незнакомка быстро вошла внутрь комнаты.

Через десять минут, светловолосая женщина-врач в белоснежном халате с марлевой белой повязке на лице и небольшой папкой бумаг в руках, облачённых в медицинские перчатки, грациозно прошла по коридору, соединявшему между собой два корпуса медицинского центра, войдя в лифт на противоположной стороне. Спустя несколько мгновений двери лифта открылись, выпустив незнакомку на пустынном четвертом этаже.

Обернувшись по сторонам, врач, отсчитала седьмую палату от лифта и, подойдя к двери, достала из кармана халата небольшое устройство, приложив его к считывателю карт, ограничивавшему доступ в интересовавшее её в данный момент помещение. Минута, потребовавшаяся хитроумной машине для декодирования кода, показалась девушке вечностью – как только индикатор доступа загорелся зелёным, она, выдохнув с облегчением, повернула ручку двери и быстро вошла в палату, закрыв за собой дверь.

Осторожно и медленно, словно опасаясь того что могло открыться её взгляду, девушка сделала несколько шагов в сторону больничной койки с расположенным вокруг неё медицинским оборудованием, после чего её глаза расширились от удивления и она быстро прикрыла рукой рот, едва сдерживаясь, чтобы не выразить нахлынувшие эмоции...

«Значит всё это, правда...» – тихо прошептала девушка, осторожно достав из кармана шприц с прозрачной жидкостью.

В этот момент в коридоре раздались звуки отдалённых шагов. Незнакомка молниеносно открыла папку и выхватила лежавший в ней пистолет с глушителем, направив его в сторону двери... Голоса двух человек о чём-то оживлённо беседовавших между собой, постепенно становились громче, до тех пор, пока они не поравнялись с дверью палаты. Девушка, бесшумно отошла чуть дальше в глубину палаты, держа дверь под прицелом пистолета.

Спустя несколько секунд шаги возобновились, унося вдаль голоса молодых людей, с жаром обсуждавших судьбу какого-то бедолаги, недавно поступившего в отделение...

Девушка положила пистолет и, мысленно безошибочно определив на груди лежавшего без единого вздоха пациента область сердца, твёрдым и молниеносным движением воткнула шприц в его холодное тело на требуемую глубину, медленно выдавив содержимое. Сделав инъекцию, она быстро спрятала пустой шприц в карман халата, после чего, сняв перчатку, осторожно провела рукой по мертвенно-бледному лицу юноши, с улыбкой тихо произнесла на русском – «Вот и всё, но, впрочем, мне пора. Просыпайся, соня – я буду тебя ждать...».

Одев перчатку на руку и убрав пистолет в папку, незнакомка быстро покинула палату...

Партия

(03.05.2013)

Сделав небольшой глоток кофе, юноша, ещё раз посмотрел на доску, на которой развернулась судьбоносная и многообещающая шахматная партия, после чего с интересом перевёл взгляд на сидевшего напротив него соперника, с улыбкой спросив – «Давно хотел тебя спросить – зачем тебе моя душа? В конце концов, я ведь всего лишь обычный смертный, за возможность получить душу которого ты, Демон, добровольно согласился провести годы в заточении в этом позабытом всеми доме...».

Сидевший напротив юноши в кресле огромный белый котяра, всё это время внимательно смотревший на коня, прорывавшего правый фланг его уже трещавшей по швам обороны и определённо желавший бедному шахматному животному быстрой и, по возможности, предельно мучительной смерти, встрепенулся и, вытерев пот, обильно выступивший на лбу, потянулся за чашкой кофе.

«Странно, что ты только сейчас задал мне этот, безусловно, интересный философский вопрос...» – всё ещё косясь на проклятую лошадь, неприступно возвышавшуюся на правом фланге доски, с улыбкой медленно произнёс Кот, продолжив – «Знаешь, в моём понимании все души делятся на четыре основные категории.

Первая группа, заблудшие овцы, – это души, которым и без моего вмешательства уготовано место в аду за те прегрешения и то зло, что они сотворили при жизни. Согласись, ну разве может у меня быть интерес к тем, кто и так сам придёт в моё царствие? Это всего лишь работа, просто скучная и монотонная работа... Работа, вознаграждением за которую является вся эта пададь, вместо искомой полноценной добычи.

Вторая группа, праведники – это люди, которые не могли и никак не должны были попасть в мои владения, но которых само провидение привело в мои объятья. Всё это впечатляющие истории и истинные трагедии судеб, развлекающие мой разум и доставляющие удовольствие. Это своего рода подарок судьбы или исключение из правила, но не более. Все они мои трофеи, но, к сожалению, они вовсе не моя, а чья-то чужая добыча – ибо я не в силах влиять на их судьбы при жизни...

Третья группа – обычные люди, души которых, трепещущие при малейшем дуновении ветра, вполне могут стать желанными трофеями в моей охоте...».

«А что с четвёртой категорией?» – поинтересовался юноша, глядя на потустороннее существо, мечтательно задумавшееся о чём-то далёком.

«Последняя группа – это души, которые волею судьбы, стали для меня намного более ценной и желанной добычей, чем все остальные вместе взятые...» – добродушно улыбнулся Кот, обнажив ряды острых как бритвы зубов, мягко продолжив – «Знаешь ли, меня мало занимают меркантильные соображения об энергии и пище. Равно как меня не трогают и высокие мысли о добре и зле, балансе тьмы и света и прочей ерунде, которой вы, смертные, уделяете столь много пустого внимания. Что же меня, действительно, занимает, так это добыча, избежавшая своей участи – души так или иначе ускользнувшие из моих цепких лап. Это пробуждает во мне тьму и неистовую жажду охоты, снова и снова заставляя кровь кипеть в моих жилах...».

«Это многое объясняет...» – улыбнулся юноша и, посмотрев на сверкавшие за окном молнии и доносившиеся раскаты многократно усилившего грома, переместил фигуру на доске, сделав свой очередной ход. После чего молодой человек откинулся на кресло и, снисходительно посмотрев на белоснежного двухметрового кота, огромные глаза которого пристально уставились на шахматную доску, мягко произнёс – «Извини, Демон, но тебе не суждено выиграть в данной партии...».

«Это ещё почему?» – с явным недоумением и долей раздражения в голосе произнёс Котьяра, нервно поглядывая на шахматные фигуры.

«Лично я вижу мат в три хода...» – спокойно пожал плечами Алик, с улыбкой добавив – «Посмотри на доску внимательно...».

Разразившийся за окном ливень непрерывно барабанил в стекло на фоне ударов грома, раскаты которого сотрясали весь дом...

Пушистая бестия, обняв голову лапами, с ужасом в глазах склонилась над доской, оценивая обстановку на шахматном фронте. Спустя несколько минут, Кот, со всеми силами вцепился лапами в деревянный стол, оставляя на нём следы глубоких когтей, после чего пригнул уши и, подняв морду вверх, дико завопил – «Аааа! Опять?! Это невозможно! Да будь ты проклят!!!».

Спустя мгновение, вернув себе самообладание и поняв, что подобная демонстрация реакции на поражение перед обычным смертным явно не украшает его антураж, Кот, заметно расслабившись, откинулся на кресло и с деловитым тоном произнёс – «Да, похоже, Шахматист, на этот раз тебе снова удалось выиграть – я признаю своё поражение...».

С последними словами потустороннее существо движением пушистой лапы небрежно уронило чёрного короля, в знак завершения игры, оценивая поглядывая на сидевшего напротив, но отнюдь не ликовавшего победителя...

«Я принимаю твоё поражение, Демон...» – благосклонно улыбнулся Алик, спокойно добавив – «Впрочем, знаешь, даже странно – мне казалось, что ты предпочтёшь играть до самого конца. И, тем не менее, партия завершена...».

Пушистая бестия, шерсть которой от этих слов встала дыбом, распрямилась во весь рост и, с яростью в глазах пододвинув свою морду к зарвавшемуся юнцу, прошипела – «Что ты сказал?! Да как ты, смертный, вообще посмел обмануть меня, Демона?!».

«Я бы никогда не посмел...» – добродушно улыбнулся Легасов и, сделав глоток кофе, снисходительно пояснил – «Я всего лишь сказал, что тебе не суждено выиграть в данной партии, впрочем, это вовсе не значило, что ты её обязательно проиграешь. В действительности, же у тебя была возможность сыграть эту партию вничью. Впрочем, что есть шахматы, если не логические умозаключения, дополненные элементами обычной человеческой психологии? Вот видишь, Демон, я и не думал тебя обманывать – это судьба... Просто судьба...».

Едва сдерживая приступ нахлынувших эмоций, Кот со злостью ударил лапой по столу с такой силой, что кофейник с остатками напитка, осколки фарфоровых чашек и шахматные фигуры разлетелись во все стороны комнаты. После этого сделав несколько глубоких вдохов и придя в себя, Кот, окончательно поняв, что партия сделана, сел обратно в кресло, сердито взглянув на успокаивающий и умиротворяющий огонь, плававший в глубине камина...

«Я бы остался ещё ненадолго, но, сам понимаешь, пора...» – извиняющимся тоном с улыбкой произнёс юноша, белоснежная рубашка которого была безнадежно заляпана остатками кофе, щедро окропившими всё вокруг. Вставая с кресла, молодой человек поинтересовался – «Полагаю, что ты, Демон, несмотря на своё поражение, выдержишь своё обещание...».

«Да, да, разумеется – помнится, я обещал дать прощение грешной души. Я выполню то, что обещал, поскольку, договор есть договор...» – нехотя и с явным неудовольствием признала пушистая бестия, после чего, немного помолчав, с заметным сожалением и грустью в голосе произнесла – «Знаешь, Алик мне искренне не хочется тебя отпускать. По правде сказать, мне будет сильно не хватать как твоей безмерной дерзости и холодного высокомерия, так и той занимательной и интересной игры, что с твоим появлением развернулась в душах людей, возмнивших себя вправе судить других по нормам некоей высшей справедливости...».

«Спасибо за лесть...» – внимательно глядя в огромные зелёные глаза потустороннего существа, кивнул юноша, с улыбкой добавив – «И, тем не менее, надеюсь, ты, Демон, понимаешь, что я бы сильно скривил душой, если бы сказал, что и мне самому жаль покидать это место...».

«Разумеется...» – с огорчением произнёс Кот и, с грустью вздохнув, ещё раз взглянул на бушевавшее в камине пламя, рассудительно добавив – «Признаться честно, за все эти годы оно мне тоже порядком поднадоело. Впрочем, как только наш договор будет исполнен – я получу свою свободу. Готовься, Шахматист...».

«В смысле? И к чему?» – мягко с удивлением поинтересовался Легасов.

«Чтобы отпустить душу, мне придётся забрать тело – забрать до последней капли крови...» – с леденящей душу улыбкой напомнила пушистая бестия, цинично добавив – «Разумеется, это будет больно – больно как никогда. И не говори, что я тебе об этом не предупреждал...».

«Чьё тело?» – с искренним непониманием в голосе повторил юноша.

Сидевший напротив двухметровый Котьяра коварно улыбнулся, обнажив острые зубы, и, отрицательно покачав головой, медленно произнёс – «Что на этот раз, Шахматист? Разумеется, твоё – раз ты просил прощение своей грешной души».

«А я и не говорил, что это будет моя душа...» – с улыбкой развёл руками Легасов.

С последними словами молодого человека Кот всем телом вздрогнул, будто испытал на себе удар одной из молний, грозно сверкавших за окном. Лицо Кота вытянулось от удивления, зелёные глаза пушистой бестии расширились, а изо рта, открытого в попытке произнести что-то невнятное, вместо слов вывалился розовый язык...

«Пойми правильно – вполне возможно, что это будет моя душа, но в данный момент я ещё точно не определился...» – поспешно добавил юноша, с улыбкой пояснив – «В то же время, если субъект применения прощения не определён, то вряд ли ты сможешь в данный момент исполнить наш договор. Полагаю, что данный договор уместно рассматривать как договор с отлагательным условием – ты, Демон, исполнишь его, как и обещал, но только после того как я тебе скажу, чью именно душу тебе придётся простить...».

Кот с диким взглядом полным противоречивых чувств ярости и удивления, взглянул на камин, после чего закрыл глаза и припомнил детали их договора, обсуждённые перед шахматной партией. Убедившись в том, что юнец, действительно, ни разу не упомянул о том, прощение чьей именно души стояло на кону игры, Кот, почувствовав себя обманутым, сделал несколько глубоких вздохов, после чего, покачав головой, тихо прошипел – «Я просто не могу в это поверить... Зачем тебе это, Шахматист?!».

«Знаешь, Демон, прощение души, что ты проиграл – это своего рода индульгенция или, проводя аналогию – страховка. Впрочем, зачем обращаться в страховую компанию, если страховой случай ещё не наступил?» – спокойно развёл руками Легасов, добавив – «Согласись, это не логично – страховку надо сохранить до того момента, когда она действительно потребуется...».

Кот, снова откинувшись на кресло и заливисто злобно рассмеялся, после чего несколько умирив свой смех с широкой довольной улыбкой произнёс – «А ты ничего не забыл, Алик? В конце концов, пока ты всё ещё в моей обители, из которой нет выхода. Мне казалось, что играл на прощение души для того, чтобы выбраться отсюда...».

«Честно говоря, я и вовсе не планировал воспользоваться индульгенцией, чтобы отсюда выбраться. С моей стороны это была просто игра на интерес...» – как ни в чём, ни бывало, пожал плечами Легасов, рассудительно добавив – «В данный момент мне куда более интересно вернуться обратно, чем увидеть, что находится там – за воротами в небесную высь...».

Отчаянно борясь с нервным тиком левого глаза, Кот, крайне удивлённый подобным заявлением своего пленника, оценивающе взглянул на собеседника, и, стараясь выглядеть спокойным и рассудительным, медленно с улыбкой произнёс – «И как же ты собираешься это сделать, Шахматист? Надеюсь, ты, всерьёз, не думал, что после подобной лицемерной победы, я соглашусь сыграть с тобой ещё на одну шахматную партию?».

«Вообще-то я думал о чём-то, более классическом...» – с улыбкой кивнул Легасов, медленно подойдя к двери, ведущей в сад.

«Эту дверь не открыть...» – спокойно отмахнулось потустороннее существо, иронично добавив – «Ещё варианты?».

«Почему не открыть?» – столь же спокойно стоя возле двери поинтересовался Алик, поднеся ладонь ближе к металлической ручке.

«Это моё царство и в этом доме всё подчиняется моим правилам и моей воле – дверь не откроется...» – как нечто само собой разумеющееся произнёс Кот, спокойно глядя на замершего возле двери молодого человека.

«Я жив и моя душа всё ещё при мне – я не принадлежу твоему царству...» – резонно подметил Легасов, прислушиваясь к раскатистым звукам грома.

«И, тем не менее, ты здесь...» – снова широко улыбнулся Кот.

«Всего лишь неудачная затянувшаяся экскурсия...» – спокойно пожал плечами юноша.

«Здесь не бывает экскурсий и раз уж ты здесь, то это судьба – тебе её не открыть...» – невозмутимо возразил Кот.

«Моя истинная судьба там – где это сердце всё ещё отчаянно бьётся за мою жизнь...» – ответил юноша, показывая за окно, где участвовавшие раскаты грома ни на секунду не переставая, всё сильнее и сильнее сотрясали всё вокруг...

«Шахматист, твоя судьба – не там, где твоё сердце, а там, где твоя душа, а она, как ты сам понимаешь, уже сделала свой тёмный выбор...» – лаконично подметил Кот.

«Демон, ты проиграл партию, потому, что поверил в свой проигрыш. Я же не собираюсь сделать подобной ошибки...» – с улыбкой произнёс Алик, добавив – «Ибо я верю – верю в свою судьбу и в себя...».

С последними словами, дождавшись очередного мощного раската грома, сотрясшего весь дом, молодой человек, взялся за дрожащую ручку двери и, повернув её, одним движением распахнул дверь настежь, впуслав внутрь неистовый поток бушевавшего ветра и, не задерживаясь ни на секунду, побежал прочь по дороге, ведущей через сад к спасительной изгороди, ограничивавшей владение...

Глаза пушистой бестии расширились в шоке от увиденного, после чего Кот в одно мгновение распрямившись, одним прыжком подлетел к двери и, разнеся в щепки дубовое полотно, предательски загородившее проход, бросился вдогонку...

Сквозь беспробудную мглу, через стену ледяного дождя, не обращая внимания на ветки деревьев, наотмашь бившие по лицу, юноша бежал – бежал так быстро, как никогда ранее. Бежал изо всех сил, оставляя позади своё прошлое и настоящее, стремясь прочь от настигавшей его тьмы...

Миновав заветную изгородь не останавливаясь, он бежал дальше и дальше, до тех пор, пока не услышал где-то далеко позади неистовый вопль, полный злости и ненависти, изданный потусторонним существом, остановленным невидимым барьером. Остановившись, юноша упал на колени не в силах отдышаться, чувствуя острую боль пронизывающее его сердце. В тот же момент он почувствовал, как почва ушла из-под ног и его собственное тело начало свободное падение вниз...

СНЫ

(03.05.2013, Нью-Йорк, 13–45)

Высокий мужчина средних лет в белом врачебном халате выскочил из лифта на четвёртом этаже и, подбежав к палате с номером «4043», быстро провёл картой доступа по считывателю, влетев внутрь со словами – «Ребекка, что случилось?».

«Эрик, Вы только посмотрите на показания приборов!» – с ужасом в голосе прошептала светловолосая высокая худощавая девушка и, показывая на табло, произнесла – «Буквально за пять минут, пока я ждала Вас, температура тела пациента поднялась на два градуса и уже составляет 34, а пульс... Пульс – почти под двести ударов в минуту!».

«Боже правый – да с таким пульсом его и потерять не долго...» – тихо произнёс Бекер, с удивлением глядя на лежавшее бездыханное тело, сердце в котором билось, как у какого-нибудь профессионального бегуна-спортсмена на дистанции. Оценив ситуацию, он моментально выхватил телефон и, набрав внутренний номер, во весь голос выпалил – «Бригаду реанимации с оборудованием в 4043 – мы теряем пациента! Живо!».

«Эрик, что с ним? Что происходит?» – с испугом переспросила, девушка, сжимая в руке блокнот для записей, не в силах даже пошевелиться и не зная, что делать...

«Я не знаю – раньше ничего такого никогда не было...» – до боли прикусив губу, ответил врач и, взглянув ещё раз на противоречивые и странные показания, отражавшиеся на медицинском мониторе, нерешительно произнёс – «Пульс, повышение температуры тела, усилившаяся мозговая активность – при прочих равных, я бы сказал, что это фаза быстрого сна. Однако, это просто невозможно для пациента в состоянии глубокой летаргии. Да и дыхательная функция опять же отсутствует...».

В этот момент Бекер, заметив у пациента, ранее ни разу до этого не наблюдавшиеся, движения глазных яблок, подошёл ближе и с интересом склонился над больничной койкой, отметив про себя, что кожа лица была бледной, но выглядела несколько иначе, чем обычно, по всей видимости, из-за поднявшейся температуры тела. Ещё раз, сверившись с показаниями приборов, свидетельствовавших о повышении температуры уже до 35 градусов, Эрик, снял с шеи стетоскоп и приложил его к груди пациента, отчётливо услышав дикое биение сердца.

«Да что же тебе там такого приснилось-то?» – тихо и нерешительно произнёс Бекер, осторожно приоткрывая веки, скрывавшие левый глаз пациента...

Зрачок пациента, резко уменьшился в размерах, как только яркий солнечный свет, наполнявший всю палату в это время дня, коснулся сетчатки глаза, после чего веки молодого человека дрогнули, а по всему телу прошла нервная судорога...

В ответ на внезапно раздавшийся предательский писк медицинского оборудования, предупреждавший об опасном ухудшении как минимум одного из отслеживаемых жизненных параметров, Эрик повернул голову в сторону монитора. В тот же момент всё тело пациента резко согнулось в пополам, приняв сидячее положение, издав жуткие леденящие душу хрипы...

Явно не ожидавший ничего подобного, врач, буквально отброшенный в сторону, с ужасом прильнул к противоположной стене, схватившись левой рукой за сердце и смотря на мертвенно-бледное лицо юноши, широко раскрытые зелёные глаза которого жадно впитывали свет...

Стоявшая поодаль у стены и перепуганная до смерти медсестра трижды перекрестилась, в шоке наблюдая за хрипами издаваемыми пациентом, который, как, казалось, никак не мог надыхаться после тяжёлой и длительной пробежки...

Медленно переведя взгляд с туманной бесконечной дали на двоих странно замерших у противоположной стены людей, в медицинских халатах, молодой человек, всё ещё тяжело и

хрипло дыша и, чувствуя как дико и непривычно болят мышцы грудной клетки, тихо с едва заметной улыбкой облегчения произнёс по-английски – «Всего лишь сон... Просто ночной кошмар...».

В этот момент в палату буквально ворвались три человека из бригады реанимации, поспешно вкатывая тележку с оборудованием для дефибрилляции и искусственной вентиляции лёгких. Едва не получив от неожиданности, второй сердечный удар, распластавшийся у стены врач вопросительно посмотрел на вновь прибывших коллег...

«И кого тут реанимировать?» – с ничего непонимающим видом, переспросили трое, переведя взгляд с прильнувшей к стене и дрожавшей медсестры, на Эрика, руки которого била нервная дрожь, и лишь затем на сидевшего на кровати молодого человека с мертвенно-бледным лицом, который, всё ещё тяжело дыша, тем не менее, тихо с улыбкой произнёс – «Я уж точно вас не звал...».

«Видимо, уже не нужно...» – нерешительно произнёс Бекер, всё ещё с ужасом поглядывая на внезапно пришедшего в себя пациента.

Ещё раз, посмотрев на присутствующих, все трое взявшись за повозку с оборудованием, медленно вывели её из палаты, закрыв за собой дверь. В повисшей тишине было слышно как недавние гости, громко выругавшись в коридоре на срочный ложный вызов, расслабившись, размеренно побрели к лифту.

«Джон?» – осторожно произнёс врач, сделав небольшой шаг от стены в направлении больничной койки.

«Джон?» – с удивлением и долей иронии в голосе переспросил юноша.

«Господин, Браун, как Вы себя чувствуете?» – мягко поинтересовался Эрик, глядя на юношу, дыхание которого с каждым вздохом постепенно выравнивалось, осторожно уточнив – «Вы же, помните, как Вас зовут?».

«Судя по Вашим словам, меня зовут Джон Браун, а в остальном чувствую себя неплохо...» – постепенно приходя в себя, хрипло ответил молодой человек, добавив – «Прошу Вас дать мне телефон, чтобы сделать несколько звонков, и приступить к оформлению документов для моей выписки из больницы...».

«В-Выписки?!» – нервно повторил Бекер и, округлив глаза от удивления, добавил – «Джон, Вы же не хотите, сказать, что Вы и, вправду, собираетесь покинуть больницу в таком состоянии?!».

«В каком именно состоянии?» – спокойно поинтересовался молодой человек, осторожно садясь на край кровати и рассудительно продолжив – «Полагаю, что швы и раны уже затянулись – так в чём проблема?».

«К-Какие швы? Какие раны?» – нервно переспросил Эрик, явно усомнившись в способности пациента адекватно воспринимать ситуацию, после чего осторожно добавил – «Вас привезли к нам в полном физическом порядке – на Вашем теле в районе груди действительно были несколько затянувшихся шрамов, но нам объяснили, что это последствия давнего дорожно-транспортного происшествия...».

«Весьма удобно...» – спокойно улыбнулся юноша, спросив – «Впрочем, где Мазаев?».

«Какой Мазаев?» – с полным непониманием нервно переглянувшись с медсестрой, переспросил врач.

«Человек, которого доставили в госпиталь с ранением ноги вместе со мной...» – пояснил молодой человек, добавив – «Майор Сергей Мазаев...».

«Вас доставили одного – по крайней мере, к нам в клинику...» – мягко ответил Бекер, успокаивающе добавив – «Впрочем, Вам не стоит волноваться – если у него было ранение, то вполне вероятно его уже просто выписали. Всё-таки столько времени прошло...».

«В смысле времени?» – с заметным удивлением поинтересовался юноша, требовательно переспросив – «Сколько я здесь? И какое сегодня число?».

«Вы у нас чуть больше года...» – уклончиво ответил врач, и, стараясь не шокировать пациента цифрами, добавил – «Сегодня третье мая...».

«Какого года?» – бескомпромиссно переспросил юноша.

«Две тысячи тринадцатого...» – с явной неохотой и опаской в голосе произнёс врач.

«Боже мой! Полтора года!» – по-русски медленно повторил молодой человек, с ужасом закрыв глаза, после чего задумчиво покачал головой, размышляя про себя о том, сколько всего могло произойти за полтора года его отсутствия...

«Впрочем, Джон, Вам не стоит так сильно об этом переживать...» – мягко продолжил Эрик, видя убийственный эффект данной новости для пациента, пояснив – «В конце концов, Ваши родные и близкие всё это время терпеливо ждали Вашего возвращения и это чудо, что Вы снова с нами после столь затянувшегося летаргического сна».

«Родные?» – с улыбкой с интересом переспросил юноша.

«Да, они поместили Вас в нашу клинику, обеспечив всем необходимым...» – одобительно кивнул Бекер, с улыбкой добавив – «И надо полагать, они очень ждут Вашего возвращения – в соответствии с их инструкциями, мы должны связаться с ними немедленно – как только будут существенные изменения в Вашем состоянии».

«Вы их ещё не проинформировали?» – понимающе поинтересовался молодой человек.

«Пока ещё нет – всё произошло столь стремительно, что мы ещё не успели их предупредить...» – развёл руками врач.

«В этом случае, полагаю, Вы согласитесь, что им будет спокойнее и приятнее услышать о моём состоянии из первых уст...» – улыбнулся юноша, протянув руку – «Пожалуйста, телефон и номер и, пока я буду звонить, принесите мне, какую-нибудь нормальную одежду, вместо этой больничной робы...».

Посчитав данное предложение вполне разумным компромиссом, Эрик, положил телефон на стол возле кровати и вместе с медсестрой вышел из палаты на пару минут, вернувшись обратно вместе с визиткой с записанным номером родственников Джона Брауна, в то время как Ребекка принесла с трудом раздобытые рубашку и джинсы.

Молодой человек, к большому удивлению врачей, всё это время активно с кем-то разговаривавший по оставленному телефону, улыбнулся и положил трубку. После чего, не вставая с кровати, быстро надев рубашку и джинсы, взял в руки протянутую Бекером визитку и набрал заветный телефон, указанный на карточке.

«Алло» – раздался мужской голос на том конце телефонной связи.

«Прошу прощения, Вы родственник Джона Брауна?» – холодно поинтересовался юноша.

«Да, разумеется...» – деловито ответили на том конце.

«Боюсь, что у меня для Вас плохие новости...» – печальным голом продолжил молодой человек.

«Что случилось?» – встревоженно поинтересовался мужчина на том конце.

«Джон Браун умер...» – с душераздирающим спокойствием произнёс юноша в трубку и, не обращая внимания на стоявших возле окна Эрика и Ребекку, лица которых вытянулись в полнейшем шоке от услышанного, в наступившей тишине добавил – «Впрочем, если Вы хотели пообщаться не с ним. А, скажем, к примеру, с неким Аликом Легасовым, то у Вас есть ровно час, до того, как я отсюда уеду...».

«Я буду у Вас через двадцать минут...» – растерянным голосом, несколько замаявшись, наконец, промолвил незнакомец.

«Постарайтесь меня не разочаровать...» – раздражённо произнёс Легасов, повесив трубку.

В ответ на немую сцену с замершим у окна врачебным персоналом, юноша улыбнулся и, пожав плечами, добавил – «Родные меня зовут, Аликом. Ничего не поделать – семейная традиция...».

С последними словами молодой человек попытался встать с кровати на ноги, после чего не удержав равновесия, к полнейшему ужасу обоих медиков, с грохотом рухнул на пол.

Бекер с Ребеккой быстро подхватили пациента, усадив его обратно на кровать.

«Вам нельзя двигаться!» – властно и безапелляционно произнёс Эрик, продолжив – «Джон, Вы полтора года лежали без единого движения – чтобы вернуться к прежнему образу жизни Вам потребуется как минимум месяц-другой курса реабилитации...».

«Я бы не сказал, что всё это время, я был без движения – если бы вы только знали, какой тренер у меня был...» – саркастически тихо улыбнулся юноша, рассудительно добавив – «Мой же курс реабилитации заканчивается через двадцать минут, после чего мне снова придётся вернуться к... к прежнему образу жизни...».

«Это просто немыслимо!» – искренно возмутился врач, поспешно добавив – «Вам просто обязательно надо отдохнуть! А ещё лучше поспать...».

Последняя дежурная фраза Бекера прозвучала несколько странно, даже для него самого, в контексте всего того, что произошло.

«Эрик, если Вы не заметили, я уже выспался – выспался на годы вперёд...» – спокойно произнёс Легасов, мельком взглянув на бейджик с именем врача, прикрепленный к белоснежному халату, после чего ещё раз осторожно поднялся на ноги, поддерживаемый Ребеккой.

Сделав несколько шагов вперёд, он подошёл к окну и, взглянув на городской пейзаж, утопавший в ласковых майских лучах Солнца, твёрдо произнёс – «Эрик, готовьте документы на выписку – через час за мной придет мой водитель. Все расходы госпиталя в полном объёме будут компенсированы родственниками...».

После чего молодой человек, внимательно посмотрел на главу отделения, всё ещё пытавшегося что-то отчаянно возразить. Увидев этот холодный, полный решимости и действия, взгляд зелёных глаз, пробирающий до самой глубины души, врач замолчал и, беспомощно разведя руками, направился собирать необходимые документы...

Ребекка, отойдя вглубь комнаты, села на стул возле койки, периодически обеспокоенно поглядывая на замершего возле окна юношу, смотревшего куда-то вдаль...

Семья

(03.05.2013, Нью-Йорк, 14–20)

Внезапно раздавшийся стук в дверь, оторвал молодого человека от созерцательной картины городского пейзажа, навевавшего далёкие воспоминания, после чего, медленно развернувшись, он увидел в дверях Бекера с папкой документов в руках в компании высокого статного худощавого мужчины в возрасте около 55 лет с седыми волосами в чёрном пиджаке и галстуке.

«Джон, прибыл Ваш дядя...» – несколько растерянно, глядя на пациента, на лице которого не отразилось ни малейшего проявления эмоции при появлении близкого родственника, произнёс врач.

«А, ну, разумеется...» – спокойно кивнул Алик, с улыбкой попросив – «Эрик, не могли бы с Ребеккой оставить нас ненадолго наедине. Всё, это, сами понимаете, так неожиданно. Встреча с семьёй после стольких лет...».

«Да, да, конечно...» – одобрительно кивнул Бекер, после чего, добавив вполголоса гостю – «Дэвид, пожалуйста, не более пятнадцати минут – пациенту необходимо отдохнуть. И, по возможности, постарайтесь его не волновать – Джон пришёл в себя менее часа тому назад и ещё недостаточно хорошо себя чувствует...».

«Я постараюсь недолго...» – поспешно заверил врача незнакомец.

Спустя несколько секунд дверь палаты закрылась, оставив их наедине.

Внимательно окинув взглядом гостя, молодой человек, сел в кресло возле окна, медленно произнес – «Что же потребовалось центральному разведывательному управлению США от моей скромной персоны?».

Мужчина, пододвинув стул, сел с другой стороны койки, и с улыбкой произнёс – «А почему Вы, собственно говоря, считаете, что я представляю интересы центрального разведывательного управления?».

«Я здесь нахожусь более года под вымышленным именем, что подразумевает, что самого Алика Легасова официально похоронили и, по всей видимости, сделали это сразу же после покушения со ссылкой на медиков, которым, несмотря на все усилия, не удалось спасти жизнь именитого пациента. Дэвид, Вы можете мне показать другую службу, которая была бы в состоянии провести мои публичные похороны на территории США, поместив меня в больницу под вымышленным именем и, надо полагать, документами?» – язвительно поинтересовался Легасов, добавив – «Полагаю, Вам, Дэвид, следует представиться – в противном случае, боюсь, у нас с Вами не получится диалога...».

«Дэвид Саймон, как Вы правильно догадались, центральное разведывательное управление США...» – одобрительно кивнул гость, с улыбкой добавив – «Отрадно видеть, Алик, что столь длительный летаргический сон никак не повлиял на Вашу блистательную интуицию...».

«Зачем Вы это сделали?» – прямо глядя в глаза незнакомцу поинтересовался Легасов, добавив – «Зачем Вам потребовался весь этот маскарад с моими похоронами?».

«В данном случае, мы, разумеется, всеми доступными средствами пытались обеспечить безопасность известного и уважаемого гражданина США, а именно Вашу личную безопасность...» – мягко с улыбкой произнёс Саймон, продолжив – «Алик, Вы должны понимать, что за Вами шла самая настоящая охота – эти были профессионалы, выходцы из российских спецслужб. Если бы мы оставили Вас в бессознательном состоянии в одной из больниц под Вашим настоящим именем, нам бы потом пришлось организовывать уже Ваши не поддельные, а вполне настоящие похороны. В данном же случае, нам удалось избежать подобного нежелательного развития событий с минимальными последствиями. По крайней мере, Вы живы – и это главное...».

«С минимальными последствиями?!» – яростно произнёс Легасов, эмоционально добавив – «Да что Вы вообще знаете о последствиях?!».

«Если не ошибаюсь, ничего особенного не произошло...» – мягко поинтересовался Саймон, с интересом уточнив – «А что именно, собственно говоря, не так?».

«Дэвид, а Вам никогда не доводилось оставлять в беспробудной тьме и одиночестве слабого, недалёковидного и беспомощного, того кто, не сможет самостоятельно найти выход? Того кто обязательно сойдётся с предначертанного пути, пойдя в самую бездну отчаяния?» – медленно переспросил Алик, эмоционально добавив – «А теперь представьте, что этот человек – капитан корабля, отвечающего за жизни сотен и тысяч людей! А Вы с Вашими эгоистичными интересами заставили меня это сделать! Вы спасли мне жизнь, но какой ценой?! Ценой всего того, что я создавал долгие годы!».

«Я и не думал, что Вы столь глубоко переживаете за судьбу экзорцистов...» – с улыбкой понимающе кивнул Саймон, добавив – «Впрочем, Алик, не стоит драматизировать – с этими ребятами всё в полном порядке...».

«Вообще-то, я имел в виду свою финансовую империю, оставленную под присмотром Хайнца Ворштайна, и судьбы людей вверивших компании свои капиталы в управление...» – с укором посмотрев на явно не блиставшего умом чиновника разведывательного управления, снисходительно произнёс Легасов, добавив – «Разумеется, как уважаемый гражданин США я не имею ничего общего с данным движением. Впрочем, Ваша тонкая ирония, Дэвид, свидетельствует о Вашей полной осведомлённости о проекте Ваших британских коллег...».

Саймон осёкся, явно не ожидав подобных далеко идущих заключений по итогам своей неосторожной реплики...

«Возвращаясь к причинам произошедшего, спешу заверить, Дэвид, что меня явно не удовлетворила Ваша версия о причинах моей официальной гибели. Со своей стороны я уверен, что мотивация Вашего ведомства была несколько иной – а именно, Вас интересовала реакция экзорцистов и российских властей на мою гибель. Вероятнее всего, всё это время вместе с Вашими британскими коллегами Вы также пытались внедрить собственного человека в качестве посредника, для манипулирования деятельностью данного движения...» – спокойно произнёс Легасов. После чего с широкой улыбкой добавил – «В связи с этим, полагаю, что мне всё-таки придётся публично поднять вопрос о деятельности Вашего ведомства, как в процессе инцидента, так и после него в ходе ближайшей пресс-конференции. Журналистам, безусловно, понравится эта история, особенно, если вспомнить Ваши предыдущие попытки неудачной охоты за мной, как за носителем российской государственной тайны...».

Мужчина ослабил галстук, после чего промокнув платком обильно выступивший на лбу пот, заметно нервничая, произнёс – «Алик, не нужно горячиться. В конце концов, мы и сами понятия не имели, к каким именно последствиям приведёт Ваша публичная гибель и, разумеется, не смотрели настолько далеко вперёд. Всё что нас интересовало тогда – это вывести Вашу жизнь из-под вероятного удара противника, с тем, чтобы сохранить своего рода козырь в рукаве, на случай, если ситуация всё-таки выйдет из-под контроля. Да и опять же на случай если в будущем Вы решите в большей степени координировать с нами свои усилия...».

«А Вы, Дэвид, надо полагать, видите основания для подобного более тесного сотрудничества?» – с интересом спросил молодой человек, устало подперев голову рукой.

«Алик, полтора года тому назад Вас прокляли и едва не застрелили свои же, по приказу сверху, за всё, что Вы для них сделали... Экзорцисты, забыв про Вас, продолжили свой кровавый крестовый поход. Да чего там говорить – Вас официально уже, даже нет в живых! И после всего, Вы всё ещё пытаетесь сохранить лояльность?!» – эмоционально произнёс Саймон, мягко продолжив – «Поймите, сейчас мы нужны друг другу как никогда – мы можем с лёгкостью официально вернуть Вас к жизни, обеспечив Вам полный возврат капиталов и имущества, а

также, разумеется, Вашу личную безопасность. Со своей стороны Вы можете помочь нам с некоторыми нашими проблемами в том объёме, в котором сочтёте возможным и нужным...».

«Дэвид, я сохраняю не лояльность, а независимость – разницу в этих понятиях, я полагаю, Вы должны понимать. Независимость в своих суждениях и действиях, которая позволяет мне следовать своим принципам...» – устало произнёс Легасов, холодно подведя итог встречи – «Я живой и это главное. Все юридические проблемы данного «воскрешения» мои юристы, я Вас уверяю, в состоянии решить оперативно и без Вашей помощи в самое ближайшее время. Вопрос личной безопасности, я, полагаю, я также смогу решить без Вашей помощи – в конце концов, не так важно, сколько человек тебя охраняют, ибо убивают даже президентов. В этом плане намного важнее то, сколько именно человек пытается тебя отправить на тот свет. Резюмируя, сказанное, я бы сказал, что Вы и Ваше ведомство мне должны...».

«Помилуй, Бог!» – искренне возмутился, Саймон, добавив – «Мы же спасли Вам жизнь?!».

«И, тем не менее, должны...» – улыбнулся Алик, мягко продолжив – «Впрочем, возможно, я смогу закрыть глаза на Ваши бесчеловечные и нелепые методы спасения моей жизни с этим публичным шоу с похоронами. Похоронами, на которых надо полагать, за неимением времени, Вы использовали моё настоящее тело, воспользовавшись моим весьма удобным пребыванием в состоянии глубокого летаргического сна. Выставить полуживое тело американского миллиардера, человека, известного во всех финансовых кругах, на всеобщем обозрении в качестве трупа! И это вместо, предписанного лечения, только для удовлетворения собственных ведомственных амбиций! Боже правый, вот это скандал для вашего ведомства!» – мягко и буднично с улыбкой произнёс Алик, вызвав состояние близкое к шоку на лице собеседника, продолжив – «Разумеется, я закрою глаза только в обмен на несколько небольших уступок со стороны Вашего ведомства...».

«О каких именно уступках речь?» – ещё раз вытерев платком холодный пот со лба, со слабой надеждой в голосе поинтересовался чиновник центрального разведывательного управления.

«Во-первых, Вы должны выставить мне официальный счёт на все понесённые ведомством медицинские и прочие расходы на лечение и обеспечение моей безопасности за весь этот период времени. Полагаю данные расходы, равно как и все Ваши усилия по обеспечению моей безопасности, целесообразно оформить по программе защиты свидетелей от федерального бюро расследований, поскольку, надо полагать, в обязанности центрального разведывательного управления данные функции не входят. Данный счёт будет мной оплачен в полном объёме – я публичная личность и не могу себе позволить оставаться в долгу ни перед кем...» – быстро произнёс Легасов и, получив утвердительный кивок оппонента, продолжил – «Во-вторых, сразу после моего публичного выступления, федеральное бюро расследований, должно выступить с соответствующим заявлением. А именно, с подтверждением факта моего длительного пребывания в состоянии летаргического сна в стационаре одной из клиник Нью-Йорка, организованного бюро в рамках программы защиты свидетелей в целях обеспечения моей личной безопасности от возможных повторных покушений».

Мужчина сухо кивнул, безоговорочно соглашаясь с очередным условием.

«В-третьих, меня не было целых полтора года – за это время произошла масса событий. Да и ситуация, надо полагать, полностью изменилась...» – развёл руками молодой человек, с улыбкой добавив – «Согласитесь, с моей стороны, было глупо, перечитывать прошлые выпуски газет и заголовки былых новостей в поисках информации об экзорцистах, зная, что передо мною в долгу само центральное разведывательное управление США со всеми его аналитическими службами...».

«Я не могу. Я не уполномочен принимать подобные решения...» – жалостливо пролепетал Саймон, лихорадочно ослабляя галстук.

«Дэвид, я не прошу Вас раскрывать Ваши карты...» – видя полное замешательство собеседника, с улыбкой произнёс Алик, уточнив – «Речь идёт лишь о той информации о данном движении и действиях российской стороны, что так или иначе уже стала достоянием широкой общественности, пройдя в выпусках новостей. Просто расскажите мне, что именно я пропустил за всё это время...».

Мужчина машинально провёл рукой по седым волосам, обдумывая предложение, после чего, решив, что раскрытие общеизвестной информации вполне допустимо в сложившихся обстоятельствах, закрыл глаза и, постаравшись припомнить события последних полутора лет, связанные с деятельностью данного террористического движения, медленно начал рассказ...

Черёд

(04.05.2013, Москва, 10–00)

«Ситуация в целом понятна...» – подвёл неутешительные итоги очередного заседания Владислав Аркадьевич, добавив привычную завершающую фразу – «В этом случае, коллеги, за работу...».

Спустя несколько минут чиновник администрации в сопровождении директора центра стратегических исследований быстро покинул конференц-зал главного следственного управления, оставив немногочисленных членов межведомственной оперативно-следственной группы коротать очередной майский выходной на проклятой работе...

Получив дополнительные наставления от генерала Пухова, с последовавшим за ними объявлением долгожданного перерыва, члены оперативно-следственной группы, быстро покинули помещение, рассредоточившись по нескольким комнатам управления, чтобы вновь собраться в порядкем надоевшем всем зале ровно через пятнадцать минут...

Людмила, всё утро пребывавшая в скверном настроении, поправила висевшие на носу аккуратные очки прямоугольной формы, и, воспользовавшись моментом, подошла к майору, мягко попросив – «Сергей, можно тебя на пару слов?».

«Разумеется, Люда...» – охотно кивнул Мазаев, проследовав за своей давней университетской подругой.

Через минуту они оба вошли в кабинет, заботливо выделенный Велисаровой, как руководителю оперативно-следственной группы, административно-хозяйственным отделом управления.

Людмила включила электрический чайник, стоявший на столе, после чего подойдя к окну, достала пачку сигарет и, вынув сигарету, дружески протянула пачку майору...

«Спасибо, я пас...» – покачал головой Сергей, доставая из шкафа чашки и пакетики с заваркой для чая, поинтересовавшись – «Люда, с каких это пор, ты куришь? Если мне не изменяет память, ты же бросила ещё в университете?».

«Долго же тебя не было, Сергей, если ты всё ещё обращаешь внимание на подобные мелочи...» – с улыбкой приветливо произнесла Велисарова, после чего, присев на широкий подоконник, зажгла сигарету, добавив – «Вот уже как год ничего не могу с этим поделать – нервы ни к чёрту, а так хоть какая-то отдушина...».

«Переживаешь из-за этого очередного чиновника?» – понимающе поинтересовался Мазаев, лаконично продолжив – «Люда, в данном случае, судя по материалам наших саратовских коллег, всё достаточно просто и очевидно – чиновника регионального министерства здравоохранения убрали выстрелом из оптики с дальнего расстояния прямо на выходе из дома. Сработали чисто и без свидетелей – можно сказать, просто классика жанра. Чиновник был в чёрном списке, если не ошибаюсь, под номером девяноста один. Сами экзорцисты такжеотреагировали на его устранение очередной лаконичной до безобразия издевательской формулировкой на своём информационном портале. Ну и что тебя так беспокоит в этом деле?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.